

Карпович О.Г. – Главный редактор,
доктор политических наук,
доктор юридических наук,
профессор

Орлов Е.Э. – ответственный
секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Шутов А.Д. – председатель,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук,
профессор

Анжела ди Грегорио – доктор
политологии, профессор
(Италия)

Анис Байректаревич – доктор
политологии, профессор
(Австрия)

Бажанов Е.П. – заслуженный
деятель науки РФ, доктор
исторических наук,
профессор

Бартош Хордецки – доктор
политологии (Польша)

Гарбузов В.Н. – доктор
исторических наук, профессор

Громыко А.А. – доктор
политических наук, профессор,
профессор РАН

Ивашов Л. Г. – доктор
исторических наук, профессор

Манойло А. В. – доктор
политических наук

Пономарева Е. Г. – доктор
политических наук, профессор

Ширинянц А. А. – доктор
политических наук, профессор

Филимонов Г. Ю. – доктор
политических наук

Геополитический журнал

Номер свидетельства

ПИ № ФС77-61075

Наименование СМИ:

Геополитический журнал.

Форма распространения:

печатное СМИ журнал.

Территория распространения:

Российская Федерация,
зарубежные страны.

Языки: русский, английский.

Адрес редакции: 121170, г. Москва,

Кутузовский пр-т, д. 36, стр. 11.

Тел.: (495) 7-400-600

E-mail: GPJ2013@mail.ru

При перепечатке и цитировании ссылка на журнал
«Геополитический журнал» обязательна.

© «Геополитический журнал», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ

Бочарников И. В. О евразийской геополитической
стратегии России 3

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Китинов Б.У. Каспийский регион: цивилизационная
дилемма политического развития 9

Филиппов В.Р. Международные отношения эпохи
постмодерна 15

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА

Канунников А.А. Гражданское общество: ЕС и Россия . . 23

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

Стоян Денчев, Мирияна Павлова. Цветные
революции: Кто смешивает краски и кто художник? . . 31

МЯГКАЯ СИЛА

Манойло А.В. Модели «мягкой силы» сетевых
террористических организаций (на примере
«Исламского государства», Аль-Кайды, Талибана
и «Братьев-мусульман»). 37

БЕЗОПАСНОСТЬ

Шереметьев Д.В. Особенности формирования
Общей политики безопасности и обороны
Европейского Союза на современном этапе 47

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Дашичев В.И. Политика глобального господства
США в исторических сравнениях и сопоставлениях . . 59

Макарчук О. И. Советское уголовное
законодательство 20-30-х годов XX века по
защите порядка управления 72

Арская Л.П. Герои на все времена 76

Издательство ООО «Сам Полиграфист».

Отпечатано в типографии «OneBook»

109125, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42.

www.onebook.ru

Подписано в печать

06.06.2016, Зак. № 60212

Формат 70×108 1/16

Тираж 1000 экз.

O.G. Karpovich – Editor-in-Chief,
Doctor of Political Sciences,
Doctor of Law, Professor
E. Orlov – assistant to Editor-in-
Chief

EDITORIAL BOARD:

A.D. Shutov – Chairman, Honoured
Science Worker of the Russian
Federation, Doctor of Historical
Sciences, Professor

Angela Di Gregorio – Doctor of
Political Sciences, Professor (Italy)

Anis Bajrektarevic – Doctor of
Political Sciences, Professor
(Austria)

Ye.P. Bazhanov – Honoured Science
Worker of the Russian Federation,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Bartosz Hordetski – Doctor of
Political Sciences (Poland)

V.N. Garbuzov – Doctor of Historical
Sciences, Professor

A.A. Gromyko – Doctor of Political
Sciences, Professor of RAS,
Professor

L.G. Ivashov – Doctor of Historical
Sciences, Professor

A.V. Manoylo – Doctor of Political
Sciences

Ye.G. Ponomareva – Doctor of
Political Sciences, Professor

A.A. Shirinyants – Doctor of
Political Sciences, Professor

G.Yu. Filimonov – Doctor of
Political Sciences

Geopolitics Journal

Certificate Number ПИ No. ФС77-61075

Name of the Media: Geopolitics Journal.

Distribution Form: printed media,
Journal.

Distribution Area: Russian Federation,
foreign countries.

Languages: Russian, English.

Address of the Editorial Staff: Kutuzovsky
prospekt 36, bldg. 11, 121170, Moscow.

Tel.: (495) 7-400-600

E-mail: GPJ2013@mail.ru

*When reprinting and quoting, reference to the
Geopolitics Journal is required.*

© Geopolitics Journal, 2016

CONTENTS

GEOPOLICY OF RUSSIA

I.V. Bocharnikov "About the Eurasian geopolitical
strategy of Russia" 3

WORLD POLICY

B.U. Kitinov "Caspian region: civilizational dilemma of
political development" 9

V.P. Filippov "International relations
of postmodern era" 15

RUSSIAN POLICY

A.A. Kanunnikov Civil society: EU and Russia 23

COLOR REVOLUTIONS

Stoyan Denchev Miryana Pavlova. "Color
revolutions: Who mixes colors and who is painter?" 31

SOFT POWER

A.V. Manoylo "Models of "soft power" of the network
terrorist organizations (on examples of the "Islamic
state", Al-Qaida, the Taliban and
"Muslim Brotherhood")" 37

SECURITY

D.V. Sheremetyev "Features of formation of the
Common Security and Defense Policy of the
European Union at present" 47

WORLD RELATIONS HISTORY

V.I. Dashichev "USA global domination politics in
historical comparisons" 59

O.I. Malchuk "Soviet criminal law of 1920-30s of
XX century to protect the administration order" 72

L.P. Arskaya "Heroes for the ages" 76

ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ

О ЕВРАЗИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

Бочарников И. В.

Профессор кафедры политологии МГТУ имени Н.Э. Баумана, доктор политических наук

Тел.: +7 925 240 77 02

Эл. почта: bocharnikov@rambler.ru

Аннотация: В статье обосновывается перспективность евразийского геополитического вектора развития России.

В значительной мере это определяется, с одной стороны, традиционно недружественным отношением к России со стороны ведущих европейских стран. На протяжении многовековой исторической практики потенциал России использовался для обеспечения безопасности европейских стран, в то же время этими же странами реализовывалась политика ослабления России, нанесения ей максимального ущерба, в том числе вовлечения ее в войны и вооруженные конфликты. Аналогичного рода политика осуществляется по отношению к Российской Федерации со стороны США и их европейских (натовских) союзников. Это свидетельствует о бесперспективности усилий по выстраиванию взаимовыгодных отношений со странами Европы и США вследствие нежелания этого со стороны последних.

С учетом того, что Россия является евразийским государством, необходимо использование данного обстоятельства в интересах ее эффективного развития.

В статье определяются наиболее перспективные направления данного (евразийского) вектора развития Российской Федерации, а также необходимые для этого условия.

Ключевые слова: Россия, национальные интересы России, Евразийская геополитическая стратегия, геополитика, евразийское государство, внешнеполитические приоритеты, Азиатско-тихоокеанский регион, США, санкционная политика, европейские союзники США, Европейский Союз.

I.V. Bocharnikov

Professor of Political Science Department of N.E. Bauman Moscow State Technical University, doctor of political sciences

Phone: +7 925 240 77 02

E-mail: bocharnikov@rambler.ru

ABOUT THE EURASIAN GEOPOLITICAL STRATEGY OF RUSSIA

Abstract: The article explains the prospects of the Eurasian geopolitical vector of the Russian development.

To a great extent it is determined, on the one hand, by the traditionally unfriendly attitude of the leading European countries to Russia. Over a long historical practice the Russia's potential was used to ensure the security of the European countries, at the same time the same countries implemented a policy of weakening Russia, impairing it the maximum damage, including its involvement in wars and armed conflicts. The similar policy was implemented to the Russian Federation by the USA and their European (NATO) allies. This demonstrates the lack of prospects of any efforts to build mutually beneficial relations with the European countries and the USA because of the unwillingness of it by the latter.

Given the fact that Russia is a Eurasian state, this circumstance must be used in the interest of its effective development. The article describes the most prospective directions of this (Eurasian) vector of development of the Russian Federation, as well as the necessary conditions for this.

Key words: Russia, national interests of Russia, Eurasian geopolitical strategy, geopolitics, Eurasian state, foreign policy priorities, Asia-Pacific region, USA, sanctions policy, European allies of the USA, the European Union.

Евразийская геополитическая стратегия для России является одним из наиболее значимых, если не приоритетных, проектов. Более того она априори является доминантой развития России.

Это предопределено не только ее географическим положением, но и местом и ролью в истории мировой цивилизации. Уникальность страны заключается в том, что она не европейское и не

азиатское государство. Она — евразийская держава. Другого такого трансконтинентального государства в мире нет. Именно на территории России находится Хартлэнд — Сердце Земли, не дающее покоя заморским геополитикам. И в силу этого именно отсюда исходили наиболее мощные импульсы развития человеческой цивилизации, предопределившие, в том числе и вектор развития самой России [3].

Во многом благодаря этому Россия была и остается ведущим государством мирового сообщества. Эту зависимость М.В. Ломоносов определил словами: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном» [2].

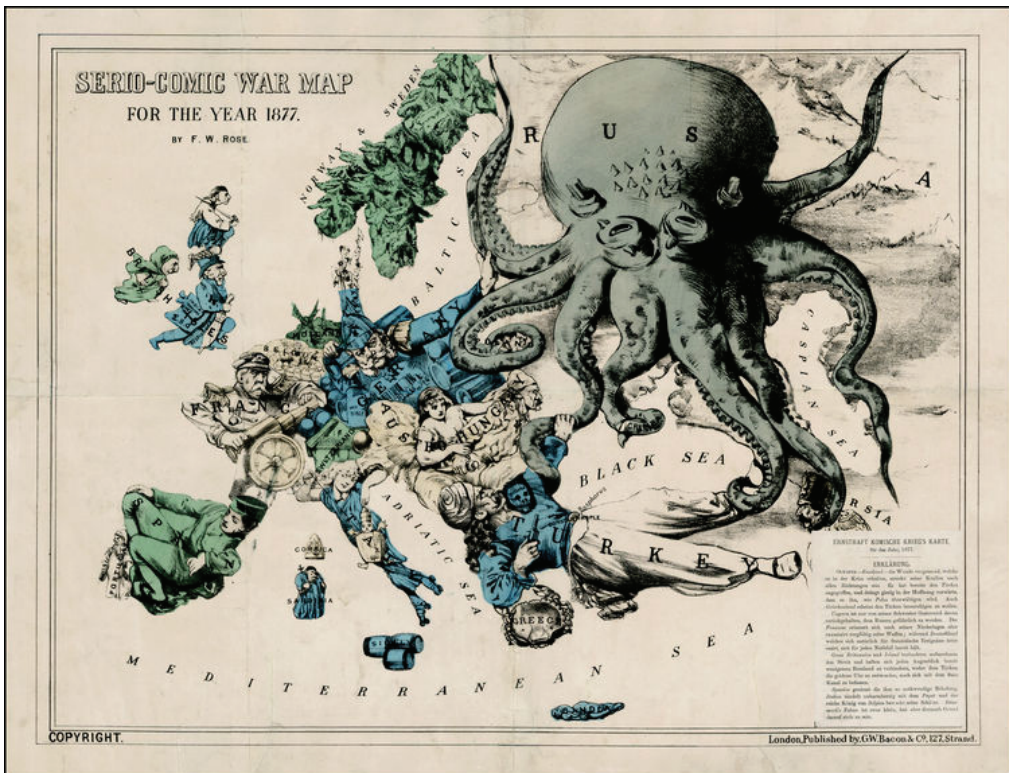
Несмотря на это, во внешней политике России, по крайней мере, последние столетия превалировал проевропейский курс. Азиатское же направление для нас, за редким исключением, всегда являлась

периферией, хотя именно здесь сосредоточены ресурсы для эффективного развития страны. И тот разворот, который сделала Россия еще в допетровский период, подтвердил значимость азиатского вектора развития для России.

Да и сам Петр I, осуществляя ее модернизацию, прорубил «окно» не только в Европу, но и Азию (на Кавказе).

Причина столь избирательного подхода в том, что у нас в подсознании заложена идеологема — мы европейская страна и поэтому должны соответствовать их, европейским, стандартам. Но что бы для этого соответствия ни делалось, нас никогда европейцами не признавали и не признают. Наша страна слишком большая для Европы, и в силу этого ее всегда боялись.

Вот, например, как англичане изображали Россию во второй половине XIX века.

Первым Россию в виде осьминога изобразил английский иллюстратор Ф.В. Роуз на «Серьезно-юмористической военной карте 1877 года». В последующем это изображение было растиражировано. Более того, изображение нашей страны на географических картах в виде того или иного чудовища для европейцев стало признаком хорошего тона [8].

События не только последних десятилетий, но и столетий свидетельствуют о том, что всякий раз, когда жизненно важным вопросам, особенно связанным с обеспечением безопасности, угрожала какая-либо значимая угроза, взоры европейцев обращались в сторону России и всякий раз, когда они с ее помощью решались, в Европе разворачивалась разнужданная антироссийская кампания.

Так, в конце 1814 года, после победы над наполеоновской Францией бывшие союзники Российской империи Великобритания и Австрия же с участием побежденной Франции, заключили секретный договор и даже подготовили план военной кампании против России. Планы союзников существенно скорректировал Наполеон, покинувший место своей ссылки на острове Эльба. Известие о его возвращении в очередной раз сплотило коалиционеров, и они, по выражению В.О. Ключевского, вновь «судорожно схватились за Россию».

Судорожно хватались за Россию ее союзники (Великобритания и Франция) и в ходе Первой мировой войны. Причем Русская армия воевала, не только на своей территории, но и во Франции. Однако по окончании войны Россию (ни Советскую, ни Белую) даже не пригласили на подписание капитуляции Германии. Напротив, Россия оказалась в числе проигравших государств и в отношении нее уже ее бывшими союзниками вынашивались планы расчленения.

Показательны и итоги Второй мировой войны, завершившейся для России не только победой над нацисткой Германией, но и началом новой войны — «хо-

лодной» — уже со своими европейскими союзниками и курировавшими их Соединенными Штатами. И даже тогда, когда Советский Союз был разрушен и, казалось бы, формальная причина противостояния устранена, Россия все равно оставалась потенциальным противником, объектом различного рода экспансии и агрессии.

Ну и, конечно же, события последнего времени, когда в канун 70-летия окончания Второй мировой войны, Европа — «мир спасенный ...» в едином порыве сплотилась против России — государства, вынесшего на себе основную тяжесть той войны, наглядно характеризуют истинное отношение европейцев к нашей стране.

Ничего нового, а тем более неожиданного в этой политике нет. Так было, так есть и так будет. И поэтому все надежды на то, что Европа будет стремиться выстраивать равноправные отношения с Россией — иллюзии.

Европа начинает уважать Россию только тогда, когда та поворачивается к ней спиной или иными словами сосредотачивается на решении своих собственных национальных интересов. Во второй половине XIX века после знаменитых слова А.И. Горчакова «Россия не сердится, Россия сосредотачивается» [5], она действительно, повернувшись спиной к Европе, сосредоточилась на реализации своих жизненно важных национальных интересов и стала в результате этого одним из влиятельных и наиболее динамично развивающихся государств. Что позволило Александру III произнести историческую фразу «Европа подождет, когда русский царь ловит рыбу».

Думается, что и сейчас уже пришло время для того, чтобы Европа в очередной раз подождала. А для этого необходимо, по крайней мере, перестать обращать внимание на Евросоюз, за спиной которого четко прослеживаются звездно-полосатые уши.

Доминантой развития России является ее евразийское направление. Интересы России не в Европе, которая уже постепенно становится периферией мировой политики и экономики — они в Азии.

Прежде всего, речь идет об Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), для которого характерно высокая динамика политических и экономических процессов, формирующих устойчивую тенденцию к превращению его в важнейший центр мировой политики и экономики. Уже сейчас в совокупности экономики стран региона производят более 57% общемирового ВВП и, очевидно, в перспективе эта доля в мировом производстве будет только возрастать.

В настоящее время идет жесткая конкуренция за место и роль в регионе. Нелучайно в феврале 2013 года Б. Обама в качестве одного из приоритетных направлений деятельности своей администрации второго срока определил утверждение главенства США над Транс-Тихоокеанским блоком. И именно этому было посвящено его азиатское турне в апреле 2014 года, результаты которого оказались не вполне успешными, что свидетельствует об уязвимости позиций США в этом регионе.

У России же имеются реальные возможности с ее исключительным географическим положением, мощным (нерезализуемым) экономическим потенциалом и наконец, благоприятно складывающимися отношениями с государствами Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, стать если не ведущим, то, по крайней мере, равноправным участником Азиатско-тихоокеанского сообщества.

Важнейшим направлением евразийской стратегии России должно стать развитие взаимовыгодного сотрудничества и партнерства не только с Китаем, но и с Индией. Это позволит снизить чрезмерную ориентацию России на КНР. Определенные шаги в этом направлении уже

сделаны, что и показал визит Президента Российской Федерации В.В. Путина в Индию в декабре 2014 года.

Продолжением данной стратегии может стать выстраивание отношений с Ираном. Идея о формировании тройственного Альянса Россия — Иран — Индия высказывалась еще в конце 90-х годов прошлого столетия, но тогда в силу «особых» отношений с США она не получила своего развития. В настоящее же время, думается, есть все основания вернуться к ее реализации. Важнейшим из них является санкционная политика США и ЕС в отношении России. В результате складывается парадоксальная ситуация, что Россия в отношении, которой введены санкции, в тоже время сама участвует в санкциях против Ирана. Хотя именно Иран на протяжении всех последних десятилетий демонстрирует поддержку России.

В сложившейся ситуации приемлемым будет если не выход из режима санкций, то, по крайней, их приостановка, по крайней мере, до прекращения санкций США и ЕС в отношении России. Это будет не только большим сюрпризом для США и евротройки (Великобритания, Германия и Франция), использующих Россию для сдерживания Ирана, но и существенно скорректирует их политику как по отношению к Ирану, так и к России.

Помимо этого развитие отношений с Ираном может также стать неплохой альтернативой российско-турецким отношениям, в которых позиции России достаточно уязвимы, а также в ее отношениях со странами Закавказья (Азербайджаном и Грузией), периодически поглядывающими в сторону США и НАТО.

Крайне важно восстановление позиций России в арабском мире, где у США есть только два союзника — это наиболее одиозные деспотические монархии — Катар и Саудовская Аравия, которые США активно используют как для

дестабилизации ситуации в арабском мире, так и непосредственно в антироссийских целях. Об этом свидетельствует резкое падение цен на нефть, вызванное увеличением объемов его добычи странами ОПЕК, где доминирует Саудовская Аравия. Оплотом России в регионе по-прежнему является Сирия, в перспективе пророссийскую позицию могут также занять Ирак, Иордания, Ливан и другие арабские страны региона, уже уставшие от диктата США, а также их политики «управляемого хаоса», реализуемой в регионе.

Наконец, в свете провала политики США по урегулированию арабо-израильского конфликта создаются реальные перспективы для выстраивания эффективного сотрудничества с Израилем. Во многом этому способствует и позиция самого Израиля — одного из немногих государств, где 9 мая отмечается как День победы над фашизмом на государственном уровне и где не забывают о том, кто действительно принес человечеству освобождение и спасение от человеконенавистнической идеологии и практики нацизма. Примечательна позиция Израиля и по Украине. Являясь безусловным союзником США, тем не менее, участия в антироссийских санкциях это государство не принимает в отличие от европейских стран, что свидетельствует о его большей по сравнению с ними суверенности.

В перспективе же развитие отношений с Израилем и со странами арабского мира может способствовать урегулированию арабо-израильского конфликта, и это еще более будет способствовать укреплению позиций России на Ближнем Востоке.

Все это определяет, в конечном итоге, необходимость активизации усилий России на пространстве от Ближнего до Дальнего Востока с целью ее утверждения в качестве ведущего евразийского государства. Это и является одной из

наиболее значимых целей геополитической евразийской стратегии.

Средством реализации этой стратегии должна стать технология «soft power» — «мягкая» или «умная сила». Это «ноу-хау» американской геополитики, по сути дела, лишь воспроизводит российскую концепцию «собирания земель». Ведь само по себе формирование Российского государства осуществлялось не насильственной колонизацией, а вовлечением народов Евразии в единое политическое и социально-экономическое пространство.

Сейчас речь не идет о «собирании земель», но использовать, оправданный исторической практикой опыт для собирания союзников России и всех тех, кто готов к равноправному сотрудничеству и взаимодействию с ней, необходимо.

Для того, чтобы евразийская геополитическая стратегия была успешна, одной политической воли, принятых решений и подписанных соглашений будет недостаточно. Специфика российской системы государственного управления такова, что даже при самых правильных решениях — позитивный, а тем более успешный, результат не очевиден.

Необходима твердая убежденность в значимости Евразийской геополитической стратегии, как ее разработчиков, так и исполнителей. Это в свою очередь, предполагает необходимость, с одной стороны, преодоления неопределенности во внешнеполитических приоритетах, а с другой, — формирования соответствующего сознания, ментальности.

Решение второй задачи, предполагает необходимость существенной корректировки образовательных программ в области обществоведческих дисциплин, формирующих сознание.

Неслучайно О. Бисмарк сказал: «Войны выигрываются и проигрываются за школьными партами». А китайцы, в свою очередь, добавляют: «Если вы хотите победить врага — воспитывайте его детей».

Российская система образования, начиная с дореволюционных времен и вплоть до сегодняшнего дня, ориентирована на «европейскость». Мы не десятилетиями, а столетиями изучаем западную философию, социологию, политологию, вариант «норманнской теории» истории России и т.д. В то же время работы наших отечественных мыслителей-евразийцев Л.Н. Гумилева, Н.Я. Данилевского, А.А. Зиновьева, Н.И. Костомарова, К.Н. Леонтьева, П.Н. Савицкого, Б.Н. Чичерина и многих других ни в вузах, ни тем более в школах не изучаются. Российская евразийская

научная мысль фактически изгнана из учебного процесса и является лишь достоянием узкого круга специалистов. Понятно, что в этих условиях говорить о формировании евразийской ментальности не приходится, поскольку более чем очевидно, что незнание порождает непонимание, которое в свое очередь формирует отторжение. Если эта ситуация не будет переломлена, то никаких евразийских геополитических стратегий развития России не будет, а если и они и появятся, то будут иметь вид формальных документов, не обязательных для исполнения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бочарников И.В. Приграничное сотрудничество как фактор обеспечения безопасности России в пограничном пространстве // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2009. № 12.
2. Бояринцев В.И. М.В. Ломоносов: «Сибирь и Северный океан» <http://bourabai.ru/boyarintsev/lomonosov15.htm>
3. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. 766 с.
4. Зиновьев А.А. Русская трагедия. М.: Эксмо-пресс, 2007. 512 с.
5. Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М.: Высшая школа, 1953. С.14.
6. Кьеза Дж. Русская рулетка. М.: Права человека, 2000. 216 с.
7. Овсянникова О.А. Личность эпохи — Василий Витальевич Шульгин // Геополитический журнал. 2015. № 2. С.91-96.
8. Черный осьминог или Россия глазами иностранцев <http://heliophagous.livejournal.com/33791.html>.

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН: ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДИЛЕММА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Китинов Б.У.

Доцент Российского университета дружбы народов, кандидат исторических наук

Тел.: +7 903 019 6702

Эл. почта: kitinov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается уникальность Каспийского региона с точки зрения влияния цивилизационных особенностей и исторического прошлого на современное развитие представленных здесь бывших республик СССР. Делается вывод о важности элементов российской (русской, в том числе советской) идентичности на их формирование как независимых государств.

Ключевые слова: Каспийский регион, цивилизация, идентичность, ислам, политическое развитие.

B.U. Kitinov

Associate professor of the Peoples' Friendship University of Russia, candidate of historical sciences

Phone: +7 903 019 6702

E-mail: kitinov@mail.ru

CASPIAN REGION: CIVILIZATIONAL DILEMMA OF POLITICAL DEVELOPMENT

Abstract: The article describes the uniqueness of the Caspian region in terms of the impact of the civilizational features and the historical past on the modern development of the former Soviet republics presented here. The conclusion is made about the importance of the elements of the Russian (including Soviet) identity on their formation as independent states.

Key words: Caspian region, civilization, identity, Islam, political development.

Каспийский регион является одним из уникальных мест, где присутствует Россия и еще ряд стран, принадлежащих к исламской цивилизации; здесь так или иначе представлены и иные государства — США, страны ЕС, а также Турция и арабские государства, которые продолжают попытки закрепить свое влияние в этом важном регионе. Каспийский регион занимает особое место в формировании этнорегиональных образов, он устойчиво воспринимается как один из центров исламской культуры и цивилизации, и основной причиной устойчивости подобных представлений является значимая историческая роль локальных мусульманских народов в структурировании символов исламской цивилизации.

Каспий стал не только одним из важнейших геополитических точек на карте субконтинента или мира. Он воспринимается как средоточие, центр с удивительной центростремительной мощью, и осознавался вплоть до недавнего времени как регион, где по-прежнему господствуют анахронизмы деспотичной Азии, континуитет которых обеспечивается силовыми, политическими и финансовыми механизмами государства. Современная западная цивилизация бессильна пробить здесь «средневековый исламский занавес» (ситуации и процессы, определяемые З.Бжезинским как «исламский фундаментализм» и «исламистский популизм»). Так, Иран в течение последних двух десятилетий занимает

онировался Западом как олицетворение застоя, который способна породить исламская цивилизация. Западными аналитиками утверждалась идея не только реакционности, но террористической сущности подобных государственных режимов. Талибан, среднеазиатское отделение ближневосточной умеренно-радикальной партии «Хизб-ут-Тахрир», ИГИЛ и др. — эти феномены и процессы объективно либо намеренно последовательно создавались на каждом новом витке борьбы за влияние в регионе в самом кровавом, демоническом обличье.

Развитие политической ситуации на Каспии самым непосредственным образом связано с политическими и иными процессами, в том числе цивилизационными, происходящих на Среднем и Ближнем Востоке; вместе с тем ей присущи и свои особенности. Речь идет, в частности, о попытках руководства бывших советских республик актуализировать этнические и цивилизационные основания для формирования идентичности, что представляется верным и оправданным, особенно в современных условиях глобальных трансформаций и перестройки прежнего миропорядка.

В свое время М. Фуко писал о неразрывной связи знания, ученых и власти, государственных институтов, дающих заказ на получение необходимых знаний для укрепления своих позиций. Своего рода реализацией отмеченной М. Фуко тенденции являются работы ученых из бывших прикаспийских республик СССР, принадлежащих к исламской цивилизации, в которых вопросам происхождения культуры, народа, его роли в истории региона и мира уделяется немаловажное внимание. Цель подобных публикаций, кроме утверждения своей самобытности в историческом и политическом развитии, состоит и в поиске идентичности, доказательственной базы в своей исключительности, про-

шлом величии, которое было утеряно по разным причинам. Среди последних указывается обычно «колониализм» со стороны России (Советского Союза), ввиду чего были потеряны и независимость, и цивилизационная идентичность, и национальная культура. Что касается отношений с духовными метрополиями (Мекка), то здесь динамика взаимоотношений детерминируется определяющей ролью исторического прошлого.

Первоначальный толчок такого рода исследованиям дал период распада СССР, когда в последние месяцы 1991 года в Анкару прибыли официальные делегации из бывших советских республик: Азербайджана — во главе с премьер-министром Х. Хасановым, Туркменистана — во главе с президентом С. Ниязовым, Узбекистана — во главе с президентом И. Каримовым, из Киргизстана делегацию возглавлял президент этой страны А. Акаев. Отметив общность языка, культуры, цивилизации своих народов, стороны подписали совместные договоры и соглашения, охватившие экономику, культуру, спорт и другие сферы жизнедеятельности. Гости подчеркивали важное значение Турции как ведущей тюркоязычной страны в мире. Обоснование языкового, этнического и конфессионального единства, исключительной роли тюркских народов во всемирной истории становилось приоритетной задачей для представителей науки в соответствующих странах.

В Казахстане считают, что предки казахов (древние тюрки) являлись первоначальными обитателями Средней Азии и составляли часть коренного автохтонного населения региона. По мнению казахстанских ученых, древние казахи принимали самое непосредственное участие в создании древнейших цивилизаций Азии.

Исторически казахи приняли ислам достаточно поздно, в XVII-XVIII веках, длительное время в степи продолжали

господствовать пережитки шаманизма в виде единой для тюркских народов духовной системы тенгрианства. Как признается Президент Казахстана Н. Назарбаев, ему «ежедневно помогают» в делах «аруахи» или «духи предков», что следует понимать как типичный атавизм многобожия¹. Ученые считают, что казахи отличаются «расплывчатостью исламского самосознания»². Очевидно желание президента Н. Назарбаева найти национальную идею, прежде всего, в пересмотре исторического прошлого, с минимальной актуализацией исламского компонента. Еще в конце 1990-х годов он отмечал, что за плечами казахов стоят те, кто нес образ казахской степи на берега Инда и Нила, Волги и Дона. Подобные идеи являются фундаментальными для казахстанской исторической науки.

Аналогичные работы выходят и в Азербайджане. Местные ученые, в частности, вступили в спор с армянскими учеными в вопросе о наследовании достижений такой древней локальной цивилизации региона, как албанская. По сути эта проблема в известной мере ставит под вопрос саму идентичность как армян, так и азербайджанцев. Кроме топографического, этнического компонента исторических событий, связанных с Албанией, становится важным и исламский. Прежний президент Азербайджана Г. Алиев отмечал роль республики в развитии исламской цивилизации на всем регионе Кавказа: «Азербайджан играет особую роль в распространении и развитии на Кавказе исламских ценностей, исламской религии, исламской цивилизации. Если другие народы Кавказа, в частности, народы Северного Кавказа и севернее его, исповедующие исламскую религию, влились в исламскую цивилизацию, то их путь также проходит именно через Азербайджан»³. Он призвал создавать новые научные труды, где история ислама в России и странах СНГ нашла бы свое верное отражение: «Счи-

таю, что в нынешний период не только Азербайджан, но и другие страны, принадлежавшие в прошлом к Советскому Союзу, исповедующие исламскую религию... могут создать более точные, верные, научно обоснованные труды о своем историческом прошлом, в том числе об исламской культуре, исламской цивилизации, об истории ислама»⁴. По мнению Председателя постоянной комиссии Милли Меджлиса по экономической политике академика Зияда Самедзаде, Азербайджан является одной из колыбелей человеческой цивилизации⁵.

В Туркменистане секуляризационные процессы обусловили появление и утверждение в качестве настольной книги (практически вместо Корана) творения С. Ниязова «Рухнама». По его указу в мечети, возведенной в селении Кипчак под Ашхабадом, где родился Туркменбаши, на стенах вместе с кораническими сурами написаны цитаты из «Рухнама». Нынешние туркменские власти осуществляют тотальный государственный контроль над религиозной жизнью страны, зачастую духовные лица по совместительству являются государственными чиновниками⁶.

Говоря о дивергенции целей преобразований, осуществляемых в указанных странах, с их результатами, следует помнить, что, как правило, положения реконструируемой культуры имеют особенность значительно расходиться с планами по их революционной перестройке, поскольку они ориентируются на модели предшествующего социума с его политическим строем⁷. Так, турецкие ученые отмечают, что сохранение и развитие независимости в постсоветских республиках во многом стало возможно благодаря устойчивости советских форм идентичностей (казахи, узбеки, азербайджанцы и другие)⁸. Трения между узбеками и казахами, киргизами и узбеками, туркменами и азербайджанцами являются свидетельствами слабости этнической (собственно тюркской)

идентичности; роль же религии еще не до конца проявилась.

Есть и другая особенность: в упомянутых странах чиновники все чаще пытаются ассоциировать традиционные символы культурной идентичности со своими собственными, зачастую весьма нетрадиционными политическими программами развития.

Д.Блум в своей статье «Глобализация и Каспийский регион» пишет: «Это своего рода гамбит, который предусматривает выборочное охватывание ключевых нормативных предположений неолиберализма (таких, как личная самостоятельность и инициатива) без угрозы легитимности государства и государственному строительству. Достижение этой цели включает умышленное творение культурно-смешанной самобытности, основывающейся на традиционных темах для обеспечения нормативной основы, когда идет отсев нежелательных влияний, при этом доброкачественным позволяют проникать в общество. Возможно ли это на практике, еще предстоит выяснить»⁹. И, несмотря на то, что «глобализация выравнивает многие элементы жизни... проблема идентичности остается»¹⁰.

Конечно, политики будут далее оперировать понятиями этничности, традиционной религии, определенными этапами истории народа, при этом религия, составляя изначально неотъемлемую часть цивилизации, остается таковой и ныне, в условиях становления этих государств, в развитии Ирана и России. Живучесть религиозных представлений в политическом сознании масс, элиты и идеологии государства связана со спецификой цивилизаций Востока.

Цивилизационный центр в исламе, как считает С. Хантингтон, отсутствует¹¹; он заменен несколькими лидирующими исламскими государствами, фактически, представленных по этническому принципу: есть тюркский (Турция), персидский (Иран), араб-

ский (Саудовская Аравия) центры; каждый из них сам по себе целостный. Цивилизационный фактор, безусловно, является существенным для развития, но следует помнить, что в наше время становится важным ориентироваться не только на центр (центры) цивилизации или на ее периферийные ветви, но также на взаимодействие цивилизаций, особенно, если при этом имел место тесный политический, социальный, экономический и иной контакт. Именно в таком взаимодействии возможны инновационные подходы в нахождении компромиссов, т.к. подобные подходы, в действительности, разрабатывались и практически использовались веками и поколениями, однако в позднее оказались потеснены артикулированием текущих политических, экономических и иных интересов.

По всей вероятности, бывшим республикам СССР еще предстоит преодолеть тот путь своего развития, когда они придут к выводу, что опыт многолетнего пребывания в пределах одного государства (Российской империи и СССР), особенно в условиях нашего времени, дает более надежные ориентиры для будущего развития, нежели конъюнктурные проекты новых «союзников». «Главной теоретической проблемой становится соотнесение общецивилизационных универсалий современного мира с региональными (национальными) особенностями»¹², указывал А.С. Панарин.

Отказ от коммунистических идей и коллективистских начал обозначил задачу не столько поиска «национальной идеи» или «новой идеологии», сколько изучения, кроме идеолого-психологического базисов обществ, их институциональных основ, в связи с поиском перспектив для развития. Под институциональными основами автор понимает цивилизационную идентичность, структурирующую экономику, социальные и рыночные отношения: культуру и ду-

ховность в самом широком смысле этого слова. По В.И. Пантину, цивилизационная идентичность включает в себя представления человека о своей принадлежности к той или иной культурно-цивилизационной общности, к ее ценностям и поведенческим моделям, социальным институтам и отношениям¹³. Современные события в регионе и указанных странах показывают, что обращение к религиозным традициям призвано, прежде всего, повлиять на характер их политического развития, на сохранение специфики культуры общества, однако игнорирование либо очернение недавнего прошлого едва ли способствуют стабильности и предсказуемости поведения региональных сообществ.

Позитивные и негативные достижения нашего времени, от революций в информационных технологиях до миграционных процессов, от военно-политических конфликтов до религиозного возрождения, дефинируют радикальные преобразования в процессах идентификации личности и обществ, в понимании значения территорий (пространств) как своих или пограничных, близких или недружественных. Для Каспийского региона чрезвычайно актуальными являются вопросы перемещения значительных масс народов, этно-религиозных трений, назревание новых конфликтов, экологический аспект. Вместе с тем, работы по изучению политического развития стран и региона будут более объективны, если модифицировать концептуальную интерпретацию локальной истории, различать внешне детерминированные трансформативные процессы от изменений культуры и цивилизации ввиду эволюционных преобразований. Надо также понимать, что страны и народы, находясь в настоящее время на одном хронологическом отрезке, имели разные стартовые позиции, и по-прежнему обладают разными потенциалами, в том числе в средствах и условиях взаимодействия с иными культурами и цивилизациями.

В последние годы все более актуальным становится вопрос об аутентичности цивилизации, то есть не только ее «совпадения» со своим географическим контуром существования, но также ее соответствующего восприятия иными цивилизациями. Вполне вероятно, что такого рода идентификация окажется необходимой в качестве «доказательства» права на существование в данном конкретном ареале. Автор согласен с мнением американского философа Т.Куна, отметившего, как часто при анализе малознакомого материала определенные факты и процессы, не согласующиеся с известными концепциями и теориями, обычно попросту игнорируются либо провозглашаются несущественными¹⁴. Вероятно, аутентичность той прикаспийской исламской цивилизации, которую мы соотносим с бывшими советскими республиками, непосредственно связана, прежде всего, с российским, русским цивилизационным миром, нежели с ближне/средневозточным.

Современный цивилизационный мир, сложившийся на Каспии, есть результат взаимодействия цивилизаций, которые были либо по-прежнему представлены в регионе. В период Российской империи и СССР традиционная культура народов региона была в значительной степени дистанцирована от своих цивилизационных центров, однако она вносила свой вклад в формирование российской (русской, в т.ч. советской) цивилизации. Акценты политиков и специалистов на проявления «фундаментализма и международного (как правило, «исламского») терроризма», характеризующего регион Каспия, не всегда позволяют в нужном ракурсе дистанцироваться от происходящих здесь процессов и с новых углов взглянуть и оценить складывающуюся ситуацию. Политическая ситуация на Каспии нуждается в новой цивилизационной интерпретации, вернее, в реинтерпретации недавнего прошлого. По нашему мнению, более углубленное вни-

мание к наследию прошлых веков, когда большая часть региона развивалась в составе единого государства, поможет найти существенные основания для сохранения и развития прежних отношений и взаимодействия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Назарбаев Н. в потоке истории. Алматы, 1999.-С.39.
- 2 Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане. История, этничность, общество. Алматы, 1998. — С.33-35.
- 3 Речь Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева на международном симпозиуме на тему «Исламская цивилизация на Кавказе». 9 декабря 1998 года. URL: <http://library.aliyev-heritage.org/ru/9045952.html>
- 4 Там же.
- 5 Состоялась презентация специального тома Азербайджанской Национальной Энциклопедии// Бакинский рабочий. 24.01.2008. URL: http://www.anl.az/down/medeniyyet2008/yanvar/medeniyyet2008_yanvar_302.htm
- 6 Туркмения: Ислам как приложение к «Башизму». 10.02.2014. <http://www.fergananews.com/articles/8047>
- 7 Eckstein H. A Culturalist Theory of Political Change // American Political Science Review. — 1988. — Vol. 82. — N. 3. — P.800.
- 8 Bal J. The process of forming nations in the Turkish republics and the implications of it for domestic and foreign policy// Eurasian studies. Ankara, 2001. № 20. P. 21-36.
- 9 Blum, Douglas. Globalization and the Caspian Region. URL: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/2269/globalization_and_the_caspian_region.html
- 10 Акимов Л.В., Яковлев А.И. Цивилизации — многогранный инструмент исследования общества// Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. № 1. С. 111.
- 11 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Аст, 2003. — С.240.
- 12 Панарин А.С. Философия политики. М. 1994. — С.11.
- 13 Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации// Полис. 2008. №3. С.29. По мнению авторов первого тома издания по политической идентичности, «идентичность всегда имеет культурную природу». См.: Политическая идентичность и политика идентичности. В двух томах. Т.1. Идентичность как категория политической науки. М., 2011. С. 114.
- 14 Kuhn T. The Structure of Scientific Revolution. 2-ed. Chicago. 1970. — P.24.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

Филиппов В.Р.

Ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, доктор исторических наук

Тел.: +7 964 535 9090

Эл. почта: fvrd@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматриваются мутации фундаментальных идей постмодернистской философии в теории и практике международных отношений конца прошлого — начала нынешнего столетий. Автор пытается понять, каким образом сконструированная постмодернистами эпистема была воспринята идеологами «нового мирового порядка» и стала оправданием разрушения послевоенного мирового устройства. Обоснован вывод о том, что концептуалисты постмодерна, будучи последовательными критиками «однополярного мира», создали, не желая того, новую ментальность, исключая из практики международных отношений сложившиеся после второй мировой войны нормы классического международного права.

Ключевые слова: постмодернизм, международное право, международные отношения, однополярный мир, послевоенное мировое устройство.

V.P. Filippov

Leading Researcher of the Africa Institute of the Russian Academy of Sciences, Doctor of historical sciences

Phone: +7 964 535 9090

E-mail: fvrd@rambler.ru

INTERNATIONAL RELATIONS OF POSTMODERN ERA

Abstract: The article describes the mutation of the fundamental ideas of postmodern philosophy in the theory and practice of international relations of the end of the past and the beginning of this century. The author aims to understand, how the system, constructed by the postmodernists, was appreciated by the ideologists of the “new world order” and became a justification for the destruction of the post-war world order. The conclusion is justified, that the postmodern conceptualists, being consistent critics of “unipolar world”, unwittingly created a new mentality, excluding classic rules of international law established after World War II from the practice of international relations.

Key words: postmodernism, international law, international relations, unipolar world, post-war world order.

«*La philosophie est l'art de former, d'inventer, de fabriquer des concepts*»¹
Gilles Deleuze

Эпистема постмодерна. Во второй половине минувшего столетия идеи постмодернизма захватывают на Западе литературу, искусство, архитектуру, быстро вторгаются в философию, социологию, социальную антропологию. Постмодернистские идеи формируют новую реальность, в ней уже нет места одной «истине»: постмодерн рождается в муках сомнений, отрицании всех позитивных истин, он деформирует позитивистские представления о природе человеческих знаний вообще. Признание множественности истин побуждает кардинально пересмотреть прошлое, провести ревизию

истории, отказаться от идеи исторического детерминизма, рациональной обусловленности исторического процесса, от представлений о линейности, поступательности и завершенности истории.

Начало века нынешнего ознаменовано диффузией этого нового мировоззрения в теорию международного права, что не могло не сказаться на частных практиках международных отношений. Это вовсе не означает, что постмодернистская философия сознательно внедряется в умы концептуалистов и политиков, подвигающихся на ниве международного права. Было бы явным преуве-

личением утверждать, что те или иные постулаты постмодерна были осознанно адаптированы этой отраслью научного знания, вербализованы в специфическом категориальном аппарате и легли в основу научных и нормативных текстов. Вовсе нет, однако общее «состояние умов», характерное для всякого времени, доминирование в обществе тех или иных идей и ценностей — все это неизбежно находит отражение во всех ипостасях гуманитарного знания, и, соответственно, каждое время предлагает своих «властителей дум», способных эти идеи формулировать. Сами творцы философии постмодерна трактуют процесс разрушения дисциплинарных границ, как формирование специфической «эписистемы», имманентной для данной исторической эпохи. (Мишель Фуко понимал под эписистемой некое единое интеллектуальное поле, образующееся из дискурсов различных наук на данном уровне развития познания².) Жан-Франсуа Лиотар, соглашаясь с Юргеном Хабермасом, писал о том, что «современность потерпела крах потому, что допустила раскол жизненной целостности на независимые специальности»³. Теория и практика международных отношений с неизбежностью должны были оказаться включенными в эту эписистему, в эту совокупность дискурсов, в эту жизненную целостность.

Постмодернизм и международные отношения. Но нужно помнить, что постмодернизм — это не цельная и строгая научная доктрина, а, согласно Умберто Эко, определенное духовное состояние, особого рода игра. Это уход от предустановленных схем, свобода интерпретаций. Постмодерн зиждется на множественности смыслов, уверенности в том, что бесконечность мира предполагает и бесконечное число толкований. Жан-Франсуа Лиотар подчеркивал, что постмодерн означает даже не новизну трактовок, а обязательный их плюрализм. «Общая идея (постмодер-

низма — В.Ф.) тривиальна: сегодня мы можем наблюдать своеобразный упадок того доверия, которое западный человек на протяжении последних двух столетий питал к принципу всеобщего прогресса человечества. Эта идея возможного, вероятного или необходимого прогресса основывалась на твердой уверенности, что развитие искусств, технологий, знания и свободы полезны человечеству в его совокупности... По прошествии этих двух столетий мы стали проявлять большее внимание к знакам, указывающим на движение, которое противоречит этой общей установке»⁴. И Роллан Барт выступает против «единственности» прочтения «текста», «факта», «процесса», окончательности в интерпретации их смыслов и значений⁵.

Столь характерный для постмодернизма отказ от универалистских конструкций повлек за собой привнесение новых смыслов в базовые понятия многих научных дисциплин. Именно поэтому мир, вступивший в эру постмодерна, готов отказаться от фундаментальных и единых для всех принципов международного права, основанного на антропоцентрическом гуманизме. Плюрализм, как новая модель восприятия культуры и общества, предписывает трактовать всякий отдельный казус международных отношений, как нечто особенное и потому предполагающее особенные формы и методы регулирования отношений между субъектами международного права. Таким образом, постмодернистский отказ от догматизма вообще, стал основанием для отрицания норм классического международного права, призванного защитить справедливость во имя гуманизма, а требование плюрализма обрело смысл санкции на утверждение одной позиции, как правило, позиции сильного.

При этом всякий раз конструируется миф о том, что данный прецедент «международного» (вспомним Ливию) или одностороннего (вспомним Мали,

ЦАР) вмешательства в конфликтные ситуации имеет целью добиться умиротворения сторон, защитить права человека и демократические ценности и свободы, противостоять терроризму и проч. Как иронично заметил Умберто Эко, «из-за переизбытка добродетелей побеждают силы ада... и случается мировой пожар»⁶. Станным образом в практике международных отношений абстрактный гуманизм становится обоснованием экстраполяции «западных ценностей» в культурные системы, этим ценностям чуждые. Да и сами эти «ценности», в конечном счете, оказываются лишь плохо скрытым прагматическим интересом экстраполяторов. И мифотворчество относительно «сферы особых интересов», о «защите демократии», о «борьбе с государственным терроризмом» и проч. призвано лишь закамуфлировать очевидный прагматический интерес мифотворцев. Как писал Роллан Барт, «основа афористичности буржуазного мифа — здравый смысл, то есть такая истина, которая застывает по произволу того, кто ее изрекает»⁷. Мир через призму идеологического мифа предстает «не объясненным, а констатированным, ясным и готовым к употреблению»⁸. Миф формируется и внедряется в массовое сознание в угоду капиталу. Жан-Франсуа Лиотар иронизирует: «Когда власть называется не партией, а капиталом, решение «трансавангардистское», или «постмодернистское» кажется предпочтительней антимодернистского... эклектизм — нулевая ступень мировой культуры наших дней... знание — это то, о чем говорят в телевикторинах»⁹.

Плюрализм постмодерна и государственный эгоцентризм. Еще в 1947 году Арнольд Тойнби в знаменитом труде «Постижение истории»¹⁰ сформулировал мысль о том, что постмодернизм символизирует собой конец западного господства в религии и культуре. А Жан-Франсуа Лиотар в свою очередь настаивал на том, что цель постмодернистской

программы — это гуманитаризация этого мира, ставшего обездушенным благодаря самому же человеку. Однако реальность оказалось намного сложнее и драматичнее: мобилизованный постмодернизм стал идеологическим обоснованием монологизма во внешней политике. А искомый плюрализм приобрел форму государственного эгоцентризма. Логика здесь такова: если все точки зрения, все интерпретации и оценки имеют право на существование, то почему наше видение международных проблем неверно? А если мы достаточно сильны, чтобы отстаивать правомерность нашего видения мира, то почему мы не можем и не должны это делать?

Стремление извлечь мысль от ограничений, накладываемых на нее эпохой (онтология, как назвал это Жак Деррида), до предела рационализировала сферу межгосударственных взаимодействий. Постмодернистское требование антидогматизма, отказ от жесткого доктринального монологизма, разрушение системы символических противоположностей, отказ от двоичного исчисления мира (бинарных оппозиций «добро — зло», «полезно — вредно» и проч.) влечет за собой формирование новых понятий и регуляторов. В теорию и практику международных отношений все более агрессивно внедряется концепт «урегулирования конфликтов».

Концепт «урегулирование конфликтов». Если принцип «невмешательства во внутренние дела государств» был императивом и трактовался в теории международного права однозначно, то новое понятие «урегулирование конфликтов» до предела полисеманлично. Кто и как может, или должен урегулировать конфликты? Кто может взять на себя ответственность судить о том, кто прав или кто виноват в данном конфликте? Какие регуляторы вправе применять тот, кто принимает на себя функцию «миротворца»? И, наконец, главный вопрос, в какой степени «миротворец» вправе пре-

следовать собственные интересы в ходе разрешения конфликтной ситуации? Какие ответы на все эти вопросы следует считать истинными?

Постмодернистская деконструкция привела к дискредитации классической «истины», новое миропонимание предложило реконструкцию «незавершенной истины», как прямой противоположности прежней «субстанциональной истине». Постмодерн отказывается от логицизма, стремящегося к абсолютной истине, теория релятивизируется. Миру надлежит отныне быть иррациональным.

И в этом контексте постмодернистская парадигма «урегулирования конфликтов» предполагает обширный континуум мнений, решений, санкций... Их квалификация в качестве «истинных» в практике международных отношений зависит от многих факторов: от того, насколько индифферентен миротворец к участникам конфликта, от того, каким военным потенциалом он располагает, от того, каковы собственные интересы регулятора в конфликте и проч.

В основе постмодернистских концептуализаций лежит отторжение социальных утопий и иллюзий массового сознания. Вероятно, в начале XXI столетия пришла пора отбросить иллюзию справедливости устройства послевоенного мира, изъять из международного права базовые понятия невмешательства в дела суверенных государств и сохранения их территориальной целостности. Мрачным знаменем этого процесса стали бомбардировки Белграда и косовский кризис. Борис Межуев справедливо констатировал: «Мир живет в эпоху постмодерна. До этого момента были какие-то разговоры, какое-то сопротивление. По крайней мере, во время войн в Косово в *The Washington Post* была опубликована статья, в которой говорилось, что если американцы вторгнутся в Косово, то за этим кончится модерн. Был человек, который наиболее громко

(по крайней мере, в американской прессе) сказал, что если мы будем всячески поддерживать сепаратизм, то тогда мы не имеем права с ним бороться. Это был последний крик в защиту модерна»¹¹.

Действительно, «урегулирование конфликта» все больше напоминает военные действия, направленные против одной из враждующих сторон и призванные обеспечить интересы третьей силы, принявшей на себя обязательства миротворца. Умберто Эко констатировал с грустью: «В нарушении обычаев, установленных современными либеральными государствами, войну больше не объявляют... и никогда не известно: находимся ли мы в состоянии войны или нет»¹².

«Урегулирование конфликтов» в интересах третьей стороны часто легитимизируется посредством авторитета международных организаций, которые, как констатирует Жак Деррида «теперь управляют миропорядком». Примечательно, что этот классик постмодерна весьма скептически относится к этому «новому интернационалу» и прежде всего к ООН, которая, по его мнению, все больше и все очевиднее выражает интересы не наций, а политических элит сверхдержав. «По меньшей мере, следовало бы изменить Хартию ООН, состав организации, и ее местопребывание — перенести его как можно дальше от Нью-Йорка»¹³ — писал он. Власть есть следствие силы, а «злоупотребление властью — составная часть самой суверенности»¹⁴.

Однополярный мир эпохи постмодерна. Объяснительные модели возникают из потребности упорядочить мир, придать ему видимость рациональности. Постмодернистские коннотации в международном праве возникают тогда, когда мир становится однополярным. Крах Советского Союза, распад Варшавского договора, разрушение Берлинской стены ознаменовали новую эру в международных отношениях. Жак Даррида

вспоминает о периоде «холодной войны, во время которой две сверхвооруженные супердержавы, основоположники и бессменные члены Совета безопасности считали возможным установить порядок в мире через равновесие ядерного и межгосударственного террора». Баланс сил нарушен, равновесие утрачено, есть один центр силы. Теперь «сколько бы другие государства ни изобличали, ни обвиняли в нарушении права, в уклонении от права, во всевозможных перверсиях и девиациях те или иные *rogue States*, одни США могут объявить себя гарантами международного права, инициировать войну, полицейские операции или, наоборот, сохранить мир, поскольку у них есть сила. Именно США и их союзники в этих действиях, сами являются в качестве суверенных наипервейшими *rogue States*»¹⁵.

Билл Клинтон в 1993 г. заявил в ООН, что его страна будет использовать средства, которые ей кажутся соответствующими одной исключительной статье (статье 51) Хартии ООН, и что «Соединенные Штаты будут действовать по возможности многосторонними способами, и если будет необходимо — одним». Позже эта декларация многократно воспроизводилась Мадлен Олбрайт, когда она была послом при ООН и Уильямом Коэном в бытность его заместителем министра обороны. Последний объявил, в частности, «США готовы вступать в военный конфликт в одностороннем порядке (то есть, без согласия ООН или Совета безопасности), всякий раз, когда подвергаются опасности их жизненные интересы». Национальную юрисдикцию он объявил достаточной для оправдания «беспрепятственного доступа к ключевым рынкам, к энергетическим и стратегическим ресурсам, равно как и ко всему остальному, что будет определяться, как жизненный интерес его страны».

Примечательно то, что конец эпохи дуополярного мира был театрально объявлен 11 сентября 2001 г., когда вместе

с башнями Международного торгового центра рухнуло все устройство (логическое, семантическое, риторическое, юридическое, политическое) прошлого мира. Однополярность мира получила особую легитимность. 20 сентября президент Джордж Буш обратился к нации с трибуны Конгресса с посланием, в котором говорилось: «Сегодня мы — страна, осознавшая опасность и призванная защитить свободу. Наша скорбь обратилась в гнев, а гнев — в решимость. Предстанут ли наши враги перед правосудием или правосудие предстанет перед нашими врагами, но правосудие свершится». Как справедливо отметил Б. Межуев «эпоха, когда невмешательство составляло определенную морально-правовую норму, закончилась»¹⁶.

Началась новая эпоха в истории международных отношений. Страна, узурпировавшая право судить и карать, отныне рассматривает мир, как зону своих «национальных интересов». Постепенно произошло смещение логических акцентов: уже не наказание террористов, а некие «превентивные меры», направленные против реальных и мнимых террористических угроз, получают санкцию авторитетных международных организаций. Ничем не оправданные бомбардировки Белграда и отторжение Косово от Сербии ознаменовали конец легитимности ООН. «Урегулирование конфликтов» стало инструментом удовлетворения интересов мировой сверхдержавы и ее военных сателлитов. Предтеча постмодернизма Арнольд Тойнби, обзревая историю последних пяти тысяч лет, приходит к мысли о том, что никогда не существовало правительства, имевшего моральное оправдание войны, начатой даже с самыми чистыми целями. Правда он замечает в скобках, что находит оправданным и возводит «в ранг моральных обязательств сопротивление агрессии (примером которой считает агрессию Германии, Японии и Италии во Второй мировой войне)». Но при этом

знаменитый историк расценивает даже «справедливую» войну в защиту своей собственной страны как трагическую необходимость и приходит к выводу, что «справедливость редко оказывается безусловной»¹⁷. Подобный релятивизм становится моральным оправданием любой агрессии, любых злодеяний. Ведь если нет определенности, ясности оценки, то нет правых и виноватых. Ведь ясность, как сказал Роллан Барт, вещь двусмысленная, это то, о чем, с одной стороны, нечего сказать, а с другой — можно говорить до бесконечности.

В африканском контексте реализация концепта «урегулирования конфликтов» в практике международных отношений означает начало эпохи вторичной колонизации. Бомбардировки Ливии силами НАТО и вступление Франции в войну в Кот-дИвуаре на стороне Аlassана Уаттары, ввод французских войск в Мали и Центральноафриканскую республику продемонстрировали готовность сверхдержавы и ее «заклятого» союзника использовать внутривосточные конфликты как повод для открытой агрессии в собственных интересах с санкции ООН.

Политический миф. Конструируя очередную миф, Хиллари Клинтон объявила в мае 2011 г.: «В анналах истории будет отмечено, что смерть Бен Ладена совпала по времени с великим движением к свободе и демократии, в момент, когда люди по всему Ближнему Востоку и Северной Африке отвергают экстремизм и встают на путь мирного прогресса на основе универсальных прав и чаяний... По всему миру мы будем двигаться вперед, усиливая наши партнерства, укрепляя наши сети, инвестируя в положительное видение мира и прогресса и беспощадно преследуя убийц, действия которых направлены против невинных граждан. Борьба продолжается, и наши ряды никогда не дрогнут»¹⁸. В этой реплике имплицитно присутствует и признание открытого вмешательства в дела

суверенных государств, и латентная угроза в адрес тех, кто не готов смириться с новой постмодернистской парадигмой международных отношений.

Классик постмодернистской филологии Роллан Барт в трактате «Мифология» констатирует, что политический миф становится «инструментом принуждения, безраздельно владычаствующим в культуре и потому подавляющим сознание индивидов в угоду тем или иным рутинным стереотипам», формирует идеологическую модель трансформации обыденного сознания. Это трансформированное сознание становится санкцией на применение силы в отношении тех, кто иначе понимает истину. Он приводит пример политически ангажированного мифа о «французской имперскости», иллюстрацией к нему является фотография молодого африканца в форме французского солдата, отдающего честь французскому флагу. История африканца, а, следовательно, и история французской колониальной империи в Африки в целом исчезает, остается лишь этот темнокожий солдат как олицетворение не подлежащей сомнению «французской имперскости»¹⁹.

В поздних «Мемуарах души» президента Франции Шарля де Голля есть удивительное свидетельство политического мифотворчества призванного оправдать преступления французского неокolonизма. Пытаясь обосновать конструирование карательной системы «Франсафрик», он писал: «Потребности колоний все возрастали, мы должны были на огромных пространствах нести все возрастающие расходы на управление, на общественные работы, просвещение, социальное обеспечение, здравоохранение, безопасность... Мы принесли им нашу цивилизацию, вместо прежней анархической разобщенности создали на каждой территории централизованную систему управления, которая стала прообразом национального государства, мы создали элиты, которые, воодушев-

ленные принципами прав и свобод человека, уже стремились занять наше место на всех ступенях иерархии. Означало ли это, что предоставив им возможность самоуправления, мы должны отвернуться от них?... Разумеется, нет. Вследствие многолетней привязанности к нам, влияния, которое на них оказали и ангелы, и демоны Франции... они склонны сохранять тесные связи с нами... Мы приняли на себя обязательства стать их привилегированными партнерами. Уже потому, что они говорят на нашем языке и проникнуты нашей культурой, мы обязаны помогать им»²⁰.

Нужно иметь в виду, что Де Голль был очень хорошо осведомлен о зверствах французских солдат в Алжире в конце 50-х гг. прошлого века, об этнических чистках, которые устроили французские каратели в Камеруне, о репрессиях против патриотов Камеруна, о разграблении Гвинеи... Все эти страны не захотели оставаться под опекой Елисейского дворца и были жестоко наказаны лукавым мифотворцем де Голлем. Постмодернисты полагали, что политические мифы консервативны и призваны оправдать амбиции силы. Роллан Барт констатировал, что буржуазный миф «должен внушать и изображать такой мировой порядок, где раз и навсегда установлена иерархия владений»²¹. Таким образом, пропагандистский миф сдерживает моральную инфляцию таких краеугольных понятий буржуазной идеологии, как колониализм, интересы нации, поддерживая их «устойчиво-застылую форму», в которой реальность фактов искажается идеальностью целей.

Хаос. Истинный идеал постмодернистов — это хаос (космос). «Сущность постмодернизма очень проста. Она состоит в хаотизации представлений о мире. Главный критерий здесь один: есть хаос — есть постмодернизм, нет хаоса — нет постмодернизма»²². Хаос — это фундаментальная парадигма отношения к миру, который мыслится

подвижной семантической средой, открытой для бесконечного числа интерпретаций: изначальный мир как хаос может быть подвергнут систематизации или означиванию. Как это сформулировал, размышляя о саморефлексии Пауль Клее, «есть логика в том, что я начинаю с хаоса, и это наиболее естественное начало»²³. Постмодернистская деконструкция, призванная стать основой анализа стала отправной точкой политологической теории «управляемого хаоса» Стивена Манна²⁴. В контексте размышлений о национальной безопасности США он заключил: «Мы можем многому научиться, если рассматривать хаос и перегруппировку как возможности, а не рваться к стабильности как иллюзорной цели...». Основная мысль С. Манна сводится к следующему: если перевести систему в состояние «политической критичности», она — при определенных условиях — сама неизбежно ввергнет себя в катаклизмы хаоса и «переустройства». Рассматриваемый подход открывал новые возможности, как для социального созидания, так и для асоциального разрушения и геополитических манипуляций²⁵.

Однако в практике международных отношений возможности новой концепции были использованы лишь в деструктивных внешнеполитических проектах. Социально-экономические кризисы, манипуляция такой категорией, как права человека, «недемократичность» того или иного режима, «деспотия» конкретного лидера являются лишь ширмой, разным прикрытием, за которым стоит реальная цель — дестабилизация (хаотизация) государства и организация «цветной революции»²⁶. Но это сюжет для отдельной статьи.

Метаморфозы. Идеи классиков постмодернистской философии, будучи адаптированы идеологами и творцами «нового мирового порядка», стали обоснованием и оправданием разрушения «послевоенного мирового устройства»,

отказа от устоявшихся норм классического международного права, принципов невмешательства в дела суверенных государств и самоопределения наций. И в то же время сами концептуалисты

постмодерна стали яростными и самыми последовательными критиками «нового мирового устройства», «однополярного мира», «стран-террористов», права сильного.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Deleuze G., Guattari F. Qu'est-ce que la philosophie?* Paris: Minuit, 1991. P. 206.
- 2 См.: *Foucault M. L'archéologie du savoir.* Paris: Gallimard, 1969.
- 3 *Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей. Письма 1982-1985.* М., РГГУ. 2008. С. 13.
- 4 Лиотар Ж.-Ф. Заметка о смыслах «пост» // http://reader.vspu.ac.ru/part3/gf_liot@g_bodr.htm
- 5 См.: *Барт Р. Избранные работы.* М., 1989. *Барт Р. Мифологии.* М., 1996.
- 6 *Эко У. Имя розы.* М.: Книжная палата, 1989. С. 434.
- 7 См.: *Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика.* — М., 1994. — С. 72-130
- 8 *Барт Р. Мифологии.* М., 1996. С. 258.
- 9 *Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей. Письма 1982-1985.* М., РГГУ. 2008. С. 20-21.
- 10 См.: *Тойнби А. Дж. Постигание истории.* М.: Рольф, 2001.
- 11 *Межуев. Б. Комментарий // Борьба за Слоновую Кость //* <http://actualcomment.ru/theme/1764/>
- 12 *Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература.* 1994. № 4. С. 258-267.
- 13 Цит по: *Мальцева А. Философские взгляды Жака Деррида //* <http://filosbank.narod.ru/Fails/Filosofi/Htm/Derrida.htm>
- 14 *Derrida J. Y-a-t-il des etats-voyous? // Le Monde Diplomatique.* 2003. Janvier. P. 10.
- 15 *Derrida J. Y-a-t-il des etats-voyous? // Le Monde Diplomatique.* 2003. Janvier. P. 10.
- 16 *Межуев. Б. Комментарий // Борьба за Слоновую Кость //* <http://actualcomment.ru/theme/1764/>
- 17 *Тойнби А. Дж. Пережитое. Мои встречи. Ч. 2.* М., Айрис-пресс. 2003 С. 191.
- 18 *Усама и Обама. Контекст и перспективы —* <http://news.rambler.ru/9922134/>
- 19 *Барт Р. Мифологии.* М., 1996. С. 258.
- 20 *Gaullie Ch. de. Memoires d'Espoir. Le renouveau 1958-1962.* Paris, 1970. P. 42.
- 21 *Барт Р. Мифологии.* М., 1996. С. 246, 283.
- 22 *Даниленко В. Есть хаос — есть постмодернизм // Литературная газета.* 2012. № 5.
- 23 Цит. по: *Грицанов А., Можейко М. Постмодернизм. Энциклопедия —* http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/PostModern/_94.php
- 24 *Mann S.R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly).* V. XXII. Autumn, 1992. P. 54-68.
- 25 *Архиреева М. Теория управляемого хаоса и Стивен Манн —* <http://www.lawinrussia.ru/node/309753>
- 26 *Юраков М. «Цветные революции» и управляемый хаос —* <http://ostkraft.ru/ru/articles/1723>

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ЕС И РОССИЯ

Канунников А.А.

Президент Фонда «Социальная экология», ведущий научный сотрудник Центра проблем социального развития Европы Института Европы РАН, кандидат исторических наук

Тел.: 495 629 5715

Эл. почта: soc-eco@yandex.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию отношений Европейского союза с организациями гражданского общества России, при этом отношения ЕС и гражданского общества России рассматриваются как часть более широкого сотрудничества ЕС и России, нормативно-правовой основой которого является Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС).

В статье анализируются формы сотрудничества и целевые программы ЕС для организаций российского гражданского общества. Показаны цели, которые ставит ЕС в реализации такого сотрудничества, делается прогноз относительно перспектив их развития.

Ключевые слова: Европейский союз, Россия, гражданское общество, демократия, верховенство закона, права человека, устойчивое развитие, Восточное партнёрство, международные отношения.

A.A. Kanunnikov

President of "Social ecology" Fund, Leading Research Fellow of the Center for social development problems of Europe, Institute of Europe of RAS, candidate of historical sciences

Phone: 495 629 5715

E-mail: soc-eco@yandex.ru

CIVIL SOCIETY: EU AND RUSSIA

Abstract: This article describes the study of relations of the European Union with the civil society organizations in Russia, at that the relations between the EU and the civil society in Russia are considered as part of a wider cooperation between the EU and Russia, the legal basis of which is the Partnership and Cooperation Agreement (PCA).

The article analyzes the forms of cooperation and special programs of the EU for organizations of the Russian civil society. The goals set by the EU are shown for the implementation of this cooperation, the development prospects are forecasted.

Keywords: European Union, Russia, civil society, democracy, the rule of law, human rights, sustainable development, the Eastern Partnership, the international relations.

В марте текущего года, когда главы МИД стран Европейского союза обсудили условия двустороннего сотрудничества с Россией вне тематики взаимных санкций, были единогласно согласованы пять принципов новой политики общества по отношению к нашей стране. Пятым и последним по списку, но не по важности стал принцип сотрудничества ЕС с гражданским обществом в России. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини на пресс-

конференции по итогам Совета по международным делам (очередной встречи глав МИД ЕС) сообщила, что данный принцип предусматривает «поддержку развития гражданского общества в России» и готовность «инвестировать в контакты между людьми» с акцентом на молодежь¹.

Однако является ли сотрудничество ЕС с гражданским обществом России совершенно новым направлением? Совершенно определённо можно ответить — нет. Официальный Брюссель уже

длительное время поддерживает отношения как с Общественной палатой РФ и другими структурами, созданными при поддержке государства, так и с общественными организациями, не входящими в такие структуры. При этом сотрудничество Европейского союза с организациями гражданского общества России следует рассматривать как часть более широких связей ЕС и России. Нормативно-правовой основой этого взаимодействия является Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС)², которое вступило в силу 1 декабря 1997 г. на 10-летний период и которое ежегодно с 2007 г. продлевается, оставаясь правовой основой отношений ЕС и России.

В настоящее время контакты с российским гражданским обществом являются достаточно содержательной частью сотрудничества ЕС и России. Многие инициативы гражданского общества в России финансируются через фонды, близкие к ЕС и через такие тематические статьи бюджета ЕС, как Европейский инструмент содействия демократии и правам человека (ЕИДПЧ)³, а также Организации гражданского общества и Местные органы власти⁴.

Интерес к сотрудничеству с гражданским обществом и местными органами власти в странах-партнёрах, и России в частности, не случаен. В Европейском союзе считают, что в последние два десятилетия важность местных органов власти и ассоциаций местных органов власти в решении таких задач устойчивого развития, как, например, борьба с бедностью, значительно возросла в странах ЕС и странах-партнерах.

Этот подход особенно справедлив с точки зрения более эффективного государственного управления и вовлечения широких кругов граждан в процессы развития в рамках сотрудничества с организациями гражданского общества. При участии общинных организаций, неправительственных структур, религиозных объединений, фондов, научно-

исследовательских институтов, профсоюзов, женских организаций, кооперативов, профессиональных и деловых ассоциаций и средств массовой информации появляются реальные возможности решать актуальные проблемы, стоящие перед местными общинами.

Следует обратить внимание на положение, утверждающее, что «в кризисных ситуациях местные органы власти могут стать важными участниками политических переговоров, когда сотрудничество между центральными правительствами и ЕС не представляется возможным»⁵.

Такой подход может иметь далеко идущие последствия, если учесть, что уже сегодня местные органы власти сталкиваются с необходимостью искать ответ на такие важные и выходящие за пределы общин проблемы, как миграция, обеспечение продовольственной безопасности, истощение ресурсов, общественная безопасность и насилие, экологические и социальные последствия добычи полезных ископаемых или адаптация к изменениям климата, быстрой урбанизации. Например, в 2025 году примерно две трети населения мира будет жить в городах, а 95% роста городского населения придётся на страны-партнёры ЕС⁶.

Согласно определению ЕС, содержащемуся в документе «Расширение прав и возможностей местных органов власти в странах-партнерах для повышения управления и более эффективных результатов в области развития», местные органы власти как государственные учреждения являются юридическими лицами, составляющими государственные структуры, и находящиеся ниже уровня центрального правительства и подотчетные гражданам⁷.

Европейский союз поддерживает связи в странах-партнёрах с Ассоциациями местных органов власти, которые рассматриваются как «зонтичные организации», основанные на членстве и пред-

ставительстве на субнациональном, национальном, субрегиональном, континентальном и международном уровне. Такие организации могут действовать как в стране регистрации, так и за её пределами. Ассоциация местных органов власти может состоять из представительного органа, избранного её членами, и постоянного секретариата. Основные функции таких организаций включают в себя лоббирование общих интересов, обобщение опыта координации усилий общин, распространение и обмен информацией между членами ассоциации, продвижение местных планов развития.

Через специальную программу «Негосударственные акторы и местные органы власти» (Non-state actors and local authorities in development — NSA-LA) Европейский Союз поддерживает организации гражданского общества и местные органы власти в их совместном стремлении идти по пути развития. Поддержка такого рода взаимодействия, по мнению ЕС, позволяет наладить долгосрочные партнерские отношения, связывающие гражданское общество и местные органы власти.

Европейский союз также участвует в финансировании проектов неправительственных организаций стран-партнёров в таких областях, как здравоохранение, образование и развитие сельских районов.

Программа NSA-LA на 2011-13 гг., например, была ориентирована на достижение трёх целей:

- содействие созданию условий в странах-партнерах, которые будут способствовать негосударственным акторам при участии местных органов власти вести борьбу с нищетой в рамках стратегии устойчивого развития (Цель 1);
- повышение уровня информированности в вопросах развития и предоставление образования по вопросам развития в ЕС и присоединившихся странах (Цель 2);

- укрепление координации негосударственных акторов и местных власти существующих сетей в ЕС и присоединившихся стран и улучшение связи между этими сетями (Цель 3)⁸.

Заметим, что достижение цели 1 возможно двумя видами деятельности: работой в отдельных странах и организацией деятельности в нескольких странах одновременно (путём реализации мультирегиональных или международных инициатив)⁹. Важно отметить, что Программа NSA-LA основывается на статье 14 ЕС Регламента о создании инструмента развития сотрудничества (DCI)¹⁰, которая заменила ранее существовавшие программы для НПО, предусматривавшие софинансирование и децентрализованное сотрудничество.

Программа действий на вторую половину 2015 г., 2016 и 2017 гг. «Организации гражданского общества и местные органы власти» включает следующие направления:

- «Повышение вклада организаций гражданского общества и местных органов власти в управление и процессы развития на страновом уровне»;
- «Укрепление зонтичных организаций гражданского общества на региональном уровне, на уровне ЕС и глобальном уровне»;
- «Укрепление ассоциаций местных органов власти на региональном уровне, на уровне ЕС и глобальном уровне»;
- «Развитие и поддержка инициатив в сфере образования и просвещения граждан в вопросах развития (Раздел — Организации гражданского общества)»;
- «Развитие и поддержка инициатив в сфере образования и просвещения граждан в вопросах развития (Раздел — Местные органы власти)»¹¹.

О масштабах этой программы можно судить по объемам бюджета, выделяемого на его реализацию. Статья 2 участия в финансировании определяет максимальный вклад Европейского союза в 723 814 924 евро, которые финансируются — из бюджетной линии 21 02 08 01 общего бюджета Европейского союза:

- на 2015 год в размере 181 643 207 евро
- на 2016 год в размере 182 375 198 евро
- на 2017 год в размере 192 932 988 евро;
- из бюджетной линии 21 02 08 02 общего бюджета Европейского союза:
- на 2015 год в размере 42 260 802 евро
- на 2016 год в размере 60 291 733 евро
- на 2017 год в размере 64 310 996 евро¹².

Формы сотрудничества ЕС с организациями гражданского общества России постоянно расширяются. Так, через статью бюджета «Европейский инструмент содействия демократии и правам человека» (ЕИДПЧ) ЕС поддержал создание «Форума гражданского общества ЕС-Россия», ставшего совместной платформой сотрудничества и координации деятельности организаций гражданского общества России и Европейского союза.

По мнению руководителя неправительственной организации «Германо-российский обмен» Штефана Мелле (Stefan Melle), история возникновения идеи о создании гражданского форума ЕС — Россия связана с программой Евросоюза «Восточное партнерство», участниками которой являются многие государства Восточной Европы и бывшие республики СССР. Достигнув успехов в деле развития правозащитной сферы и сотрудничества между НПО этих государств и государств-членов

ЕС, многие правозащитники и политики в Европе посчитали несправедливым то, что Россия не входит в число участников этой программы. Именно поэтому, по мнению Ш. Мелле, родилась идея разработать нечто подобное «Восточному партнерству», но только для России¹³.

Более 60 представителей общественных организаций из стран ЕС и организаций гражданского общества из России 28 и 29 марта 2011 г. собрались в Праге в Министерстве иностранных дел Чехии на учредительное собрание Форума. Среди участников с российской стороны были такие известные организации, как Московская Хельсинкская группа, «Мемориал», ассоциация «Голос», Агентство социальной информации, Информационно-аналитический центр «Сова», Центр развития некоммерческих организаций, фонд «Общественный вердикт», Центр развития демократии и прав человека, «Гринпис России», «Байкальская волна» (группа, выступающая за консервацию озера Байкал) и другие. С европейской стороны — Финско-российский гражданский форум (Финляндия), «Немецко-русский обмен» (Германия), Центр ЕС-Россия (Бельгия), «Человек в беде» (Чехия), Хельсинкский фонд по правам человека (Польша), «Друзья Земли» (Чехия), Глобальный фонд природы (Германия), а также «Международная федерация за права человека» (FIDH) (Франция) и «Защита правозащитников» (Frontline) из Ирландии и другие. Участвовали в учреждении Форума и многочисленные гражданские группы, такие как организация по защите Химкинского леса, социальные организации по развитию российских регионов и т.п.¹⁴

Проект рассчитан на долгую перспективу. «Я придаю Форуму огромное значение. Крайне важно не оставлять сферу отношений между ЕС и Россией только для политиков. Я надеюсь, что гражданское общество сыграет важную роль в партнерстве ЕС-Россия по модер-

низации. Вы можете разочароваться тем, что успех не приходит быстро. Однако, согласно моему предыдущему опыту, защита прав человека — это постоянная борьба» — сказал Карел Шварценберг, тогдашний министр иностранных дел Чехии на открытии Форума¹⁵.

О планах деятельности Форума недвусмысленно высказались представители Европейского союза. «Лидеры стран часто игнорировали мнение гражданского общества и это положение пора изменить. Важен тот факт, что в отношениях между ЕС и Россией присутствуют взгляды гражданского общества. Форум также должен будет привлекать к ответственности российские власти в отношении защиты конституционных прав», — заявила Хейди Хаутала, председатель подкомитета Европейского парламента по правам человека. «Я уверена в том, что Европейский парламент окажет содействие и поддержку данной инициативе» — добавила она¹⁶.

На учредительном собрании также присутствовал Михаил Федотов, советник Президента Российской Федерации, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Он изложил своё видение задач Форума. «Нам предстоит много работы для улучшения восприятия России в ЕС. Результаты опросов показали, что 70% россиян имеют положительное восприятие ЕС, однако только 2% европейцев имеют положительное восприятие России. Это означает, что существует огромная потребность в улучшении контактов между ЕС и Россией. Крайне важно действовать на основе истины, а не мифов. Не менее важно улучшить положение прав человека в России, в особенности обеспечить независимость судебной системы и свободу средств массовой информации»¹⁷.

На Форуме была согласована организационная структура и созданы четыре рабочие группы: группа по правам че-

ловека и верховенству закона, группа по защите окружающей среды, группа по социальным вопросам и участию общественности и группа по демократическим структурам и процессам.

В том же году, в декабре 2011 г., в Варшаве прошла конференция Гражданского форума ЕС-Россия¹⁸, которая подтвердила одну из главных целей организации — влияние на политический диалог Брюсселя и Москвы.

Гражданский форум получает постоянно увеличивающуюся финансовую поддержку — например, помимо «благотворительных взносов» различных фондов, Европейский парламент на период до 2013 г. выделил на проекты Гражданского форума ЕС-Россия 400 тыс. евро¹⁹.

Поддержка гражданского общества в России осуществляется в рамках многочисленных программ, преследующих различные цели. Например, программа «Неправительственные организации» нацелена на укрепление потенциала организаций гражданского общества как условие развития более справедливого, открытого и демократичного общества и является частью политики ЕС по стимулированию и поддержке долгосрочного партнерства ЕС и неправительственных организаций (НПО) в странах-партнерах. Применительно к России эта программа рассматривается как продолжение «Программы институционального развития» (IBPP). Другой пример, в рамках программы «Неправительственные организации в развитии» на 2011-2013 гг. Европейский союз выделил на проекты в России 4 млн. евро²⁰. С 2010 года Европейский союз через Представительство в России выделил 7 млн. евро на проекты в рамках Программы ЕС и России «Механизм партнерства для модернизации»²¹.

Европейский союз уже принял программы до 2017 г. включительно и далее по поддержке гражданского общества, проведения академических обменов и регионального сотрудничества, а так-

же развития приграничного сотрудничества²².

Отдельного рассмотрения заслуживает развитие сотрудничества Евросоюза с гражданским обществом бывших республик СССР, которое осуществляется в рамках целого ряда программ. Например, программа «Восточное партнерство» (ВП) направлена на сближение ЕС с 6-ю странами: Арменией, Азербайджаном, Беларуссией, Грузией, Республикой Молдова и Украиной. Эта инициатива представляет собой восточное измерение Европейской политики соседства (ЕПС)²³.

Финансовые ресурсы на такие программы постоянно увеличиваются. Так, выступая в 2015 г. в Киеве на ежегодной Ассамблее Форума гражданского общества Восточного партнёрства (ФГО ВП), европейский комиссар по вопросам расширения и политики добрососедства Йоханнес Хан (Johannes Hahn) отметил, что «ЕС существенно увеличил свою финансовую поддержку через программы «Neighbourhood Civil Society Facility», оказав помощь более 200 организациям в регионе»²⁴.

Мысль об увеличении финансовой помощи на этой встрече прозвучала также в выступлении Катарины Матерновой (Katarína Mathernová), заместителя Генерального директората по вопросам соседства и расширения переговоров (Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations — DG NEAR).

К. Матернова сказала: «Гражданское общество играет ключевую роль в развитии стран-участниц ВП, а также в реализации договоров об ассоциации и соглашениях об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (The Deep and Comprehensive Free Trade Areas — AA/DCFTA). Поддержка

гражданского общества увеличена до 150 млн. евро в 2014-2017 гг., при этом DG NEAR активно ищет более эффективные способы оказания помощи. В рамках существующих правил ЕС необходимо стать более гибкими и увеличить количество охваченных помощью организаций гражданского общества. Программа «Civil Society Fellows Programme» — это новая инициатива, цель которой — обучение молодых лидеров гражданского общества и наращивание сети контактов»²⁵.

Таким образом, мы видим, что Европейский союз и связанные с ним организации и фонды ведут многостороннюю и глубокую работу с организациями гражданского общества в России и странах на постсоветском пространстве. В центре такого сотрудничества лежит продвижение западных ценностей, в частности, тех, что закреплены в конвенциях Совета Европы, включая следующие: демократия и верховенство закона; уважение прав человека и основных свобод; свободная рыночная экономика с устойчивым развитием.

Для стран постсоветского пространства упор делается на подготовку почвы для заключения новых договоров об ассоциации, включая углубленные и всеобъемлющие зоны свободной торговли и постепенную интеграцию в этих стран в структуры ЕС. В качестве привлекательного момента для жителей этих стран используется обещание ЕС постепенной либерализации визового режима.

Обширные планы взаимодействия с организациями гражданского общества России и новых стран на постсоветском пространстве опираются на серьезную финансовую поддержку, которая имеет тенденцию к постоянному увеличению.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. La UE quiere apoyar más a la sociedad civil rusa y reforzar lazos con el este, La Vanguardia, 14/03/2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lavanguardia.com/politica/20160314/40430588220/la-ue-quiere-apoyar-mas-a-la-sociedad-civil-rusa-y-reforzar-lazos-con-el-este.html>
2. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. [Электронный ресурс] URL: http://www.russianmission.eu/userfiles/file/partnership_and_cooperation_agreement_1997_russian.pdf
3. The European Instrument for Democracy and Human Rights. [Электронный ресурс] URL: <http://www.eidhr.eu/>
4. Civil Society Organisations (CSOs) and Local Authorities (LAs). [Электронный ресурс] URL: <https://ec.europa.eu/europeaid/node/671>
5. International cooperation and development. Building partnerships for change in developing countries. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/europeaid/sectors/human-rights-and-governance/local-authorities_en
6. Local Authorities (LAs). [Электронный ресурс] URL: <https://ec.europa.eu/europeaid/node/671>
7. Empowering Local Authorities in partner countries for enhanced governance and more effective development outcomes. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Brussels, 15.5.2013. COM(2013) 280 final
8. Thematic programme NSA-LA. [Электронный ресурс] URL: <https://ec.europa.eu/europeaid/node/957>
9. Thematic programme NSA-LA. [Электронный ресурс] URL: <https://ec.europa.eu/europeaid/node/957>
10. Regulation (EC) No 1905/2006 of the European Parliament and of the Council of 18 December 2006 establishing a financing instrument for development cooperation. [Электронный ресурс] URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1448533575366&uri=CELEX:32006R1905>
11. COMMISSION IMPLEMENTING DECISION of 30.6.2015 on the Multi-Annual Action Programme for years 2015 part II, 2016 and 2017 “Civil Society Organisations and Local Authorities” to be financed from the general budget of the European Union. EUROPEAN COMMISSION Brussels, 30.6.2015. C(2015) 4574 final. https://ec.europa.eu/europeaid/commission-decision-multi-annual-action-programme-2015-2017-civil-society-organisations-and-local_en
12. COMMISSION IMPLEMENTING DECISION of 30.6.2015 on the Multi-Annual Action Programme for years 2015 part II, 2016 and 2017 “Civil Society Organisations and Local Authorities” to be financed from the general budget of the European Union. EUROPEAN COMMISSION Brussels, 30.6.2015. C(2015) 4574 final.p. 4,5.
13. Рождение Гражданского форума ЕС — Россия: новые перспективы не только для НПО. Deutsche Welle. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dw.com/ru/..a-14950280>
14. Гражданский форум ЕС—Россия. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2088546>
15. ЕС-Россия Форум НПО начинает в Праге. [Электронный ресурс] URL: <http://eu-russia-csf.org/index.php?id=2&L=1>
16. EU-Russia NGO Forum starts in Prague. [Электронный ресурс] URL: <http://eap-csf.eu/ru/news-events/news/eu-russia-ngo-forum-starts-in-prague/>
17. EU-Russia NGO Forum starts in Prague . [Электронный ресурс] URL: <http://eap-csf.eu/ru/news-events/news/eu-russia-ngo-forum-starts-in-prague/>
18. Гражданский форум Евросоюз — Россия: в центре внимания — визы и выборы. [Электронный ресурс] URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/publications/read/277>
19. Гражданский форум ЕС-Россия: больше влияния, больше НПО, больше проектов. Русская редакция Deutsche Welle. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dw.com/ru/.../a-15575050>

20. EU relations with Russia. [Электронный ресурс] URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/funding_opportunities/grants/index_ru.htm
http://ec.europa.eu/europeaid/work/funding/index_en.htm
21. Партнерство для модернизации [Электронный ресурс] URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/tech_financial_cooperation/partnership_modernisation_facility/index_ru.htm
22. In 2014-2017, Russia will receive support to civil society, academic exchanges and regional cooperation. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/europeaid/countries/russia_en
23. О Восточном Партнерстве. [Электронный ресурс] URL: <http://eap-csf.eu/ru/about-csf-eap/eap/>
24. Новая Европейская политика добрососедства и роль гражданского общества в центре внимания 7-ой ежегодной ассамблеи ФГО ВП. [Электронный ресурс] URL: <http://eap-csf.eu/ru/news-events/news/http://eap-csf.eu/en/news-events/news/new-enp-and-civil-societys-role-in-focus-of-the-7th-eap-csf-an/>
25. Ibid.

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ: КТО СМЕШИВАЕТ КРАСКИ И КТО ХУДОЖНИК?

Стоян Денчев

*Ректор Университета библиотековедения и информационных технологий г. София, Р. Болгария,
доктор экономических наук, профессор
Тел.: +359 2 970 8552*

Мирияна Павлова

*Аспирант Университета библиотековедения и информационных технологий г. София, Р. Болгария
Тел.: +359 2 970 8552*

Аннотация: В статье рассматривается характер «цветных революций», которые обозначают развитие современных международных отношений в начале XXI-ого века. Текст описывает технологию проведения социально-политических перемен во многих странах. Обращается внимание на внешние движущие силы, которые оказывают влияние на революции в этих (Северной Африке, Ближнем Востоке, Юго-восточной Европе и Постсоветском пространстве) регионах мира.

Ключевые слова: «цветные революции», «арабская весна», доминирование, мягкая сила, ценности.

Stoyan Denchev

*Rector of the University of Library Studies and Information Technologies, Sofia, Bulgaria, Doctor of Economics, Professor
Phone: +359 2 970 8552*

Miryana Pavlova

*Postgraduate of the University of Library Studies and Information Technologies, Sofia, Bulgaria
Phone: +359 2 970 855*

COLOR REVOLUTIONS: WHO MIXES COLORS AND WHO IS PAINTER?

Abstract: The article describes the nature of the “color revolutions” that indicate the development of modern international relations at the beginning of XXI century. The text describes the technology of social and political change in many countries. Attention is paid to the external driving forces, that affect the revolutions in these (North Africa, Middle East, South-East Europe and the former Soviet Union) regions of the world.

Key words: «Color revolutions», «arabian spring», domination, soft power, values.

Мы являемся свидетелями появления новых инструментов управления процессами в мире, принимаемых в политической конкуренции между основными игроками. Информационные войны, гибридные войны, цветные революции и контролируемый хаос являются арсеналом этих современных инструментов.

Во второй половине XX века происходят некоторые общественно-политические и экономические сотрясения, а так-

же и ряд революционных войн в разных точках мира. В этот период проводятся и так называемые «бархатные революции» в конце 80-х годов в Восточной Европе, волна «цветных революций» в постсоветских государствах и, наконец, революции, получившие название «арабская весна» в государствах Северной Африки.

Между ними нельзя поставить знак равенства, но и нельзя игнорировать

тот факт, что существует ряд сходных положений в способах их реализации. Окончательным доказательством для этого является смена власти на Украине 2014 года, получившая название «Евромайдан», которая «успешно» реализовала «обновление» украинской

оранжевой революции. Это приводит к мысли, что если страны из разных районов мира стали объектом «революционных» действий, то существует аналогичный сценарий для провоцирования и реализации этих революций.

ЧТО ТАКОЕ «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»?

Цветная революция — это термин, которым принято обозначать ряд социально-политических событий во всем мире в конце XX-го века и в начале XXI-го века. Является технологией для реализации смены власти в стране, в которой давление на правительство принимает форму политического шантажа, используя инструмент протестного движения. Характеристиками цветных революций являются массовые протесты и демонстрации. Цель — не просто смена нынешней политической элиты и геополитической ориентации, а кардинальное изменение всего государства.

Именно в этих революциях военная сила и мощь не являются основным инструментом толпы, которая требует смены политического режима.

Модель «цветных революций» состоит из нескольких основных этапов¹:

1. Каждая цветная революция начинается с массовой информационной подготовки, которая длится от одного месяца до одного года.
2. Создание организованной протестной сети, являющейся основой и силой будущей революции.
3. Каждая демонстрация сопровождается инцидентом, который возбуждает общество и ведет к социальному ответу.
4. После этого инцидента протестная сеть выходит на улицы больших городов, где группы активистов становятся катализаторами «спонтанных» массовых процессов, которые успешно привлекают широкий круг людей.

5. Следующий этап заключается в создании политической «толпы» и для этого выбирают популярное место (например, известная всем площадь) в городе.
6. Толпа выставляет ультимативные требования управляющей элите.
7. Затем следует приобретение реальных ресурсов власти.
8. Сильная внутренняя и внешняя информационная поддержка.

Анализ практических этапов цветных революций, с момента подготовки до достижения крайнего результата, показывает, что они используют одну и ту же концептуальную организационно-технологическую модель. Поэтому цель цветных революций — реализация смены политической системы новой созданной в западно-политических лабораториях. То есть осуществляется кардинальное изменение государственного устройства в направлении, выгодном для организатора цветных революций. Объект — приобретение государственной власти, функций власти и взаимосвязь, а предмет — смена политической системы².

Разница между цветными и традиционными революциями состоит в том, что первые являются, скорее всего, сетевым процессом. Они возникают и развиваются в каналах средств массовой информации (СМИ). Информация — основная особенность «цветных революций». Поэтому категорично можем охарактеризовать эту технологию как информационную войну против противника. Основы успеха войны — тщательная подготовка,

которая включает в себя дезинформацию и пропаганду. Мишенями манипуляции не являются только сознание, взгляды и ценности местного населения, а и мировое общественное мнение. Поэтому организаторы обеспечивают мощную информационную поддержку

с помощью локальных и мировых СМИ. Именно с помощью западных СМИ термин «цветные революции» стал именем нарицательным для борьбы общества против своих авторитарных режимов и поэтому большинство из мирового населения поддерживают эти перевороты.

КТО СМЕШИВАЕТ КРАСКИ И КТО ХУДОЖНИК?

В основе сценария цветных революций лежит англо-саксонская, в частности, североамериканская идея о «продвижении» демократии, демократических идеалов и ценностей. Этот тезис подтверждается заявлением президента США Джорджа Буша, который сказал: «Выживание свободы в Америке зависит от успеха свобод в других странах». Некоторые аналитики и исследователи международных отношений называют «цветные революции» инструментом мягкой силы (soft power), термин введенный Джоузефом Найем.³ Сущность мягкой силы состоит в привлечении и убеждении через определенные культурные ценности и примеры. По словам Ная, «мягкая сила опирается на способность формировать предпочтения других нематериальных активов таких, как культура, политические ценности, институты и политики, которые воспринимаются как законные. Главное — влияние на поведение людей, чтобы они сделали что-то, что не сделали бы до этого момента». Целью мягкой силы является завоевание общества и правительств государств на стороне тех, кто их применяет. На наш взгляд, трудно определить цветные революции как прямой инструмент soft power, потому что они состоят из ряда мирных инициатив для экспорта демократических ценностей.

США в качестве великой державы обладают амбициями и возможностями распространять общепринятые ценности, такие как демократия, свобода и права человека, которые стоят в основе стратегии смены режимов

в странах мира. «Цветные революции» в Северной Африке стали известными под названием «Арабская весна» и тесно связаны с реализацией провозглашенной программы во время президента Джорджа Буша для экспорта и продвижения свобод в мире. Так, нередко, в информационном пространстве подчеркивалась значимая роль президента США в демократизации различных регионов и государств. В своей речи и президент Барак Обама тоже заявил о своем намерении помочь каждым активистам и организациям, которые отстаивают демократические ценности в своем государстве. Они могут рассчитывать на американскую поддержку любого характера.

Важным фактором в сценарии революции является американский институт **Альберта Эйнштейна** (Albert Einstein Institution-AEI). Создатель института — Джин Шарп, получившего популярность благодаря своей работе «От диктатуры к демократии». Его тексты тщательно изучали разные протестные гражданские группы в Египте, Сирии, Иране, Сербии и т.д. Считается, что именно эти публикации помогли оппозиции и демонстрантам в проведении (ненасильственной) смены власти. Распространение демократии через «цветные революции» осуществляется и с помощью Агентства международного развития США (U.S. Agency for International Development — USAID), чья деятельность направлена на соблюдение прав человека, свободы слова, проведение демократических выборов и других.

Хаос, который сопровождается рядом революций, в основном речь идет о тех, которые произошли в Северной Африке, и о кризисе на Украине, является одним из самых серьезных глобальных проблем последнего десятилетия. Нередко эти движущие силы в революциях превращаются в фашистские формирования и антицивилизационные исламские орды, которые показывают, как ситуация всегда выходит из-под контроля своих создателей и в большинстве случаев поворачивается против них. К сожалению, США и Объединенная Европа еще рассматривают кризис на Украине как управляемый и видят его как эффективный инструмент демократизации современного мира. Но реальная картина мира совер-

шенно иная. Этот «управляемый» хаос охватил большие территории, что приводит к разрушению исторически сложившихся в регионах систем и механизмов коллективной защиты. При проведении цветных революций нарушается не только социально-политическая структура государства, а и создается неопределенность и опасность в этих регионах и во всем мировом порядке.

Миссия США по распространению демократии и демократических ценностей любой ценой оказывается практически невозможной. Для всех стало явным, как ухудшаются социальные и экономические структуры в пострадавших странах. Наблюдается и обострение политических и военных кризисов.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БОЛГАРИЯ

Потенциально как в маленьком государстве, в Болгарии возможно проведение технологии «цветных революций». В конце концов, это удалось путем досрочной отставки правительства. В 2013 году была сделана попытка реализовать смену власти путем массовых демонстраций и оккупации общественных ключевых зданий (как, например: центрального здания Софийского Университета).

Как выше было представлено, все «цветные революции» следуют единому сценарию. Сразу после политических выборов международные организации с помощью США и Западной Европы не признают выборы. Объявляет их незаконными и после реализации массовых демонстраций, к власти приходит новое правительство, предварительно выбранном организатором цветных революций. Единственным исключением является Болгария, где в 2013 году выборы проходят без обвинений со стороны Запада в фальсификации. И поэтому, может быть, революция не увенчалась успехом. После скандального назначе-

ния лица на одной из самых важных государственных позиций (повод для начала протестов), произошли многочисленные протесты и демонстрации — как обычно, на большой площади). Другая характерная черта цветных революций, которую мы видели в способах проведения демонстрации — основным инструментом митинга является молодежь, студенты. Чтобы регламентировать протесты, организаторы используют анкеты социально-политических исследований, которые утверждают, что большинство болгарских граждан поддерживает демонстрации. Основными кредиторами протестов является Фонд «Америка для Болгарии», «Чарльз Мотт» и «Доверие гражданского общества». Они финансируют проекты для «развития гражданского общества» в Болгарии. Деньги даются не только для протестов в столице, но для финансирования деятельности СМИ (Интернет, телеканалы). Например, чужие фонды предоставляют свыше 6 миллионов болгарских левов представителям протестов по улицам Софии.

ВЫВОДЫ

В условиях глобализации мир не стал более предсказуемым и стабильным, а наоборот, характеризуется хаосом и увеличением межгосударственных и внутригосударственных конфликтов. Цветные революции являются одним из катализаторов этого хаоса. В постсоветском пространстве или в странах Северной Африки они в корне изменили и изменяют картину международных отношений. Но, в конце концов, ничего нового в этом утверждении нет. Ранее и вполне аргументировано Николо Макиавели утверждал, что вооруженные конфликты и войны не представляют собой резкое отторжение от нормального человеческого поведения. На основе исторических статистик он подтверждает, что периоды мирного развития человечества намного короче чем периоды войны, независимо от того, введется ли она на боевой арене, на рынке или на

сегодняшний день с помощью Интернета и компьютеров. Очевидна роль Запада и особенно США в так называемых «цветных революциях». США являются и государством, которое играет роль «верховного арбитра» при разрешении проблем обществ, которые добровольно или нет — решили следовать путь к демократии.

Идея глобального распространения демократически-либеральных ценностей с помощью новых информационных и коммуникационных технологий способствует целенаправленному и тайному воздействию на сознание и мысли народов в регионах, где проводятся цветные революции. Сознательно или нет, быстро и легко изменяется историческая и культурная память, и воспринимаются новые ценности и нормы поведения. И, в конце концов, мир меняется...!

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Манойло, А., Карпович О., «Цветные революции — теория и практика демонтажа современных политических режимов», Юнити, 2015г.
2. Там же.
3. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics, Chapter 4 — Wielding Soft Power, URL: http://belfercenter.hks.harvard.edu/files/joe_nye_wielding_soft_power.pdf
1. «Как бяха изобретени цветните революции», URL: <http://glasove.com/komentari/30497-kak-byaha-izobreteni-tsvetnite-revolutsii>.
2. Денчев, С., Павлова, И., Анализ и управление на университетска информационна среда. Информационно поведение и култура. С., «За буквите-О писменехъ», 2010
3. Манойло А., Государственная информационная политика в особых условиях(монография);
4. См.: Там же.
5. Начев, Й., Стратегията на «управлявания хаос»: от цветни към корпоративни революции. Сп. Геополитика, 24.05.2015г.
6. Петева, И. Достъпност, прозрачност и сигурност в сервисно ориентиран библиотечни архитектури / И. Петева. — София : За буквите — О писменехъ, 2009. — 495 с.
7. Петева, И. Информираният гражданин: Публичност и сигурност на информацията / И. Петева. — София : За буквите — О писменехъ, 2008.-200 с.
8. Петева, И. Право на информация и информационна компетентност в съвременната социална среда / И. Петева. // Н а р ъ ч н и к по информационна компетентност [Съст. Иванка Павлова]. — София : WINI-1837, 2009. — с.21-26.
9. Павлова, И., Дигитални библиотеки и достъп до информационни ресурси: Защита на дигитални колекции. С. «За буквите — О писменехъ», 2007.

10. Цветна Революция — инструмент за геополитическа преориентация на бившите Съветски републики, URL: <https://alterinformation.wordpress.com/2013/11/27/948124814222/>.
11. Bērziņa, I., Color revolutions: Democratization, Hidden Influence or Warfare?, National Defense Academy of Latvia.
12. Buchanan, Patrick J., Is the U.S. Back in the Coup Business?, The American Conservative, USA, Washington D.C., March, 24 2015
13. Ignatius, D., NATO's new perils, The Washington Post, March, 24 2015
14. Machiavelli, N., The Prince, Constitution Society, Liberty Library, 1997
15. Mitchell, L., North Africa through the Lens of the Color Revolutions.
16. Nye J., Soft Power: The Means to Success in World Politics, Chapter 4 — Wielding Soft Power, URL:http://belfercenter.hks.harvard.edu/files/joe_nye_wielding_soft_power.pdf.
17. Peteva, I. Accessibility of public information — libraries dimensions / I. Peteva. // Information/ Documentation Management and Cooperation Among the Libraries in the Balkan Countries: International symposium. — Edirne, 2008. — p. 378-383.

МЯГКАЯ СИЛА

МОДЕЛИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» СЕТЕВЫХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА», АЛЬ-КАЙДЫ, ТАЛИБАНА И «БРАТЬЕВ-МУСУЛЬМАН»)

Манойло А.В.

*Член Научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации, профессор кафедры
российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова,*

доктор политических наук

Тел.: 8 926 777 0002

Эл.почта: cyberhurricane@yandex.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена сравнительному политологическому анализу моделей «мягкой силы» сетевых террористических организаций на примере запрещенных в Российской Федерации террористических организаций и группировок «Исламское государство», Аль-Кайда, Талибан и «Братья-мусульмане». Автор обращает внимание на идеологическую и пропагандистскую деятельность террористов из различных транснациональных организаций и группировок, использующих мягкую силу в целях сплочения экстремистов, вовлечения в террористическую деятельность новых adeptов и для ведения информационной войны со своими идеологическими противниками (как с правительствами различных стран, борющихся с международными терроризмом, так и со своими прямыми конкурентами из числа террористов и исламистов). При этом мягкая сила террористов не повторяет формы и методы мягкой силы США, известной нам по работам американских неолiberaлов (Дж. Ная, Р. Кохейна и др.), а имеет свою собственную модель, существующую в виде определенного набора версий, адаптированных под идеологию каждой конкретной международной террористической группировки. Своя модель мягкой силы есть у ИГ, у Талибана, у Аль-Кайды. У «Братьев-мусульман», и эти модели довольно сильно отличаются друг от друга даже в своей базовой основе.

Ключевые слова: мягкая сила, терроризм, Исламское государство, борьба с терроризмом, политика, безопасность.

A.V. Manoylo

*Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation, Professor of the Department of the
Russian politics faculty in M.V. Lomonosov Moscow State University, doctor of Political Sciences*

Phone: +7 926 777 0002

E-mail: cyberhurricane@yandex.ru

MODELS OF "SOFT POWER" OF THE NETWORK TERRORIST ORGANIZATIONS (ON EXAMPLES OF THE "ISLAMIC STATE", AL-QAIDA, THE TALIBAN AND "MUSLIM BROTHERHOOD")

Abstract: This article is devoted to a comparative political analysis of the "soft power" models of the terrorist network on an example of the forbidden in the Russian Federation terrorist organizations and groups "Islamic State", Al-Qaida, Taliban and "Muslim Brotherhood". The author draws attention to the ideological and propagandist activities of terrorists from various multinational organizations and groups, using soft power to unite extremists, involve new adherents in terrorist activities and carry out media war with their ideological opponents (as with the governments of different countries, fighting against international terrorism and with their direct competitors from terrorists and Islamists). This soft power of terrorists does not repeat the forms and methods of the USA soft power, known to us from the works of American neoliberals (J. Nye, R. Kohane etc.), but has its own model, existing in the form of a specific set of versions, each adapted to the ideology of the particular international terrorist group. ISIS, the Taliban, al-Qaida and the "Muslim Brotherhood" all have its model of soft power and these models are quite different from each other, even in its basis.

Key words: soft power, terrorism, Islamic state, terrorism, politics, security.

Одним из основных факторов, придающих, наряду с контрабандой нефти

и культурных ценностей, устойчивости существованию таких террористических

группировок как «Исламское государство» (ИГ), Аль-Кайда (действующая в Сирии под названием Джабхат-ан-Нусра), «Братья-мусульмане» и Талибан — это их собственная система идеологии и пропаганды, которую в последнее время все чаще называют «мягкой силой» исламистов. Благодаря отлично выстроенной идеологической, агитационной и пропагандистской работе вербовщики ИГ, Талибана, Аль-Кайды вовлекают в свою деятельность молодежь (не только мусульманскую, но и новообращенных из числа христиан), восполняют боевые потери в живой силе, нанимают специалистов в области ведения информационных войн и киберразведки, экономики, нефтедобычи и освоения недр, государственного администрирования и местного самоуправления. Именно благодаря собственной модели, формату «мягкой силы» исламисты из ИГ, Аль-Кайды и других группировок могут годами вести вооруженную открытую или диверсионно-партизанскую войну против всего западного мира, ежедневно восполняя свои ресурсы за счет помощи разделяющих их взгляды и политическую позицию политических партий, движений, общественных объединений, диаспор, легально действующих по всему миру. Особенно этим отличаются «Братья-мусульмане», которые активно вовлекают в свои ряды высокообразованную интеллигенцию, университетских профессоров, ведущих ученых, аналитиков, представителей национальных политических элит, используя их в качестве агентов и каналов распространения мягкой силы, а также для разработки новых моделей идеологического, ценностного, пропагандистского воздействия на индивидуальное и массовое сознание граждан в различных странах мира.

Мягкой силой идеологическое воздействие исламистов можно назвать потому, что значительную часть молодых членов этих группировок привело к джихади-

стам увлечение их мировоззренческими установками, ценностями, взглядами на мир и на наиболее острые его проблемы (среди которых самыми серьезными являются проблемы социально-политического неравенства, нищеты, отсутствие социальных лифтов), а также уверенность этих группировок в собственных силах и способности эти проблемы решить. В идеологии всех группировок — и Талибана, и Аль-Кайды, и ИГ, и «Братьев-Мусульман», сильно замешанной на ислаимизме и исламском модернизме, активно используются такие понятия как социальная справедливость, равенство, отсутствие сословных, родовых, племенных различий, братство, взаимопомощь и взаимная поддержка в любом деле (то есть коллективизм). Если Аль-Кайда и Талибан терпимо относятся к социальному неравенству, ИГ активно выступает за устранение социального неравенства в принципе и обеспечение каждому своему стороннику равенства возможностей, при условии, что он будет полностью следовать образу жизни, специальным нормам и канонам, установленным в ИГ.

Значительную роль в притяжении мягкой силы того же ИГ играет построенное исламистами на захваченных у Сирии и Ирака территориях особое социальное сообщество, в котором принципы социальной справедливости — в том виде, в котором их понимают идеологи ИГ — наряду с канонами ислама салафитского толка, являются одним из главных регуляторов общественных отношений. Молодым людям, завербованным игиловскими агитаторами, внушается, что они будут жить пусть в жестком, но справедливом мире, где справедливость одна и для богатых, и для бедных, и для полевых командиров, и для рядовых моджахедов, и этого оказывается для многих достаточным для того, чтобы покинуть родной дом и отправиться воевать на стороне ИГ в Ливию, Сирию или Ирак.

Многолетняя практика борьбы с идеологической работой экстремистов показывает, что призыв к абсолютной справедливости, равенству и братству несколько не утратил своей притягательности: в ИГ идут не только молодые люди из низших, беднейших слоев общества, где с момента рождения у них не было и никогда не будет никаких жизненных перспектив, но и дети богатых родителей, которые на волне эмоционального порыва, поддерживаемого на должном уровне, мягкой силой исламистов, отдают все свое имущество (деньги, недвижимость, дорогие машины, ценные бумаги и т.д.) в собственность ИГ и становятся такими же нищими, как и моджахеды, пришедшие в ИГ из дальних аулов. Этот феномен никто из политологов не может толком объяснить, потому что его природа лежит в особом роде притягательности самой мягкой силы. У исламистов ИГ мягкая сила, безусловно, есть.

Своя модель мягкой силы есть у каждой из перечисленных выше террористических организаций: ИГ, Аль-Кайды, Талибана, «Братьев-мусульман». Основой для всех этих моделей выступает радикальный исламизм, как правило, салафитского толка. Однако, помимо исламизма, в этих моделях присутствуют совершенно различные принципы и механизмы воздействия на индивидуальное и массовое сознание: у каждой модели есть свои индивидуальные особенности и различия, определяемые, с одной стороны, конкретными целями и задачами каждой из террористических организаций, с другой, — кадрами, отвечающими за идеологию и пропаганду.

ИГ строит свою идеологическую работу на пропаганде достоинств «нового свободного и справедливого общества» — всемирного исламского халифата, который они строят на захваченных землях Сирии и Ирака. Стержневым концептом их идеологии и мягкой силы является принцип справедливости, за-

щитником которого они выступают (по их собственному мнению, разумеется). ИГ выступает за общество равных возможностей, устранение любых сословных барьеров и за примат принципа справедливости в любой сфере общественных отношений. Их идеологические призывы, после удаления налета исламизма, выглядят вполне по-светски и несут в себе послы, понятные даже безграмотному крестьянину или скотоводу: «землю — крестьянам!», «фабрики — рабочим!», «воду — матросам!», «капиталистов — на вилы» и т.д. Эти лозунги по своему содержанию практически ничем не отличаются от лозунгов большевиков, троцкистов. Не случайно ИГ называют «необольшевиками», отмечают революционный характер их идеологии и самой организации и пытаются (особенно в Турции и странах Персидского залива) выдать террористическую деятельность ИГ за «великую суннитскую революцию», «суннитское освободительное восстание». Такой характер идеологии ИГ, вероятно, связан с тем, что ее разрабатывали не джихадисты и радикальные суннитские проповедники: при образовании в 2006 году ИГ (на базе иракской ячейки Аль-Кайды, при координирующем участии ЦРУ) в его состав влилось двенадцать суннитских группировок, воевавших против оккупировавших страну войск США и НАТО, которые состояли из бывших солдат и офицеров армии С. Хусейна и бывших чиновников партии БААС. Вероятнее всего, именно они разработали для ИГ псевдореволюционную идеологию, довольно много взявшую у идеологии БААС, арабского возрождения и панарабизма. Здесь, кстати, прослеживается и советская школа идеологической работы: пропагандисты ИГ часто говорят о том, что в борьбе за справедливо устроенный мир они сменили распавшийся Советский Союз, который до своей кончины твердо удерживал знамя борьбы за справедливость, равенство,

братство. Однако, в 1991 году СССР не стало, российская Федерация оказалась занята своими проблемами — ей стало не до борьбы за справедливое мироустройство, а затем и вообще пошла по пути капитализма; в результате, по словам игиловцев, в мире просто обязан был возникнуть преемник СССР, и этим приемником стал ИГ. В этих умозаключениях лидеров ИГ прослеживается связь с образом Советского Союза. Это неслучайно: многие чиновники администрации С. Хусейна, также как и военные, получили образование именно в Советском Союзе.

Довольно сложная мозаичная картина возникает, когда пытаешься разобраться с идеологией и мягкой силой Талибана. Идеология Талибана сегодня неоднородна — она напоминает «слоеный пирог», состоящий из трех слоев, или уровней. Причем каждому из этих уровней соответствуют свои идеологические основания и своя идеологическая концепция. Связано это даже не с тем, что пакистанские талибы отличаются от талибов афганских, и не с тем, что основу боевых формирований Талибана — движения, не являющегося национальным, например, пуштунским, — составляют именно пуштуны, пакистанские и афганские, представленные сотней различных племен; а с тем, что движение Талибан сегодня переживает поколенческий кризис, в нем явно присутствует три различных поколения лидеров, и эти поколения придерживаются разных ценностей и взглядов на мир. Это порождает кризис, который сказывается на всех сферах деятельности Талибана, в том числе и на сфере идеологии. Поэтому идеология и мягкая сила талибов «многослойна».

Первое, самое старшее поколение талибов представлено полевыми командирами моджахедов, которые воевали еще с Советским Союзом, а затем и с Северным Альянсом. Это такие фигуры как мулла Омар (мулла Умар), сообщения о предположительной гибели которого

появились два-три года назад. Эти лидеры в годы молодости были настроены непримиримо по отношению к своим противникам, как «иностранным захватчикам», так и оппонентам внутри страны, сегодня все они уже пожилые люди и они понимают, что вся жизнь их прошла в боях и походах, а возможности насладиться богатством и высоким положением у них, по сути, и не было. В силу этих причин (желания встретить старость в покое и комфорте) они теперь настроены достаточно миролюбиво и примирительно и сдерживают энтузиазм более молодого поколения полевых командиров, стремящихся продолжать войну против «крестоносцев» и их пособников. Эти фигуры все еще обладают властью, но вызывают острое недовольство молодого поколения моджахедов, среди которых стремительно наблюдается популярность джихадизм, наподобие того, который проповедают агитаторы ИГ.

Второе поколение талибов состоит из полевых командиров, примкнувших к движению Талибан во время его борьбы с Северным Альянсом, но еще задолго до начала вторжения США и НАТО в Афганистан. Основной идеологией этого поколения полевых командиров и боевиков является патриотизм: они видят цель и смысл жизни в борьбе с иноземными захватчиками и считают, что война закончится, если последний иноземный солдат покинет землю Афганистана или будет уничтожен. Для них самое главное в войне — это защита национальных интересов Афганистана; это — национально ориентированные деятели, они находятся в непримиримой вражде с джихадистами из ИГ и других подобного рода группировок, для которых национальные интересы, суверенитет и границы любого государства — ничто, а всемирный джихад — единственная цель своего существования. Идеология и мягкая сила этой категории талибов носит ярко выраженный национально-государственный характер.

Третье поколение талибов — это молодые боевики, родившиеся и выросшие в условиях перманентной войны всех против всех в Афганистане и примкнувшие к движению Талибан уже после начала борьбы с KFOR. Это, в основном, убежденные джихадисты, симпатизирующие ИГ и видящие именно в ИГ пример организации истинного исламистского государства. Их идеология и ценности ничем не отличаются от идеологии ИГ. Они готовы признать верховенство ИГ, но этому препятствуют полевые командиры более старшего поколения — те, кто стоят на национально-государственных и национально-патриотических позициях и для кого война всегда была и остается внутренним делом самого Афганистана. Для молодежи талибов, зараженных вирусом джихадизма, представители старшего поколения командиров Талибана — явная и досадная помеха, которую следует устранить в интересах «великой суннитской революции», ведущейся арабскими «братьями» из ИГ.

Эти поколенческие особенности современного кадрового состава Талибана и определяют общий характер их идеологии и мягкой силы: в идеологии талибов ярко выражены точки зрения всех трех поколений, которые даже в рамках одного движения не могут не конфликтовать между собой.

Для практической реализации своей модели мягкой силы и идеологического воздействия Талибан, также как и ИГ, имеет отличный штат агитаторов и пропагандистов: талибы проводят очень сложные информационно-психологические операции, как в публичной сфере, так и в виртуальном интернет-пространстве — блогосфере и социальных сетях. При этом их идеологические кампании нацелены, как правило, на население своих «домашних регионов» — Афганистан и Пакистан, внешне воздействие на население тех стран, где у талибов нет своих интересов, и уж тем более — на международное общественное мнение — их не

интересует. Но на уровне местной прессы — телевидения, печатных и электронных изданий, радио — пропагандистская работа у талибов налажена очень хорошо: вещание ведется на большинстве местных и ряде иностранных языков и диалектов. В удаленные поселения регулярно доставляются газеты, брошюры, иные пропагандистские материалы и т.д. Это обеспечивает талибам постоянный приток в их ряды новых поколений молодежи.

Иным образом обстоит дело с идеологией и мягкой силой Аль-Кайды. В отличие от Талибана и ИГ (хотя ИГ и состоит из вилайетов, но ядро у него все равно в Сирии и Ираке), Аль-Кайда — террористическая организация, построенная по сетевому принципу и состоящая из отдельных, автономно функционирующих террористических ячеек, обладающих высокой степенью свободы в выборе стратегии, тактики, целей, мишеней и форм осуществления террористических атак. На Аравийском полуострове действует АКАП — Аль-Кайда на Аравийском полуострове — ее боевое крыло контролирует довольно большой участок территории (с несколькими крупными населенными пунктами) в Йемене. Боевики этой ячейки Аль-Кайды, вытесненные саудовцами в Йемен из-за угроз организовать в Саудовской Аравии государственный переворот, ведут бои с шиитами-зейдитами («хуситами») и, фактически, содействуют, таким образом, Саудовской Аравии в решении ее военных задач в Йемене: так, «во время посещения города Таиз корреспондент ВВС увидел, как вооруженные силы саудитов [саудовцев — АМ] вели бой с хуситами совместно с боевиками «Аль-Кайды»¹.

В Магрибе и в большей части так называемой французской Африки действует ячейка «Аль-Кайда в Магрибе» — на ее счету теракты в столице Мали, в Ливии, в Алжире, планирование террористических атак в Европе. С деятельностью ячейки Аль-Кайды в Магрибе

некоторые политики связывают организацию террористической атаки на Париж в ночь с 13 на 14 ноября 2015 года: в частности, именно такое заявление спустя несколько часов после трагедии сделал Президент США Б. Обама. Официальная версия произошедшего, которую придерживаются французские власти, возлагает ответственность за террористические акты в Париже на ИГ, что подтверждается официальными заявлениями лидеров ИГ по этому поводу. Между тем, сразу после террористических актов в Париже высказывалась версия о том, что атака — это месть туарегов за то, что во время конфликта в Мали французы безжалостно бомбили их города.

В Сирии Аль-Кайда действует под названием группировка Джабхат ан-Нусра — это ее боевое крыло. В Ираке местная ячейка Аль-Кайды в 2006 году после слияния с еще двенадцатью радикальными группировками стала называться «Исламское государство Ирака» (теперь это ИГ). Сильные ячейки Аль-Кайды действуют в Афганистане и Пакистане, а также в Иордании, где после гибели Усамы бен-Ладена оказалось все высшее руководство Аль-Кайды (по национальности в основном это иорданцы). Свои ячейки Аль-Кайды существуют в европейских странах, Великобритании, Франции, Германии, Бельгии, и не только. Все они действуют автономно, обладают высокой степенью самостоятельности, в том числе и в плане выработки собственных моделей и концепций идеологии и мягкой силы.

Идеология Аль-Кайды, возникшая и сформировавшаяся еще во время войны с СССР в Афганистане, базируется на двух основных тезисах: 1) борьбы против неверных и иноземных захватчиков, которых они называют «крестоносцами», и 2) игнорирования государственных границ и иных формальных разделительных барьеров, определяющих современное мироустройство, в котором основными акторами международных

отношений являются национальные государства. Аль-Кайда по своей природе и форме организации является транснациональной разведывательно-диверсионной и террористической сетью — это своеобразная транснациональная корпорация, цель которой — не извлечение и максимизация прибыли, а политическая трансформация мира; именно поэтому в основе идеологии Аль-Кайды лежат их собственные корпоративные ценности, обеспечивающие корпоративную сплоченность всех участников этой сети не независимо от географической удаленности ячеек и управляющего центра; и только потом уже на второй план выходят идеологемы панисламизма, джихадизма, борьбы с наступлением христианского мира — с теми самыми «крестоносцами»: Россией, США и ЕС. Все это формирует общий каркас, общую конструкцию модели мягкой силы Аль-Кайды, основанную на отрицании современного миропорядка с национальными государствами и национальными границами и на признании верховенства новых форм квазигосударственных образований — глобальных политических (экстремистских, исламистских, террористических) сетей. Этот каркас региональные ячейки Аль-Кайды заполняют собственными смыслами и собственным содержанием, включая туда те послы, которые лучше всего воспринимаются населением каждого конкретного региона. Именно поэтому мягкая сила Аль-Кайды носит, с одной стороны, мозаичный характер и обладает ярко выраженной региональной спецификой, с другой, — она всегда точно настроена на надежды и чаяния населения своего региона и поэтому обладает большим проникающим, убеждающим и стимулирующим действием.

Наиболее тонко в плане построения информационной и пропагандистской работы действуют «Братья-мусульмане» — террористическая группировка, которую многие политики и эксперты

почему-то любят называть «мягкими исламистами» — безо всяких оснований, лишь на основании того, что в тех ситуациях, в которых террористы ИГ и Аль-Кайды предпочитают идти напролом, «братья-мусульмане» предпочитают подкупать местные элиты и делать то же самое, но чужими руками. Отчасти, возможно, это связано с остаточным стрессом, который многие европейские (и не только европейские) политики испытали, когда в Египте в результате законных выборов, отвечающих всем демократическим требованиям, на пост президента страны был избран лидер египетской ячейки «Братьев-мусульман» М. Мурси. В результате многие политические деятели в течение трех лет пребывали в состоянии когнитивного диссонанса: они были вынуждены пожимать руку террористу, который неожиданно для всех стал легитимным президентом Египта. Хотя, по идее, должны были его немедленно арестовать или уничтожить в ходе задержания.

В своей модели мягкой силы «Братья-мусульмане», являясь такой же географически распределенной сетевой террористической организацией, как и Аль-Кайда, опираются на собственные корпоративные ценности, важнейшим из которых, после императива «единства всех истинно верующих мусульман», является опора на высокий уровень интеллекта и образования в среде своего руководства, на выработку управленческих решений с использованием ресурсов собственных «фабрик мысли», в которые они привлекают интеллигенцию со всего мусульманского мира. «Братья-мусульмане» действуют через сочувствующих им представителей политических, научных, финансовых элит; их идеология формирует мотивационные потребности у элит и среднего класса, то есть у тех самых слоев населения, представители которых держат в своих руках реальные рычаги управления теми или иными странами. Поэтому среди руко-

водителей ячеек «Братьев-мусульман» много университетских профессоров и «рафинированной» интеллигенции. Довольно часть «Братья-мусульмане» выделяют из политической среды различных стран наиболее перспективных и талантливых начинающих политиков и делают их своими агентами. Примером такого продвижения может являться М. Мурси, бывший университетским профессором, или нынешний президент Турции Р. Эрдоган, бывший в молодости членом радикальной группировки «Серые волки».

В отличие от других подобного рода организаций «Братья-мусульмане» имеют собственную внешнеполитическую концепцию, в которую встроены и существующие сегодня национальные государства, и международные организации. В этой концепции ведущая роль отводится форме участия «Братьев-мусульман» в формировании мировой повестки и в решении международных проблем, с которыми «Братья-мусульмане» планируют бороться, создавая под своей эгидой собственные «волевые коалиции». Так, известна ближневосточная инициатива М. Мурси (в бытность его президентом Египта) о создании так называемого «Исламского квартета» для урегулирования Сирийского кризиса; М. Мурси призвал наиболее влиятельные страны региона — Саудовскую Аравию, Турцию, Иран — сформировать военнополитический блок для силового пресечения гражданской войны в Сирии². Такого рода концепций (по масштабу и качеству проработки) нет ни у ИГ, ни у Аль-Кайды, ни у Талибана. Главная идеологическая цель ИГ — формирование квазигосударственного образования «всемирный исламский халифат», копирующий мусульманские автократии средневековья и живущий по средневековым канонам; эта идея — действенная, но совершенно не современная, не ведущая к созданию нового современного государства, способного конкурировать

с уже существующими национальными государствами, а, следовательно, недолговечного. Национально-государственная доктрина талибов сводится к простой формуле «страна без крестоносцев» и не предусматривает какое-либо изменение государственных границ Афганистана, только смену формы правления и существующего в стране на данный момент политического режима. Аль-Кайда отрицает значение границ и суверенитет национальных государств, утверждая, что ее террористическая сеть по определению является экстерриториальной и не признает демаркационные и разграничительные линии, проведенные «крестоносцами» для определения территориальных границ наций-государств.

Именно с такими моделями мягкой силы различных террористических организаций приходится бороться Российской Федерации на различных фронтах, как виртуальных, так и вполне реальных, таких как война в Сирии. При этом в контридеологической борьбе против исламистских группировок, таких как ИГ и Аль-Кайда, Россия использует собственную модель мягкой силы, основанной на твердой решимости отстаивать законные права народов самим выбирать свою судьбу и тех лидеров, которые будут управлять государством; в этом плане российская мягкая сила также основана на понятии справедливости, но справедливости, принципиальным образом отличающейся от того, что понимают под ней исламисты, «приватизировавшие» общее достояние — справедливость — и сделавшие ее доступной только для ограниченного круга «своих». Когда сирийские граждане в благодарность за мир и свободу, которые им принесли российские военные, называют своих детей русскими именами или дают им такие имена как «Россия», «Армия», когда сирийские солдаты ходят с футболками с изображением нашего летчика, геройски погибшего, защищая

сирийский народ, это — российская мягкая сила.

К сожалению, приходится признать, что вооруженный конфликт в Сирии будет продолжаться еще очень долго. Резолюция Совета безопасности ООН № 2254 (2015) о ситуации в Сирийской арабской республике содержит подробный, пошаговый план урегулирования вооруженного конфликта между режимом Асада и оппозицией (гарантами исполнения этого плана выступают США и Россия, внесшие проект этой резолюции на голосование в Совет Безопасности), но нет твердой уверенности в том, что он будет выполнен всеми участниками конфликта, в том числе самими Соединенными Штатами и их союзниками, Турцией, Саудовской Аравией, Катаром, имеющими влияние на вооруженную оппозицию. Критикуя действия РФ в Сирии, США и их союзники пытаются не допустить создания в регионе коалиции под руководством Москвы. Делается это потому, что такая коалиция способна создать новую архитектуру связей во всем арабском мире³.

В октябре 2015 года Саудовская Аравия и Турция присоединились к адресованным России призывам США прекратить авиаудары по позициям «умеренной оппозиции» в Сирии. Между тем, ни США, ни их союзники в регионе пока не смогли объяснить, где именно находится эта «умеренная оппозиция» и как ее отличить от террористических структур. Финансируемые США и их союзниками антиправительственные формирования в Сирии давно смешались с чисто террористическими структурами — такими как запрещенная в России организация «Исламское государство» и «Джабхат ан-Нусра». Это всем хорошо известно, и разговоры об «умеренной оппозиции» — лишь политический ход. Главная цель этого хода — спасти от разгрома хотя бы часть террористических по сути структур, в которые в прошлом были вложены немалые средства.

США и их союзники — Турция и многие из арабских монархий Персидского залива — долгое время формировали и выкармливали эту так называемую «опозицию». Тратили деньги на приобретение оружия, на обучение новейшим методам ведения войны. То есть, это очень серьезный и дорогостоящий проект. И тут неожиданно Россия делает «ход конем» и начинает наносить удары по этому бизнес-проекту. К нынешнему моменту в этом проекте уже невозможно отличить «умеренных» оппозиционеров от «неумеренных». Например, к «умеренным» США относят «Джабхат ан-Нусра», а между тем это организация, которая считает себя преемницей сирийской ячейки «Аль-Кайды». Головы они режут точно так же, как «Исламское государство», а может быть, еще более интенсивно. Потому что многие выложенные в сети ролики, которые специалисты относят к деятельности ИГ, на самом деле фиксируют казни, осуществленные боевиками «Джабхат ан-Нусра». Они нисколько не менее опасны, они отнюдь не «умеренные», просто они менее известны, чем разрекламированное «Исламское государство».

Обвиняя Россию в атаках на «умеренные» группировки, США и их союзники начали долгосрочную комбинацию, цель которой — сохранить американский контроль над регионом. Пока американцы имитировали борьбу с ИГ, Россия предприняла попытку организовать реально действующую международную антитеррористическую коалицию. И многие арабские страны пошли на сближение с Россией в этом вопросе. После этого США и их союзники испугались, что Россия сформирует под своим контрольным управлением некий интернациональный фронт. Который сначала разберется с марионеточными исламистскими группировками, которые вооружали и обучали американцы и страны Залива. А затем этот фронт будет выстраивать новую архитектуру между-

народных отношений во всем арабском мире. Выступая в защиту вроде бы полезных им сегодня террористических структур, страны региона совершают ошибку. Ведь, в отличие от США, они находятся в зоне прямой досягаемости боевиков.

Вся сложность сирийской ситуации заключается в том, что в сирийский конфликт оказались вовлечены влиятельные мировые державы (США, Россия, ЕС, а также региональные лидеры), жизненно важные интересы которых в этом регионе существенным образом расходятся. Так, для России главное — скорейшая победа над международным терроризмом, уничтожение ДАИШ, Джабхат ан-Нусры и других террористических группировок и восстановление мира для сирийского народа, возможность мирно жить, растить детей, свободно голосовать за будущее страны. Для США уничтожение ДАИШ — не приоритет; для них важнее сначала убрать Башара Асада с помощью ДАИШ и прочей «опозиции», а затем заставить разбираться с террористами своих европейских союзников. То есть, стратегическая цель США — направить Сирию по ливийскому пути, сделать так, чтобы Асад повторил судьбу Каддафи. Россия со своей успешной военной операцией в Сирии (осуществляемой совместно с сирийской правительственной армией), очевидно, этому мешает. Турция, долгое время зарабатывавшая огромные деньги на перепродаже нефти, добываемой на территории, контролируемой Исламским государством и Джабхат ан-Нусрой (сирийской ячейкой Аль-Кайды), не заинтересована в том, чтобы ее бизнес-партнеры, заблокированные сегодня в Алеппо и отрезанные сирийской армией и курдами от путей снабжения (оружием и боевиками, перебрасывавшимися с территории Турции), были уничтожены. Те же мотивы у Катара, который долгое время снабжал и финансировал Джабхат ан-Нусру, а также у Саудовской

Аравии, на балансе которой содержится Джейш-аль-Ислам: все эти экстремистские группировки — это их бизнес-проекты, в которые вложены огромные деньги, которые будут потеряны в том случае, если российская и сирийская армия все же, несмотря на давление Запада, уничтожат террористов. Вот почему и США, и монархии Персидского залива будут стараться не столько уничтожить террористов, сколько сохранить их боевое ядро (кадровый состав), вытеснив их в Иорданию или открыв им «коридор» для выхода с территории Сирии — например, в Йемен. Там боевики отдохнут, заново отмобилизуются и снова будут готовы вести войну против Асада или любого его законного преемника.

После принятия Советом Безопасности ООН резолюции по Сирии участь боевых отрядов Исламского государства и Джебхат ан-Нусры в Сирии решена: они обречены на истребление. Если сирийская и российская армии уничтожат группировку террористов в Алеппо, а США и их союзники развернут наступление на Эр-Ракку и возьмут ее, Сирия будет очищена от террористов. При согласованном действии России и США это может произойти уже в ближайшие месяцы. Тогда на определенное время в Сирии, возможно, установится мир. Согласно плану мирного урегулирования, все группировки сирийской оппозиции, состоящие из сирийских граждан

(не иностранных наемников, не джихадистов) и не замеченные в тесных связях с Исламским государством, «сбривают бороды» и превращаются в «умеренную оппозицию», с которой можно вести переговоры за одним столом. Именно эти люди — бывшие боевики — пойдут на выборы президента Сирии, предусмотренных планом мирного урегулирования, изложенного в Резолюции СБ ООН №2254. Но суть их оттого, что они себя назвали «умеренной оппозицией», очевидно, не изменится. В результате Сирия может оказаться перед угрозой полноценной цветной революции, которая будет разворачиваться по классическому сценарию: если на выборах Асад получит большинство голосов (а так и будет, поскольку население освобожденных от Исламского государства территорий единогласно проголосует за Асада), «умеренная оппозиция» оспорит результаты выборов, заявит об их непризнании, откопает спрятанное оружие и цветная революция очень быстро перерастет в вооруженный мятеж. Затем — гражданская война, линия фронта, удерживаемая сирийской армией против террористического интернационала джихадистов со всего мира — то есть, то же, что и сейчас происходит в Сирии. Правда, есть надежда на то, что эти планы врагов сирийского народа снова сорвет Россия. В очередной раз, своим излюбленным непостижимым образом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 ВВС: Коалиция во главе с Саудовской Аравией воюет в Йемене на стороне «Аль-Каиды». [Электронный документ] / Политика. 2016, 23 фев. URL: <http://novosti-dny.ru/novosti-dnya/politika/43730-vvs-koaliciya-voglave-ssaudovskoy-araviey-voyuet-vyemene-nastorone-al-kaidy-politika.html> (Дата обращения 04.03.2016)
- 2 Мурси предложил создать «мусульманский квартет». [Электронный документ] / Исламский мир. URL: <http://islamtv.ru/news-2076.html> (Дата обращения 04.03.2016)
- 3 РИА новости http://ria.ru/radio_brief/20151007/1298159965.html#ixzz3o4rBw9Zf

БЕЗОПАСНОСТЬ

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕЙ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Шереметьев Д.В.

*Доцент кафедры «Управление, сервис и туризм» Института международных
социально-гуманитарных связей*

Эл. почта: foto-lain@rambler.ru

Аннотация: В последние пятнадцать лет Европейский Союз активно формирует свою оборонную политику и сопутствующую ей военную составляющую, тесно увязанную с НАТО. На этом фоне, с началом перехода Евросоюза к качественно новому этапу отношений с российским «ближним зарубежьем», усилилось геополитическое соперничество между Россией и ЕС. Это привело к окончательному превращению «ближнего зарубежья» в арену жесткой международной конкуренции, что наглядно проявляется на примере украинского кризиса. Таким образом, анализ развития ситуации в сфере европейской политики безопасности и обороны приобретает особый смысл в условиях концептуального и практического развития российской стратегии евразийской интеграции. В данной статье рассматривается группа вопросов, связанных с концептуальным формированием европейской политики безопасности и обороны, акцентируется внимание на комплексе проблем, возникших в процессе формирования европейской Общей политики безопасности и обороны. Особое внимание уделяется рассмотрению аспектов, связанных с взаимодействием ЕС и США, ЕС и НАТО в вопросах оборонной политики, а также отношений с Россией.

Ключевые слова: Европейский союз, ситуация, оборона, безопасность, интеграция, Лиссабонский договор, эскалация, саммит, Берлин-плюс, Восточное партнёрство, операция.

Sheremetyev D.V.

Associate Professor of "Management, service and tourism" department of the Institute of International social and humanitarian relations

E-mail: foto-lain@rambler.ru

FEATURES OF FORMATION OF THE COMMON SECURITY AND DEFENSE POLICY OF THE EUROPEAN UNION AT PRESENT

Abstract: In the last fifteen years the European Union actively builds its defense policy and its accompanying military dimension, closely related with NATO. On this background, with the start of the transition of the EU to a qualitatively new stage of relations with the Russian "near abroad", the geopolitical competition between Russia and the EU has deepened. This led to the final transformation of the "near abroad" into the arena of fierce international competition, what is clearly obvious by the example of the Ukrainian crisis. Thus, the analysis of the situation in the area of European security and defense policy gets special significance in terms of the conceptual and practical development of Russia's strategy of Eurasian integration. This article describes a group of issues related to the conceptual formation of the European security and defense policy, the focus is on a set of problems, arising during the formation process of the European Common Security and Defense Policy. The special attention is paid to the aspects, related to the interaction of the EU and the USA, the EU and NATO in issues of defense policy and relations with Russia.

Key words: The European Union, situation, defense, security, integration, Treaty of Lisbon, escalation, summit, Berlin Plus, Eastern Partnership, operation.

Европейский союз — это исторически уникальное объединение национальных государств, в рамках которого они до-

бровольно пожертвовали значительной частью своих внутривнутриполитических суверенитетов в пользу наднационально-

го уровня. Основы ЕС формировались в конкретной ситуации после окончания Второй мировой войны. Архитекторы европейской интеграции, французские политические деятели Жан Моннэ (1888 — 1979 гг.) и Роббер Шуман (1886 — 1963 гг.), изначально сделали акцент на двух идеях, обосновывающих необходимость интеграции: желание сделать все возможное, дабы предотвратить угрозу новой мировой войны и создать соответствующую мирную инфраструктуру; а также поставить под международный контроль потенциально значимую мощь Германии.¹

Отцы-основатели европейской интеграции прекрасно понимали, что объединение европейских государств начнется прежде всего в сфере экономики и социальных отношений. Но не стоит забывать, что и Ж.Моннэ, и Р.Шуман разделяли федералистскую идею, поэтому изначально понимали, что социально-экономическая интеграция неминуемо повлечет за собой и создание политической наднациональной инфраструктуры. Время показало правильность данной логики: современный Европейский Союз является единственным интеграционным объединением в мире, участники которого достигли конечной стадии создания валютного и политического союза, который де-юре соответствует форме федеративного государства.² Последнее подразумевает проведение согласованной политики в области обороны и безопасности.

Рассматривая современный ЕС в качестве эталонной интеграционной модели, все же стоит отметить, что в процессе его создания вопросы, связанные с объединением усилий государств в области внешней и оборонной политики, никогда не стояли на первом плане. Военную консолидацию Европы на долгий период обеспечило НАТО, в котором правила игры задавали американцы. Завершение «холодной войны» с её огромным потенциалом на развязывание вооруженных

конфликтов и других форм противостояния совершенно по-новому в 1990-е годы поставило перед развивающимся Европейским Союзом вопросы, связанные с формированием консолидированной политики в области безопасности и обороны: «Европа — это экономический гигант, политический карлик и, что еще хуже, просто червяк до тех пор, пока она не займется формированием оборонного потенциала».³ Данное весьма популярное в начале 1990-х годов высказывание бельгийского политика М. Эйскенса стало лейтмотивом Маастрихтского ЕС в создании своей второй, военно-политической «опоры».

Период 1990-х годов стал веховым в истории Европейского сообщества, трансформировавшегося после Маастрихтского договора в Европейский союз. Именно Договор о Европейском союзе определял Общую внешнюю политику и политику безопасности в качестве второго столпа («опоры») европейской интеграции. Стартовав в Маастрихте в 1992 году, пройдя долгий путь юридической и концептуальной шлифовки в Петтерсберге, Амстердаме и Ницце, европейская политика безопасности и обороны все же очень долгое время оставалась своего рода «бумажным проектом», хотя отдельные миротворческие миссии ЕС имели место быть в 1990-е годы.

Подлинным рождением европейской оборонной системы следует считать Декларацию Сен-Мало, которая была принята в ходе франко-британского саммита в г. Сен — Мало (побережье Нормандии, Франция), проходившего 4-5 декабря 1998 года. В этом документе содержался призыв к лидерам государств-членов ЕС создать собственную военную организацию. Именно начиная с Сен — Мало европейская политика безопасности и обороны начала свое отмежевание от европейской общей внешней политики (ОВПБО): с начала 2000-х годов в европейских документах прочно прописалась

аббревиатура ЕПБО (Европейская политика безопасности и обороны), окончательно ставшая ОПБО (Общая политика безопасности и обороны) в 2009 г. после ратификации Лиссабонского договора. На протяжении последующего периода, начавшегося с Сен-Мало и вплоть до ратификации Лиссабонского договора, европейская политика обороны и безопасности начала конкретизироваться и приобретать черты отдельной военной системы. Во-первых, на рубеже 1990-х — 2000-х годов был принят основополагающий принцип, значение которого становится понятно только сегодня в свете продвижения восточноевропейского направления Европейской политики соседства: в посткризисных (миротворческих) операциях ЕС могут участвовать как члены НАТО, так и нейтральные, не присоединившиеся государства, а также союзники и партнеры, *не являющиеся* членами Евросоюза. Во-вторых, было предусмотрено определенное сращивание военных и гражданских миссий при планировании подобного рода операций («смешанные военно-гражданские операции»). Как следствие — к началу XXI в. в нормативно-правовую базу ЕС прочно вошел термин «посткризисное регулирование», которое на уровне концепта не исключает в зависимости от ситуации проведение жестких силовых акций руками европейских стран, что наиболее наглядно проявилось в рамках ливийских событий 2012 года. В-третьих, была поставлена вполне осязаемая практическая задача: к 2003 году Евросоюз должен быть способным в течение 60 дней развернуть и поддерживать как минимум на протяжении одного года до 15 военных бригад общей численностью до 60 тыс. человек. В-четвертых, были конкретизированы тактические задачи военного свойства, которые ставятся не перед гражданскими, а военными силами (армией).

Лиссабонский договор, ратифицированный в 2009 году, окончательно кон-

ституировал ключевые принципы европейской Общей политики безопасности и обороны (ОПБО). Положения Лиссабонского договора, касающиеся ОПБО, прошли достаточно долгий период подготовки, предшествующий его подписанию. Отправной точкой всех положений документа, касающихся ОПБО, можно считать идею о том, что Европейский Союз неизбежно является *глобальным* действующим лицом современной международной системы. Лиссабонский договор окончательно отделил политику безопасности и обороны от внешней политики Евросоюза, чему предшествовала масштабная структурная перестройка отдельных европейских институтов. Лиссабонский договор окончательно закрепил расширенную трактовку «петербургских задач». Отныне они включили в себя: совместные операции по разоружению; гуманитарные и спасательные операции; предоставление военных советников и помощи кризисным регионам; предотвращение конфликтов и установление мира; применение вооруженных сил в регулировании кризисов; включая постконфликтное регулирование. Все перечисленные задачи, как ясно из контекста, очень часто обуславливаются «борьбой с терроризмом». Лиссабонский договор создал правовое поле, в рамках которого стало возможно включать в процесс реализации ОПБО не только стран-членов ЕС, но и стран — партнеров ЕС. Усилив взаимные обязательства стран-членов ЕС в противодействии актам агрессии и терроризма, Лиссабонский договор сделал особый акцент на том, что все же главной организацией коллективной обороны для большинства стран — членов ЕС является НАТО.

Таким образом, с подписанием и ратификацией Лиссабонского договора можно считать завершенным этап, связанный как с формированием основополагающих принципов Общей политики безопасности и обороны Евросоюза,

так и с окончательным концептуальным оформлением идеи автономных европейских сил обороны, способных решать определенные тактические задачи, прежде всего военного характера.

Для понимания особенностей практического формирования европейской ОПБО необходимо остановиться на двух важнейших факторах, оказывающих влияние на этот все еще не законченный процесс.

Поиск компромисса между интересами ЕС и США в процессе формирования европейской общей политики безопасности и обороны. Итак, на протяжении 1990-х годов Европейский союз выработал концептуальную основу и создал нормативно-правовую базу общей политики безопасности и обороны. Но формирование европейской ОПБО отнюдь не было ровным и поступательным процессом, т.к. на протяжении всего пути от Маастрихта до Лиссабона, по мере того как «вторая опора» обретала конкретные формы, не утихали ожесточенные споры двух политических сил — европеистов и атлантистов. К приверженцам европеистской идеи внутри ЕС традиционно относятся такие страны, как Франция и Германия, а также Бельгия, Люксембург, Испания и с определенными колебаниями Италия. К противоположной, атлантической группе относятся Великобритания, Нидерланды и Дания и поддерживающие их США. Суть дискуссии, на которой мы остановимся далее, можно свести к попытке найти ответы на следующие краеугольные вопросы: каким образом европейская политика безопасности и обороны будет соотноситься с интересами НАТО? Не приведет ли создание ОПБО к размыванию основ евроатлантической системы безопасности? В конечном итоге речь идет о поиске компромисса между Европой и США в сфере институционализации и практического наполнения ОПБО.

Суть важнейшей проблемы поиска компромисса между Европой и США

в святая святых евроатлантического партнерства — политике безопасности, — возникшей в процессе формирования ОПБО, точно уловил Зб.Бжезинский в своей нашумевшей книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство»: «Вместе Соединенные Штаты и Европейский Союз составляют ядро глобального пространства политической стабильности и экономического благосостояния. Выступая заодно, Америка и Европа были бы всемогущи в любой точке мира. Между тем они нередко плохо ладят друг с другом...Учитывая, что по экономическому потенциалу ЕС уже сравнялся с Америкой и что два эти субъекта нередко сталкиваются на финансовой и торговой почве, Европа с возрождением военной мощи может превратиться в грозного соперника для Америки.»⁴ Активное формирование собственно европейской политики обеспечения безопасности и обороны, начатое в первой половине 1990-х гг., все чаще сопровождалось подобными тревожными высказываниями, раздающимися по ту сторону Атлантики.

С учетом того, что европейские страны, продвигающие свою идентичность в сфере святая святых для США — европейской обороне и безопасности, — были одновременно членами НАТО, перед Америкой встала сложная задача: выработать новый подход к отношениям с Европой и минимизировать для себя риски, идущие от набирающей обороты военной инициативы ЕС.

И все же, как показали международные реалии 1990-х годов, ни ЕС, ни НАТО не были готовы и не видели целесообразности для существенной эскалации данного конфликта интересов. С одной стороны, Евросоюз, вынужденный заниматься регулированием Балканского кризиса, нуждался в поддержке военных структур НАТО. С другой стороны, Вашингтон все более был вынужден мириться со стремлением своих европейских союзников играть более

значимую роль в вопросах безопасности и обороны. И конечно, и Европа, и США не могли не учитывать фундаментальной данности: НАТО и ЕС — две западные организации, связанные общностью мировоззрения и целеполагания. Кроме того, к концу 1990-х годов 15 из тогдашних членов ЕС входили в НАТО, после расширения это соотношение равнялось 28 к 22. Таким образом, стремление к поиску компромисса возобладало по обе стороны Атлантики.

В итоге новая стратегическая концепция НАТО, принятая на юбилейном саммите организации в Вашингтоне в 1999 году, констатировала: «Европейская идентичность безопасности и обороны будет продолжать развиваться внутри НАТО».⁵ Таким образом, данная формулировка соответствовала американской формуле «трех Д» в отношении ЕС, которую М.Олбрайт озвучила в 1998 году: нет декаплингу (избегать отторжения Европы от США и НАТО); дублированию (повтор усилий и акций НАТО), дискриминации (по отношению к членам НАТО, не состоящим в Евросоюзе).⁶ В этой связи можно согласиться с мнением о том, что уже на стартовом этапе своей оборонной идентичности Евросоюз все же пошел по пути развития сотрудничества с НАТО. Так, анализируя причины, толкающие ЕС к сближению с НАТО, известные европейские авторы Кристоф Бертрам (*Bertram C.*) (Германия), Жиль Андреани (*Andreani G.*) (Франция) и Чарльз Грант (*Grant Ch.*) (Великобритания) акцентируют внимание на необходимости поддержки Евросоюза со стороны НАТО в тех областях, где была очевидна слабость и неразвитость военной инфраструктуры ЕС, особенно при планировании и проведении отдельных европейских операций.⁷ Данную точку зрения разделяет и американский исследователь Роберт Хантер (*Hunter R.*), подчеркивая изначальную практическую заинтересованность европейцев в использовании мощной на-

товской инфраструктуры и средств: планирования, разведки, стратегической мобильности, баз и т.п.⁸ Поступательное развитие стратегического партнерства между НАТО и Европейским союзом отмечает известный российский эксперт по вопросам европейской безопасности профессор В.В.Штоль, подчёркивая, что их сотрудничество «можно охарактеризовать как наиболее продвинутое в контексте взаимодействия блока с другими международными организациями».⁹

Позднее подобное взаимодействие НАТО и ЕС в вопросах общей политики безопасности и обороны было оформлено в рамках известной формулы «Берлин-плюс». Истоки этой формулы следует искать в решениях сессии Североатлантического совета, состоявшейся 3 июня 1996 года в Берлине. Тогда НАТО занималось поиском приемлемого и для европейцев, но, прежде всего, для американцев формата взаимоотношений с ЗЕС (Западноевропейским союзом), который, согласно «петтерсбергским задачам», был поставлен в основание «второй опоры» Маастрихта. В итоге было принято принципиальное решение о предоставлении ЗЕС, находящемуся в подчинении НАТО, ограниченного права пользования натовской инфраструктурой в случае острой необходимости (например, проведение европейских миссий и операций) и по особому решению Североатлантического совета.

После долгих дебатов между сторонниками и противниками усиления самостоятельной роли ЕС в вопросах безопасности и обороны был найден своеобразный компромисс, нашедший отражение в решениях юбилейного саммита НАТО, состоявшегося в Вашингтоне в 1999 году. В Коммюнике вашингтонской встречи на высшем уровне, как отмечалось выше, не ставилась под сомнение тесная взаимосвязь европейской и американской компонент евроатлантической системы безопасности («Европейская идентичность безопасности

и обороны будет продолжать развиваться внутри НАТО.»¹⁰). Но особо оговаривалась возможность «прямого доступа Европейского Союза к коллективным силам и средствам Североатлантического Союза», что подразумевало «гарантированный доступ ЕС к органам и средствам планирования НАТО, способным содействовать военному планированию при возглавляемых ЕС операциях», а также «допущение о наличии предварительно определенного потенциала и общих сил и средств для использования ЕС при операциях под руководством ЕС.»¹¹

Упомянутый нами авторитетный американский исследователь данной тематики Роберт Хантер дает следующую интерпретацию подобных формулировок: словосочетания «гарантированный доступ» и «допущение оговоренного потенциала, общих сил и средств» составляют «суть формулы Берлин-плюс», что открывает принципиально новый этап в отношениях ЕС и НАТО.¹² Но Р.Хантер, как американский автор, очень скептически относится к данной формулировке («гарантированный доступ»), считая, что поощрение полной независимости оборонных действий Европы «вполне может украсть у НАТО как ресурсы, так и — потенциально — способность к политической и военной эффективности.»¹³ Ему вторит Г.Киссинджер: «Беспокоит лишь то, что независимость европейских вооруженных сил, похоже, рассматривается как их отличительная черта, а сотрудничество с НАТО — как исключение»¹⁴.

Необходимо отметить, что данные опасения американцев в итоге нашли свое отражение в Стратегической концепции НАТО (1999 г.). В рамках этого основополагающего для деятельности Альянса документа словосочетание «гарантированный доступ» было заменено на более нейтральное и расплывчатое: речь шла о «готовности Североатлантического Союза по принципу от слу-

чая к случаю и на основе консенсуса выделять ресурсы, силы и средства для операций» своих европейских союзников.¹⁵ Данная весьма не конкретная формулировка была еще раз подтверждена в резолюции сессии Североатлантического совета, состоявшейся в мае 2000 года во Флоренции. Совет НАТО пообещал Европейскому Союзу гарантированный доступ к натовскому потенциалу планирования и коллективным силам и средствам «по принципу от случая к случаю и на основе консенсуса».¹⁶ Но, как известно, расплывчатость и нечеткость формулировок («от случая к случаю») открывает широкие возможности для интерпретации в зависимости от ситуации.

Окончательное согласование европейской и американской позиций и интересов по формуле «Берлин-плюс» состоялось в рамках представленной 16 декабря 2002 года в Брюсселе Декларации Европейского Союза и НАТО. Торжественные и даже несколько возвышенные формулировки Декларации не оставляли и капли сомнений в том, что между ЕС и НАТО существует «стратегическое партнерство»¹⁷. Но в то же время делалась оговорка, что «Европейский Союз и НАТО — это организации разной природы»¹⁸, соответственно, они должны строить свои отношения руководствуясь принципами «равенства и должного уважения к автономии процесса принятия решений и интересам Европейского Союза и НАТО».¹⁹ Завершало этот веховый и торжественный документ следующая очень примечательная формулировка: «НАТО поддерживает европейскую политику безопасности и обороны в соответствии с относящимися к этому решениями вашингтонского саммита и предоставляет Европейскому Союзу среди прочего гарантированный доступ к средствам планирования НАТО».²⁰

В последующие месяцы после подписания Декларации шла интенсивная работа, направленная на уточнение

и конкретизацию отдельных положений данного документа. В течении 2002 года между ЕС и НАТО было подписано большое количество секретных соглашений по формуле «Берлин — плюс». В итоге объем принятых документов оказался настолько большим, что обе организации приняли решение объединить всю эту документальную массу в единое Рамочное соглашение «Берлин — плюс», которое было окончательно утверждено 17 марта 2003 года.

Позднее ежегодник СИПРИ (SIPRI) в 2004 году подробно описал основные положения этого документа. Согласно анализу Стокгольмского института, Рамочное соглашение по формуле «Берлин — плюс» предусматривало: Соглашение о безопасности между НАТО и ЕС (защита обмена информацией); гарантированный доступ к средствам планирования НАТО при проведении Евросоюзом операций по кризисному регулированию; наличие средств и возможностей НАТО для операций, проводимых ЕС; процедуры, обеспечивающие предоставление средств и возможностей НАТО; условия деятельности заместителя верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе и европейских командных структур для НАТО; договоренность о консультациях между ЕС и НАТО в ходе осуществляемой ЕС операции с использованием средств и возможностей НАТО; договоренность о взаимных потребностях в потенциале, который устраивал бы обе стороны.²¹

На наш взгляд, особого внимания заслуживают следующие нюансы, нашедшие отражение в Рамочном соглашении. Примечательно, что высшим руководителем операций, проводимых ЕС по формуле «Берлин — плюс» должен быть первый заместитель верховного главнокомандующего объединенными силами НАТО в Европе. По устоявшейся традиции данную должность всегда занимал европеец. Оперативное командование

проводимой операцией ЕС по формуле «Берлин-плюс» также осуществлял европеец. Самостоятельные операции, проводимые ЕС (т.е. без использования натовской инфраструктуры) координировались одним из командных центров стран-членов ЕС. Таким образом, можно сделать вывод о том, что выстраивание европейской ОПБО, хотя и тесно увязанной со стратегической концепцией и практическими инициативами НАТО в рамках формулы «Берлин — плюс», все же подразумевала самостоятельный характер.

Примечательно, что до сих пор в отечественных исследованиях зачастую делается весьма поверхностный вывод о том, что европейская политика безопасности и обороны — это во многом виртуальный проект, не имеющий ни количественного наполнения, ни качественного содержания. Иначе говоря, ЕС в сфере безопасности и обороны полностью инкорпорирован в НАТО.²² Смеем не согласиться с данным утверждением.

Авторитетный французский эксперт из Института исследований проблем безопасности ЕС Жан-Ив Эн (*Haine J.- Y.*), делая оценку участия ЕС в кризисном регулировании²³ в период 1999-2004 гг., отмечает, что 90% задействованных сил НАТО от Косово до Афганистана составляли европейцы.²⁴ Такой количественный показатель может свидетельствовать о том, что Европейский Союз, активно развивая свою общую политику безопасности и обороны, фактически пошел по пути создания самостоятельной военной системы. При этом создание собственно европейской военной системы ни коим образом не противоречит стратегическим интересам НАТО и США. Очевидно, что уже на момент подготовки соглашения между ЕС и НАТО по формуле «Берлин-плюс» можно говорить о распределении тактических задач между европейской и американской компонентами евроатлантической системы безопасности при

сохранении общности стратегических интересов. Правильность данного вывода подтверждает общемировой контекст первой половины 2000-х годов. 7 октября 2001 года США и их союзники начали антитеррористическую военную операцию против «Аль-Каиды» на территории Афганистана. Затем, спустя несколько месяцев, Вашингтон начинает массивную дипломатическую и военную подготовку по вторжению в Ирак с целью свержения режима Саддама Хусейна. На тот момент многие представители американской правящей элиты и научного сообщества высказывали опасения по поводу сложности одновременного проведения столь масштабных военных компаний.²⁵

Подобные мероприятия со всей очевидностью поставили перед Соединенными Штатами вопрос о перераспределении военной нагрузки в условиях сосредоточения американских сил на двух приоритетных направлениях — Афганистане и Ираке. В сложившихся условиях для США наилучшим выходом стала передача части своих «миротворческих» операций, прежде всего на Балканах европейцам. В данном контексте окончательное согласование формулы «Берлин — плюс», произошедшее 17 марта 2003 года, было идеальным решением всех проблем. Соединенные Штаты получили возможность реализовывать свои стратегические интересы в Афганистане и Ираке, сохраняя баланс интересов между своим видением натовской стратегии и желанием Европы получить большую самостоятельность в вопросах безопасности и обороны. Европа, в свою очередь, не тратя огромное количество материальных ресурсов на создание своей собственной оборонной инфраструктуры, получила возможность реализовывать свою самостоятельность в вопросах кризисного регулирования на Балканах. Таким образом, святая святых — евроатлантическое стратегическое партнерство — было сохране-

но к обоюдному желанию европейцев и американцев.

Примечательно, что, несмотря на раскол между отдельными государствами-участниками Европейского Союза и США, произошедший на фоне начала американского вторжения в Ирак, сотрудничество между ЕС и НАТО по формуле «Берлин — плюс» продолжало свое развитие. Шло углубление взаимодействия между Комитетом по политике и безопасности ЕС с соответствующими структурами НАТО. В начале июня 2003 года в Мадриде состоялась официальная встреча министров иностранных дел НАТО и ЕС, в ходе которой был подведен позитивный итог сотрудничества двух организаций за период после подписания Декларации Европейского Союза и НАТО от 16 декабря 2002 года. Заключительное заявление участников мадридской встречи гласило: «достигнут беспрецедентный прогресс в развитии нашего стратегического партнерства».²⁶

Европейская ОПБО и интересы России
Рассматривая проблемы, возникающие в процессе формирования европейской политики безопасности и обороны, необходимо сделать отдельную остановку на анализе противоречий в данной области между ЕС и Российской Федерацией. Это тем более важно для поиска соотношения интересов безопасности Европы и России в контексте реализуемого Евросоюзом «Восточного партнерства».

Необходимо отметить, что динамика отношений между Россией и ЕС в контексте формирующейся европейской политики безопасности и обороны соответствовала тому климату, который превалировал в двустороннем формате в отдельные периоды 1990-х — 2000-х годов. Политический климат отношений ЕС и России в 1990-е годы соответствовал формулировкам подписанному 24 июня 1994 года на о.Корфу Соглашению о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС (СПС): обе стороны торжественно провозгласили необхо-

димось содействовать «все большему сближению позиций по международным вопросам, являющимся предметом общей озабоченности, укрепляя тем самым безопасность и стабильность».²⁷

Позднее, в рамках «Дорожных карт» по четырем общим пространствам России — ЕС (подписаны на саммите в Москве 10 мая 2005 г.) идея сближения в вопросах внешней безопасности получила дальнейшее развитие.²⁸ На уровне официальной риторики, начиная с 1991 года и до сегодняшнего времени, Россия всегда декларирует свою цивилизационную близость с Европой.²⁹ Однако, по мере того, как к концу 1990-х годов формирование европейской ОПБО начало обретать вполне реальные контуры военной системы, российское экспертное сообщество все чаще стало высказывать тревогу. Расширение НАТО на восток и активное участие отдельных европейских стран в натовских бомбардировках Югославии, только усугубляло ситуацию.

Тем не менее, данные опасения экспертного сообщества в целом не оказывали никакого влияния на позитивную динамику официального взаимодействия России и ЕС в сфере обеспечения безопасности. Так, на упомянутом выше саммите ЕС в Кельне (3-4 июня 1999 г.), наряду с продвижением ОПБО, была утверждена Коллективная стратегия Европейского Союза по отношению к России «в целях укрепления стратегического партнерства между Союзом и Россией на рубеже грядущего нового тысячелетия».³⁰

Ответным шагом России стало представление на саммите РФ-ЕС в Хельсинки (22 октября 1999 г.) аналогичной Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на период до 2010 года.³¹ Обе стратегии акцентировали внимание на следующих сферах взаимодействия: миротворчество, урегулирование кризисов, сокращение и ограничение вооружений, пре-

дотвращение конфликтов. Также особое внимание было уделено совместному противодействию терроризму.

В октябре 2000 года Президент РФ Владимир Путин, Президент Франции Жак Ширак при участии Высокого представителя Евросоюза Хавьера Соланы и Председателя Комиссии ЕС Романо Проди подписали Совместную декларацию об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе.³² Данный документ, по сути, очертил основные направления сотрудничества от регулярных консультаций на экспертном уровне до борьбы с терроризмом.

Касательно практической реализации обозначенных направлений сотрудничества стоит отметить участие России (5 чел.) в гражданской миссии Евросоюза в Боснии и Герцеговине (2003 г.); участие России в совместных учениях ЕС-НАТО по регулированию кризисов (ноябрь 2003 г.). В ноябре 2003 года Россия была приглашена к участию в совместных учениях ЕС и НАТО по кризисному регулированию (СМЕ/СМХ 03).³³ Примечательно, что данные учения проходили в Брюсселе для отработки «петербургских задач», реализуемых на основе формулы «Берлин-плюс». Российские представители принимали участие в этих учениях в качестве наблюдателей. Еще одним примером подобного практического сотрудничества стало участие России в операции, проводимой Евросоюзом в рамках ОПБО в Чаде и Центральноафриканской Республике (ЦАР) в ноябре 2008 года. В рамках этой операции со стороны России было задействовано 200 военнослужащих, 4 транспортных вертолета МИ-8 со штатным вооружением, боеприпасами, и военной техникой. Участие России в данной операции получило высокие оценки со стороны Евросоюза и стала прологом к интенсификации сотрудничества в области кризисного регулирования, что нашло свое отражение в совместном коммюни-

ке, подписанном в 2008 году на встрече руководителей внешнеполитических ведомств России и ЕС.³⁴

И все же стоит отметить, что стратегическое планирование подобных гражданских миссий и военных операций, проходило без участия представителей России. Также Россия неоднократно безуспешно поднимала вопрос о ее включении в разработку и производство средств технической мобильности сил ЕС в рамках многосторонней НИОКР, реализуемом под эгидой Европейского Союза.³⁵ В связи с этим авторитетный эксперт парижского Института исследований проблем безопасности ЕС Дов Линч (*Lynch D.*) прямо указывает, что выдвинутые ЕС условия не обеспечивают равенства России в операциях ЕС, отмечая: «В целом нынешние условия вовлечения России в операции ЕС являются менее располагающими, чем предлагаемые НАТО... Россия же хочет быть субъектом политики безопасности и обороны, а не объектом».³⁶

Апогеем сотрудничества ЕС и России в сфере политики безопасности стало участие в международной антитеррористической коалиции, инициированной США после 11 сентября 2001 года. Примечательно, что по мере раскручивания международной кампании по борьбе с терроризмом антироссийская риторика Европейского Союза по поводу войны в Чечне заметно смягчилась.

Стоит отметить, что, несмотря на перманентные попытки оптимизации сотрудничества ЕС и России в сфере безопасности, своеобразным подводным рифом о который в итоге разбилось все взаимодействие, явилось постсоветское пространство. Трения между ЕС и Россией по поводу этого жизненно важного для национальных интересов России региона возникали и раньше (вспомним хотя бы события августа 2008 года в Южной Осетии и Абхазии). Но украинский кризис, начатый в конце 2013 года привел к резкому ухудшению отношений

Европейского Союза и России. И все же украинский кризис является лишь вершиной айсберга тех противоречий, которые на сегодняшний день остро стоят между ЕС и Россией в контексте реализуемой Евросоюзом программы «Восточное партнерство».

На экспертном уровне, с российской стороны европейская политика соседства в ее восточноевропейском измерении нередко трактуется как фундаментальный вызов, брошенный российскому влиянию и присутствию во всем постсоветском регионе в долгосрочной перспективе. Отношение России к возможности европейского вмешательства тем более негативно, что это происходит при отсутствии параллельного равноправного глобального партнерства в сфере безопасности, необходимость которого признается на сегодняшний день далеко не всеми странами ЕС.³⁷

Характеризуя западный подход к развитию евразийской интеграции под началом России, следует учитывать, что США, равно как и их европейские союзники, по сути, исходят из стремления любыми средствами воспрепятствовать объединительным тенденциям в Содружестве и, прежде всего, восстановлению единства какого-либо из его новых государств с Россией, а тем более образованию в любой конфигурации нового реального союза.³⁸ Для этого все средства хороши: раздувание извне противоречий между странами СНГ, их сепаратистских и националистических устремлений, религиозных особенностей, былых предубеждений и обид на рухнувший СССР и его преемника в лице новой России. Весь этот «методологический арсенал» мы можем лицезреть на фоне разжигаемой Западом братоубийственной войны на Украине, начавшейся в 2014 году.

В целом анализ шагов, предпринятых ЕС как в ходе реализации СПС, так и в ходе реализации «Восточного партнерства», а также анализ содержания совместных Планов действий ЕС-СНГ

позволяет говорить о том, что на сегодняшний день Европейский Союз более не рассматривает Россию в качестве своего приоритетного партнера на постсоветском пространстве. Отныне главный ориентир ЕС — это те страны СНГ, которые на уровне официальной риторики и конкретных политических действий явно делают упор на реализацию «западного вектора» своей внешней политики, делая тем самым однозначный «европейский выбор».

Таким образом, в новых геополитических условиях пояс стран — «восточноевропейских партнеров» ЕС, одновременно входящих в СНГ, становится потенциально конфликтогенной зоной интересов России и Евросоюза, своего рода зоной борьбы за влияние. На уровне официальной риторики этот факт,

как правило, сглаживается, но на уровне экспертных оценок данный конфликт интересов признается.

Полная ассоциация в рамках «Восточного партнерства» предполагает не только создание управляемых «извне» политических систем в странах-партнерах и поглощение их экономик, но и полноценное участие стран-партнеров в европейской политике безопасности и обороны. Последнее необходимо интерпретировать не только как голосование партнеров за санкции в отношении России в унисон с Евросоюзом и США, но, прежде всего, как активное вовлечение стран-партнеров в формирующуюся военную систему Европейского Союза, очень тесно увязанную с НАТО и американскими стратегическими целями.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 См. подробнее: Чубарьян А.О. Европейская идея в истории. М., 1987.; Encyclopedia of the European Union. Ed.by Desmond Dinan. London, 2000.
- 2 Согласно Лиссабонскому договору, подписанному в 2007 году, ЕС является де-юре федеративным государством. // Конституционное право зарубежных стран. Под ред. Белозерова П.А. М., 2013.
- 3 Salmon T., Shepherd A. Toward a European Army. A Military Power in the Making? Boulder — London, 2003., p.9.
- 4 Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004., сс.122 — 124.
- 5 NATO Review. 1999, No 2. Documentation. P.D9.
- 6 “Financial Times”, 7 December 1998.
- 7 Gilles Andreani, Christoph Bertram and Charles Grant. Europe’s military revolution. London, 2001., pp.25 — 26.
- 8 Robert Hunter. The European Security and Defence Policy. NATO’s Companion — or Competitor? RAND, Santa Monica, 2002., pp.54 — 55.
- 9 Штоль В.В. Армия «нового мирового порядка». ОГИ, М., 2010, С.219.
- 10 NATO Review. 1999, No 2. Documentation. P.D9.
- 11 Ibid., P.D4.
- 12 Robert Hunter. The European Security and Defence Policy. NATO’s Companion — or Competitor? RAND, Santa Monica, 2002., pp.54 — 55.
- 13 Ibid., p.13.
- 14 Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М., 2002., с.49.
- 15 NATO Review. 1999, No 2. P.D9.
- 16 SIPRI Yearbook 2001. Op.cit., p.197.
- 17 EU — NATO Declaration on ESDP. NATO Press release, 16 December 2002., p.1.

- 18 Ibid., pp.1-2.
- 19 Ibid., pp.1-2.
- 20 Ibid., p.2.
- 21 SIPRI Yearbook 2004. Armaments, Disarmament and International Security. Oxford; N.Y., 2004., pp. 37-38.
- 22 См. например: Современные международные отношения. Под ред. Торкунова А.В., Мальгина А.В. М.:МГИМО-Университет, 2012., сс. 313-318.
- 23 Примечательно, что до последнего времени в российской политологической литературе термин «кризисное регулирование» переводился как «миротворческая операция». Но мы глубоко убеждены, что «миротворчество» и «кризисное регулирование» явления совершенно разного порядка. / авт. Д.Ш./.
- 24 Haine J.-Y. ESDP and NATO. In EU Security and Defence Policy. The first five years (1999-2004). Paris, 2004., p.103.
- 25 См. например: Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. N.Y.: Basic Books, 2007. Ch.4., pp. 83 — 134.; Jones S. In the Graveyard of Empires: America's War in Afghanistan. N.Y.; W.W.Norton & Co, 2009.; Sick G. Iran: Confronting Terrorism.// The Washington Quaterly. Aug. 2003. Vol.26. No.4., pp. 86 — 98.;
- 26 From Copenhagen to Brussels. Euripean defence: core documents.Paris, 2003., p.46.
- 27 Документы, касающиеся сотрудничества между ЕС и Россией. М., 1994., с.89.
- 28 «Дорожная карта» по общему экономическому пространству; «Дорожная карта» по общему пространству свободы, безопасности и правосудия; «Дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности; «Дорожная карта» по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты // <http://archive.kremlin.ru/events/detail/2005/05/87950.shtml> (Дата обращения 05.03.2016).
- 29 См.: Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 12 февраля 2013 г.// (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ea0017.>) (Дата обращения 12.03.2016.); Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г. №683 // www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html (Дата обращения 03.03.2016).
- 30 Коллективная стратегия Европейского Союза по отношению к России. Брюссель, 1999., с.6.
- 31 См.: Современная Европа. М., 2000. № 1., с.98.
- 32 Дипломатический вестник. М., 2001. № 6., с.28.
- 33 См. подробнее: Журкин В.Военная политика Евросоюза. М., 2014., с.237.
- 34 Дипломатический вестник. Ежегодник 2008. Внешняя политика России в документах МИД РФ. М., 2009., с.274.
- 35 См. подробнее: Международный институт стратегических исследований (Великобритания). Межрегиональный общественный фонд поддержки военной реформы (Россия). Основные направления военного строительства в европейских странах: Материалы конференции. М., 2001.
- 36 Lynch D. Russia faces Euripe. Paris, 2003., pp. 77 — 78.
- 37 См. например: Страны СНГ между Россией и ЕС. Экономика и внешние связи государств в «поясе соседства». Сборник научных докладов. Отв. ред. Глинкина С.П., Косикова Л.С., ИЭ РАН., М. 2007., с. 33.
- 38 См. например: The National Interest. USA. 2012. April 19.; Putin's Eurasian Illusions. // The Moscow Times. 2012. June 21.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ПОЛИТИКА ГЛОБАЛЬНОГО ГОСПОДСТВА США В ИСТОРИЧЕСКИХ СРАВНЕНИЯХ И СОПОСТАВЛЕНИЯХ

Дашичев В.И.

*Главный научный сотрудник Центра внешней политики России Института экономики РАН,
доктор исторических наук, профессор*

Тел.: 499 128 7726

Эл.почта: v.dashichev@mail.ru

Аннотация: В данной статье проведен сравнительный анализ Генерального плана «Ост» с планами и методами, которые осуществляет антироссийская политика США.

Ключевые слова: конвенция, США, СССР, Россия, НАТО, Гитлер, мировое господство.

V.I. Dashichev

Chief Researcher of the Center of Russian foreign policy of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,

Doctor of Historical Sciences, Professor

Phone: 499 128 7726

E-mail: v.dashichev@mail.ru

USA GLOBAL DOMINATION POLITICS IN HISTORICAL COMPARISONS

Abstract: This article describes the comparative analysis of the Master plan “East” with the plans and methods, which are implemented within the anti-Russian policy of the USA.

Key words: convention, USA, USSR, Russia, NATO, Hitler, world domination.

Накануне и в ходе нацистской агрессии против Советского Союза в ведомствах Гимmlера и Розенберга — в главном управлении имперской безопасности и в так называемом восточном министерстве Третьего рейха — был разработан один из самых изумительных и позорных документов XX века, перед которым меркнут все другие политические программы завоеваний и геноцида народов того времени. Он получил название «Генеральный план Ост». Замыслы нацистского руководства, изложенные в Генеральном плане «Ост», удивительно напоминают тот курс, который американская правящая элита проводит в отношении России после развала СССР.

Плану «Ост» не суждено было получить известность, особенно в странах НАТО. О нём знали лишь узкие специалисты. Объяснение этому найти не труд-

но: с ним непосредственно связаны пути и методы уничтожения российской государственности и подрыва могущества русской нации — то, к чему, не особенно скрывая этого, давно стремится и определенная часть правящих кругов США. Кроме того, этот план вызывает и иные, невыгодные для американской политики ассоциации — не менее жестокая судьба была уготована и другим славянским и прочим народам Европы, в том числе полякам, латышам, литовцам и эстонцам. Ныне они попали в орбиту политики США, и Вашингтону совсем не нужна историческая правда о том, что их ожидало после гипотетической победы гитлеровцев. Наоборот, усилия тратятся на то, чтобы содействовать замалчиванию этой правды, оправдать роль прибалтийских эссэовцев — «лесных братьев», сражавшихся на стороне вермахта про-

тив Советской армии, распространять среди этих народов русофобские настроения, заставить их правителей плестись в обозе США и проводить враждебную России политику.

Итак, приведем основные положения Генерального плана «Ост» и сравним их с планами и методами осуществления антироссийской политики США и с тем, что произошло с нашей страной после государственного переворота Ельцина в декабре 1991 года и развала Советского Союза. Нравится это кому-нибудь или нет, соответствуют или нет мои оценки пресловутой «политической корректности», но налицо поразительные совпадения.

«Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе»¹.

Так формулировалась одна из основных целей войны, развязанной нацистами против нашей страны. К политике США можно с успехом применить сходный девиз. Только речь идет уже об американском глобальном господстве. Верхушка американского правящего класса, пренебрегая уроками прошлого и разрушая нормы международного права, совершенно четко обозначила свое стремление к этому господству. Основы доминирования США в мире были заложены в «Проекте нового американского века», разработанном Чейни, Рамсфельдом, Вулфовицем и другими представителями американского воинствующего экспансионизма, подписанным президентом США Дж. Бушем и опубликованном в 1997 г. Вот некоторые пассажи из него².

1. «Наша цель — заново обосновать глобальную руководящую роль Америки и организовать её поддержку..... Полны ли Соединенные Штаты решимости преобразовать новый век в духе

американских принципов и интересов?»

2. «Мы, вероятно, забыли, на каких основных факторах основывался успех Рейгана: на вооруженных силах, которые обладают мощью и в состоянии ответить на нынешние и будущие вызовы; на внешней политике, которая мужественно и решительно продвигает американские принципы за рубежом; на национальном руководстве, которое берет на себя глобальную ответственность Соединенных Штатов».
3. «Мы не можем позволить, чтобы ответственность за руководство миром была бы отдана другим..... Если мы не возьмем на себя эту ответственность, мы нанесем ущерб нашим жизненным интересам... Из истории XX века мы должны были бы извлечь урок, заключающийся в том, что задачу руководящей роли Америки надо воспринимать всерьез».
4. «Наша цель состоит в том, чтобы напомнить американцам об этих уроках истории и воодушевить их на то, чтобы сделать из этого необходимые выводы для нынешнего времени. Прежде всего речь идет о следующих четырех выводах:
 1. Мы должны существенно повысить наши военные расходы, если хотим ныне взять на себя глобальную ответственность и приспособить наши вооруженные силы к будущему.
 2. Мы должны крепить наши отношения с демократическими союзниками и подавлять режимы, которые намерены наносить ущерб нашим интересам и отвергают наши ценности.
 3. Мы должны продвигать за рубежом дело политических и экономических свобод.
 4. Мы должны принять ответственность за единственную в своем роде роль Америки в поддержании и развитии мирового порядка, который бы обеспечил нашу безопасность, наше бла-

госостояние и осуществление наших принципов.

5. «Такая «рейганистская» политика военной силы и моральной ясности может быть сегодня непопулярна. Но она необходима, если Соединенные Штаты хотят основываться на успехах прошлого, если мы хотим сохранить нашу безопасность и наше национальное величие в наступающем веке».

Эти установки легли в основу политики США. Для её обеспечения США повысили свои военные расходы в два с половиной раза больше, чем они были на пике «холодной» войны. В 2011 г. они составляли 700 млрд., а в 2012 г. 600 млрд. долларов, или более половины всех мировых военных расходов. Для сравнения: военные расходы России составили на то же время около 10% этой суммы. На международной арене господствующей стало право силы. Моральный фактор утратил свое значение в политике. Американские политики забыли слова Джона Кеннеди, сказанные под влиянием Карибского кризиса 1962 г.: «Или человечество покончит с войной, или война покончит с человечеством».

Общеизвестно, что нацистская клика Германии тоже ставила своей целью завоевание мирового господства. Эта цель была сформулирована в проекте директивы Гитлера № 32 от 11 июня 1941 года. «Подготовка к периоду после осуществления плана “Барбаросса”». В мечтах Гимmlера это выглядело так: «К концу этой войны, когда Россия в конце концов истощится и будет устранена, а Англия и Америка не вынесут войны, для нас возникнет задача создания мировой империи... В этой войне мы добьемся, чтобы всё, что в предшествующие годы, с 1938 года, было присоединено к немецкой, к великогерманской и затем к великогерманской империи, осталось в нашем владении. Война ведется во имя того, чтобы проложить дорогу на Восток, чтобы Германия стала мировой импе-

рией, чтобы была основана германская мировая империя. В этом смысл войны, сколько бы она ни длилась — пять, а, может быть, шесть или семь лет». После осуществления плана «Барбаросса» планировалось перенести стратегические усилия Германии на разгром США и Англии.

По сути своей, главная задача, поставленная в Генеральном плане «Ост» — разрушение Советского Союза, — оказалась сполна выполненной командой Б. Ельцина. Бывший председатель Верховного Совета СССР Руслан Хасбулатов, весьма осведомленный в тайнах тогдашней политики, писал, что Ельцин «добровольно согласился на роль марионетки США». «Через различные инструменты» он согласовывал с американцами «на высшем политическом уровне» состав правительства, политический, экономический, социальный курс государства, его внешнюю политику³. В историю он вошел как один из величайших геростратов XX века. США добились разрушения Советского Союза без использования военной силы, не пролив ни капли крови своих солдат, опираясь на методы тайной войны секретных служб — ЦРУ и Национального Агентства Безопасности, сумевших создать в нашей стране «пятую колонну» из предателей, переброжденных, приверженцев «вашигтонского консенсуса» и людей, падких до наживы.

После разрушения Советского Союза Ельцин на протяжении почти десятилетия способствовал развалу российской государственности и экономики и навлек на народ страшные бедствия. Верно сформулировал то, что произошло с нами после декабря 1991 года, А. Солженицын. В интервью «Россию надо спасать, не в годах — в неделях» он заявил: «В результате ельцинской эпохи разгромлены или разворованы все основные направления нашей государственной, народнохозяйственной, культурной и нравственной жизни. Мы буквально

живем среди руин, но притворяемся, что у нас нормальная жизнь».

Развитие страны было повернуто вспять. Эра социалистической реформации сменилась капиталистической контрреформацией в её самых диких формах. Вместо Советского Союза на постсоветском пространстве возник СНГ. Эту аббревиатуру иронично иногда называют так: «Сбылись намеренья Гитлера».

Сбылись и вождения правящей элиты США. В основу американской стратегии разрушения России была положена целеустановка — содействовать созданию в стране состояния бедности народа, государства, здравоохранения, образования, науки, вооруженных сил, космонавтики и пр. Эта цель была достигнута с помощью импортированной из США «шоковой терапии» и злополучной модели «ваучерной приватизации», осуществленных целой группой проводников американской политики в России. Их советниками служили кадровые сотрудники ЦРУ. Россия была буквально повергнута навзничь, в глубокий политический, экономический, духовный и нравственный кризис. Всё творившееся в стране прикрывалось теорией неоллиберализма. Из арсенала внешнеполитической пропаганды США в Россию перекочевала концепция неограниченной свободы человека. Но при этом совершенно замалчивалась исключительная важность для здорового развития общества таких понятий, как долг и ответственность личности, её нравственность и совесть. Это представителям американского лобби в России было совершенно не нужно. С какой стати им надо было идти против собственных интересов, ограничивая возможности ограбления России и действия, направленные против её национальных интересов? Результатом стал разгул коррупции, криминала, безнаказанности тех, кто разрушал страну, скупал за бесценку её ценности и беспрепятственно переправ-

лял национальные богатства за рубеж, подрывая политическую, экономическую и военную безопасность страны.

Нынешние усилия США выстроить однополярный мир под американской эгидой, то есть установить американское господство в мире, снова грозят человечеству трагическими последствиями. Сознают это правящие круги или нет, но они толкают человечество к новой мировой войне. Многополярность — нормальное состояние международного сообщества, и еще ни одной державе, начиная с древнейших времен, не удавалось на сколько-нибудь долгий период превратить её в однополярность, то есть обеспечить свою гегемонию над народами. Таков закон международных отношений. Создатели Генерального плана «Ост» тоже исходили из того, что, разрушив Россию, им удастся расчистить путь к господству над Европой и миром. Но они крупно просчитались. Ныне и США охватили «имперское перенапряжение» и глубокий финансовый кризис, которые могут закончиться для них катастрофой.

«Всю территорию России нужно разделить на ряд государств с собственными правительствами, готовыми заключить с нами мирные договоры... Создание этих правительств потребует очень большой политической сноровки и хорошо продуманных общих принципов».

Этих целей по сути придерживаются в наше время и американские политики. Зб.Бжезинский, например, не раз высказывал мнение, что «Соединенные Штаты должны быть единственной правящей державой в Евразии. Кто владеет Евразией, тот владеет и Африкой». А для этого, писал он, надо, в числе прочего, устранить Россию как евроазиатскую державу, а на её месте создать конфедерацию, состоящую из Европейской Русской республики, Сибирской и Дальневосточной республик.

Бесспорный интерес США состоит именно в том, чтобы способствовать территориально-политической дезинтеграции России, вытеснить её из Кавказского региона и Черного моря, а также из Средней Азии и насадить в этих регионах своих ставленников типа Саакашвили. С невероятной наглостью Кавказ объявлен «зоной национальных интересов» США. Американские спецслужбы не оставляют усилий, направленных на сохранение военной напряженности в Чечне, Дагестане, Кобардино-Балкарии, Северной Осетии, а ныне — на Украине, где стараниями спецслужб США под боком у России создан опасный очаг геополитической напряженности.

Американская правящая элита долго готовила новую, после Чечни, крупномасштабную военную провокацию на Кавказе. Роль исполнителя этой провокации была отведена Саакашвили. На его вооружение США израсходовали более миллиарда долларов. Одна из основных целей инспирированного американской политикой нападения грузинской армии на Южную Осетию состояла в том, чтобы втянуть Россию в военные действия и дать пропаганде США и НАТО повод для создания в её лице нового «образа врага» и «угрозы с Востока», обвинив её в агрессии и в возвращении к имперской политике. За этим скрывались вполне ясные расчеты. В Европе все более нарастают антиамериканские настроения и опасения европейцев, что военные авантюры США могут, в конце концов, привести к большой войне. Росло и понимание того, что Европе никто, в том числе и Россия, не угрожает. Немцы задавались вопросом: зачем в Германии содержатся 40 тыс. американских и 22 тыс. английских солдат с атомным оружием? Поэтому Вашингтон испытывал большую нужду в том, чтобы путем провокаций и массивного информационного воздействия на европейскую общественность, сколь бы лживой оно ни было, оправдать существование НАТО,

расширение этого военного блока к российским границам, геополитическое и геостратегическое окружение России якобы в целях обеспечения безопасности Европы. В случае же успеха акции Саакашвили, начатой в ночь с 7 на 8 августа, перед американской администрацией открывалась перспектива втянуть Грузию в НАТО вместе с Южной Осетией и Абхазией и свести к минимуму позиции России на Черном море и на Кавказе. Аналогичные цели правители США преследовали, в частности, и при подготовке и проведении «украинского майдана»

«Надо предусмотреть разделение территории, населенной русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие..., чтобы они ни при каких обстоятельствах не ориентировались на Москву... Нет сомнения, что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей окажется одним из средств борьбы с усилением русского народа... Следует уничтожить носителей государственной политической идеи».

Именно в таком направлении действовал провозглашенный Ельциным лозунг: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Местная бюрократическая верхушка России не замедлила воспользоваться этим, чтобы укрепить собственную власть, свое политическое и финансовое положение. Страна оказалась на грани распада. Ельцинская политика дезинтеграции встретила одобрение и полную поддержку у США. Еще бы — ведь она способствовала росту сепаратизма в отдельных областях и национальных республиках, привела к «феномену Дудаева» и развязыванию войны в Чечне, за которой

стояли американцы. Разве не показательно, что они финансировали эту войну в размере 2 млрд. в год. Солженицын в упомянутом интервью, характеризуя политику Ельцина, говорил: «Что представляет собой наше государство? У нас административный хаос. У нас не существует единых законов в стране. Каждый регион, каждая республика имеют свои какие-то нелепые, особые договора с Центром. Как это может быть? Произвольные республики, самовольные республики определяют свои конституции, свои международные связи, сами берут в долг международный, а отдавать будем мы. То есть делается всё для распада страны».

«Наша политическая линия относительно Украины — это поощрение стремлений к национальной независимости вплоть до потенциального создания собственной государственности либо на Украине как таковой, либо в объединении с Донской областью и Кавказом. Это объединение составило бы Черноморский союз, которому надлежало бы постоянно угрожать Москве и прикрывать великогерманское жизненное пространство с востока. В экономическом плане эта область одновременно представляла бы собой мощную сырьевую базу Великогерманской империи».

Все выше сказанное как две капли воды похоже на давно уже последовательно реализуемые американские планы создания «санитарного кордона» против России. Главная роль в нём отводится Украине. В её состав Ельцин отдал не Курскую и Воронежскую области, а Крым с Севастополем. Бжезинский писал, что без Украины, противопоставленной России, последняя никогда не станет великой державой. Вот почему политики США вложили столько усилий в проведение грандиозной антироссий-

ской акции на Украине, в осуществление государственного переворота в Киеве и приведение к власти украинских нацистов и мракобесов. На украинской земле в числе прочих экстремистских движений была создана даже Национал-социалистическая рабочая партия. Вспомним, что и в фашистской Германии правящей партией была НСДАП.

На Вашингтонском саммите НАТО еще в 1999 году было принято решение проталкивать создание группировки ГУУАМ в составе Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана и Молдавии. В отличие от нацистских планов, было признано целесообразным втянуть в эту группировку государства Средней Азии (Узбекистан впоследствии покинул её). Кроме того, со стороны Вашингтона прилагаются большие усилия, чтобы противопоставить России Польшу и прибалтийские страны. Последние, кстати, не фигурировали в Генеральном плане «Ост» как часть антироссийского «санитарного кордона» только потому, что их планировалось вообще упразднить и включить в состав Третьего рейха. Генерал-губернатор созданного нацистами польского «генерал-губернаторства» Франк, например, провозгласил: «Отныне политическая роль польского народа закончена. Он объявляется рабочей силой, больше ничем... Мы добьемся того, чтобы стерлось навеки самое понятие Польша. Никогда уже не возродится Речь Посполитая или какое-либо иное польское государство».

Если Гитлер пытался создать «санитарный кордон» против «Московии» путем военной оккупации Украины и других восточноевропейских стран, то США сделали упор на организации в них «оранжевых революций» как наиболее эффективного способа приведения к власти там своих людей. Так, на Украине роль проводника американских интересов стал выполнять режим Ющенко, поставленный у власти с помощью хорошо организованных выступлений

уличной толпы. Американская элита не скрывала, что на проведение оранжевой революции в Киеве было израсходовано более 80 миллионов долларов. Делалась ставка на втягивание Украины в НАТО. И это — несмотря на то, что большинство украинского населения выступает против членства в Североатлантическом альянсе. Но этот план остается и ныне в расчетах политики США. Его реализация угрожает опасным кризисом по образцу Карибского (1962 г.), на этот раз на европейской земле. Можно без преувеличения сказать, что, действуя подобным образом, правящая элита США играет с огнём и ставит под угрозу войны не только Европу, но и существование собственной страны.

«Наша политика относительно народов, населяющих широкие просторы России, должна заключаться в том, чтобы поощрять любую форму разногласий и раскола». (Из высказываний Гитлера на заседании в верховной ставке).

Ныне принцип «разделяй и властвуй» лежит в основе методов антироссийской, как, впрочем, и всей европейской политики США. Её старый лозунг времен «холодной войны» — «держат американцев в Европе, держат немцев в узде, держат русских вне Европы» („*To keep Americans in, to keep Germans down, to keep Russians out of Europe*“) и тем самым содействовать поддержанию раскола европейского континента полностью сохраняет свое значение. Но теперь его географические рамки значительно продвинуты на восток. Первый этап этого продвижения связан с включением в состав НАТО восточноевропейских стран. На втором этапе, после «оранжевых революций», разделительная линия между Россией и Европой была передвинута к восточной границе антироссийского «санитарного кордона» от Балтики до Черного моря. Теперь в него втягивает-

ся Украина. Вот только с Белоруссией у американцев ничего не получилось. В ней никак не удастся насадить американскую «пятую колонну» и совершить еще одну «оранжевую революцию», расширив сферу американского влияния на постсоветском пространстве.

После исчезновения «угрозы с Востока» для Вашингтона было важно создать с помощью Грузии, Украины и прибалтийских стран новый «образ врага» в лице России, используя лексику Гитлера — «поощрять любую форму разногласий и раскола». Иначе «кордон» не смог бы выполнять свою миссию. В странах «санитарного кордона» развернута мощная антироссийская пропагандистская кампания. На передний план время от времени выдвигаются претензии балтийских стран к России по поводу пересмотра границ и возмещения некоего ущерба, будто бы нанесенного за годы их пребывания в составе СССР. Раздувается шумиха вокруг преступлений сталинского режима, хотя они давно нашли осуждение еще в Советском Союзе, а сама Россия снова, как и в годы «холодной войны», провозглашается «империей зла».

Характерный пример двойных стандартов и лицемерия американской политики: в Германии, Австрии и других европейских странах действуют правила так называемой политической корректности, нарушение которых грозит их гражданам политическим, социальным и финансовым ostracismom. Того, например, кто осмелится подвергнуть сомнению цифру в 6 миллионов евреев, убитых в ходе «Холокоста» гитлеровцами, ожидает тюремное наказание от 2 до 5 лет. Так, известный английский историк Дэвид Ирвинг за свою книгу, изданную 16 лет тому назад, уже отсидел в тюрьме 3 года и был выпущен на свободу в 2007 г. В то же время на Украине сегодня официально реабилитированы и провозглашены «национальными героями» все, кто со-

трудничал с армией Бандеры, с вермахтом и войсками СС и воевал против советских войск. Именно они участвовали в годы войны в массовых убийствах евреев в Бабьем Яру. Но об этом по команде из Вашингтона в странах НАТО хранится молчание. Больше того, сказать правду об американской политике господства — значит нарушить господствующие в странах НАТО правила «политической корректности». Тем, кто посмел не соблюсти их в средствах массовой информации, грозит политический остракизм. Это очень хорошо показано в недавно вышедшей в ФРГ книге Тило Саррацина «Добродетельный террор. О границах свободомыслия»⁴. Такова цена хваленной американской «свободы», навязанной Германии и другим странам Европы. Её подноготная сущность очень хорошо выявилась в фальшивых мелодиях концерта западной прессы, прозвучавших под управлением американского дирижера в связи с майдановскими событиями на Украине.

Полностью преданы забвению и сознательно замалчиваются факты о том, какую участь народам стран, составившим ныне «санитарный кордон», готовил Генеральный план «Ост». Вот один из примеров того, что ожидало прибалтийские страны после победы Германии:

«Необходимо будет обеспечить отток значительных слоев интеллигенции, особенно латышской, в центральные русские области, затем приступить к заселению Прибалтики крупными массами немецких крестьян... Не исключено переселение в эти районы также датчан, норвежцев, голландцев, а после победоносного окончания войны, и англичан, чтобы через одно или два поколения присоединить эти страны, уже полностью онемеченные, к коренным землям Германии».

Рука Гитлера тянулась и к Средней Азии и даже к Индии. В Генеральном плане «Ост» перед немецкой стратегией ставилась следующая задача в этих регионах:

«Следует полагать, что после военного краха Советов в Европе нам удастся совсем незначительными силами ликвидировать московское господство над Средней Азией... Возникает вопрос использования при случае этих государств для более активных действий против Индии».

Как стратеги нацистской Германии в прошлом, так и разработчики американской политики последнего времени стремятся поставить этот исключительно важный в геополитическом и энергосырьевом отношении регион под свой контроль. В некоторых республиках Средней Азии под предлогом борьбы с «международным терроризмом» были созданы американские военные базы и опорные пункты. Они представляли угрозу национальным интересам не только России, но и Китая, Индии и Ирана. США стремятся замкнуть кольцо своего господства вокруг Ближнего, Среднего Востока и Центральной Азии, чтобы получить доступ к громадным нефтяным ресурсам этого региона. Гитлер тоже говорил, выступая перед своими генералами 23 ноября 1939 года: «Сегодня мы ведем борьбу за нефтяные источники, за каучук, полезные ископаемые». Ни для кого давно уже не секрет, что таков был и главный мотив войны США против Ирака и Афганистана и других стран Ближнего и Среднего Востока.

Генеральный план «Ост» предусматривал переселение из европейской части Советского Союза в течение 30 лет 31 миллиона жителей за Урал, на Кавказ, в Африку и даже в Южную Америку. Туда же предполагалось переселить 20 миллионов «опаснейших для Германии» поляков, 3,5 миллионов чехов, три

четверти западных украинцев, а также значительное число латышей, литовцев и эстонцев. Освобожденные таким образом земли, превращенные в «пространство без народа», намечалось заселить немецкими колонистами. В замечаниях «восточного министерства» по поводу намеченного в Генеральном плане «Ост» переселения народов говорилось:

«Если учитывать, что на рассматриваемых территориях должно остаться 14 миллионов жителей, как предусматривает план, то нужно выселить 46-51 миллион человек. Число подлежащих переселению жителей, установленное планом в 31 миллион человек, нельзя признать правильным».

После развала Советского Союза за пределами России оказались 25 миллионов русских. Для этого даже не потребовалось 30 лет, как планировали германские нацисты. Ельцин совершил «переселение» буквально в один миг, нисколько не задумываясь о судьбе миллионов русских людей.

Справедливости ради следует заметить, что в своей массе немецкий народ отрицательно отнесся к намерениям руководства Германии провести колонизацию восточных земель. В Генеральном плане «Ост» по этому поводу говорилось:

«Нельзя упускать из виду, что значительная часть населения, особенно из западной части империи, резко отвергает переселение на восток, даже в Вартскую область, в район Данцига и в Западную Пруссию... Необходимо, чтобы соответствующие органы, особенно восточное министерство, постоянно следили за тенденциями, выражающимися в нежелании переселяться на восток, и вели с ними борьбу с помощью пропаганды».

Как же Гитлер, Гиммлер и другие нацистские правители планировали подорвать могущество русского народа? Об этом в Генеральном плане «Ост» говорилось:

«Есть много путей подрыва биологической силы народа... На Востоке мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения. Средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, краткие брошюры, доклады и т. п. мы должны постоянно внушать населению мысль, что вредно иметь много детей... Должна быть развернута широчайшая пропаганда противозачаточных средств... Распространение этих средств и абортны ни в коей мере не должны ограничиваться... Следует пропагандировать добровольную стерилизацию, не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней. Следует сократить до минимума подготовку русских врачей по этим специальностям, не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям... «

К великому несчастью, экономический и социальный обвал России, вызванный господством в 1990-е годы ориентированных на США неолибералов, привел к катастрофическим последствиям для страны и в демографической сфере. С 1992 года население России уменьшилось на 15 миллионов человек. Ежегодно его убыль составляла около миллиона человек. Угрожающих размеров достигла детская смертность. Численность беспризорных детей достигла 1,5 миллиона. Около 70 процентов детей школьного возраста перешли в разряд нездоровых.

Не покидает ощущение, что в те годы против России была развязана настоящая демографическая война, масштабам проведения которой могли бы позавидовать даже германские нацисты. Накануне нападения на Советский Союз Гиммлер заявил на совещании высших чинов СС, что одной из задач похода на Восток является уничтожение 30 миллионов славян. В ноябре 1941 года Геринг объявил итальянскому министру иностранных дел Чиано: «В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдет; ведь некоторые народы необходимо сокращать».

«Ни в коем случае не следует давать местному населению более высокого образования. Если мы совершим эту оплошность, мы сами породим в будущем сопротивление против нас. Поэтому, по мнению фюрера, вполне достаточно обучать местное население, в том числе так называемых украинцев, только чтению и письму».

Гитлеровцам не удалось осуществить задуманное. После войны образование и наука достигли в Советском Союзе мировых вершин. Но вот сразу после захвата власти Ельциным и его окружением началось разрушение образовательного и научного потенциала России. Одной из причин этого послужило всеобщее обнищание, обрушившееся на народ и страну под шоковыми ударами неолиберальных «реформ». Быстро оскудевшая казна государства не позволяла поддерживать на должном уровне и двигать вперед науку и образование. Учителя, преподаватели высшей школы, профессора и научные сотрудники Российской академии наук превратились в едва ли не самую низкооплачиваемую категорию граждан России. По словам ректора МГУ академика В. Садовниченко, «насмешкой судьбы можно считать то, что профессор даже

престижного московского вуза получает зарплату в два раза ниже, чем московский дворник... Помните время, когда по экранам страны прошел фильм «Девять дней одного года». Молодые люди мечтали стать физиками-ядерщиками. Сегодня они бредят портфелем банкира». Спасаясь от нужды, невежества властей и бесперспективности применения своих знаний, около 500 тысяч ученых и специалистов разных отраслей покинули Россию в ельцинское десятилетие. Они пополнили интеллектуальный потенциал США и других стран Запада.

В постсоветской России, где всё закрутилось вокруг денег и наживы, произошла чудовищная девальвация науки и образования. Страна, которая столько лет оплачивала труд профессора в два раза ниже, чем дворника, сама себя лишила будущего. При этом делалось и по-прежнему делается всё, чтобы держать на минимальном уровне государственное финансирование научной и образовательной сферы и перевести научные исследования на чисто коммерческую основу. «Реформами», предложенными министрами образования и науки Фурсенко и Ливановым, под удар поставлены целые научные отрасли⁵. Научная и образовательная политика неолибералов чревата дальнейшей деградацией, больше того — национальной катастрофой для России. При этом доподлинно известно, что разработчики всех этих «реформ» получали солидные гонорары от Всемирного банка, контролируемого США.

Американская правящая элита прекрасно отдаёт себе отчет в том, что развитие науки и образования — основа существования и прогресса современного общества, и потому отводит государству решающую роль в её финансировании. А процветание науки и образования потенциальных или реальных конкурентов ей явно ни к чему. В этой связи в «Независимой газете» (13.01.2001 г.) отмечалось: «Существует версия, разделяемая

многими компетентными людьми, что определенные круги на Западе... ставят сегодня в качестве основной стратегической задачи разрушение системы образования в России. Что касается конкретно России, то полезно лишить её такого стратегического ресурса, как образование. Российское образование до сих пор востребовано на внешнем рынке. Образованная Россия с её неисчерпаемыми природными ресурсами — соперник не просто опасный, но непобедимый»⁶.

В отличие от нацистской Германии, американская стратегия сокрушения России велась иными методами — без применения силы и оккупации территории. В ход была пущена разработанная английским военным теоретиком Лиддел Гартом «стратегия непрямых действий», то есть подрыв страны изнутри. Такая стратегия, осуществлявшаяся с помощью режима Ельцина, оказалась намного эффективней, чем использование Германией вермахта — в свое время сильнейшей армии мира. Внешне всё выглядело вполне благопристойно. Например, Билл Клинтон и Дж. Буш не стеснялись представлять дело так, будто Америка — чуть ли не лучший друг России. А у нас Буша даже объявили «надёжным и предсказуемым партнёром». На деле же он говорил одно, а делал другое. Это была политика двойных стандартов в наихудшем ее виде! Когда приходилось иметь дело с Гитлером, Геббельсом, Розенбергом, Гиммлером и другими правителями Третьего рейха, нам было ясно, кто враг и как с ним бороться. Они не скрывали своих планов. В последнее же десятилетие минувшего века всё делалось исподтишка, применялись самые изощренные методы и бессовестная ложь, чтобы сбить народ с толку, ввести его в заблуждение относительно существующих для него угроз.

Нападение Германии на СССР стало началом конца Третьей империи Гитлера. Потерпел крах и Генеральный план «Ост». Он был ядовитым плодом на-

цистской верхушки. Но ее преступления в Советском Союзе даже в годы Второй мировой войны не отождествляли с немецким народом. План «Ост» никогда не использовался нами как предмет анти-немецкой пропаганды. В сознании советских и российских граждан прочно утвердилось понимание того, что «гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий и государство немецкое остаются». Коллективная вина немцев за преступления гитлеровцев никогда не признавалась в нашей стране. Это послужило основой для стремления российской политики к преодолению отрицательных наслоений прошлого во взаимоотношениях между двумя народами и установления между ними взаимопонимания, дружеских связей и сотрудничества. Такой подход соответствует национальным интересам России и Германии и является важным условием мирного развития и процветания всей Европы.

Но сегодня, как это ни печально, приходится констатировать, что в рамках НАТО ФРГ проводит недружественную России политику. Похоже, прошлый опыт, история с «Генеральным планом Ост» ничему не научили немецких «атлантистов». Будучи канцлером, Г. Шредер попытался сломать антироссийскую направленность немецкой политики и установить с Россией дружеские, взаимовыгодные отношения. В отместку после его отставки против него с явной подачи Вашингтона была развернута грязная клеветническая кампания. В американском сенате он даже подвергся грубым оскорблениям. Один из сенаторов назвал его «политической проституткой».

Политикам европейских стран, имеющим перед собой трагический опыт вражды и войн между народами Европы, пора было бы более трезво смотреть на складывающуюся ныне ситуацию. И не закрывать глаза на те угрозы для мира и спокойствия на континенте, которые таит в себе неумное стремление аме-

риканской правящей элиты к мировому господству.

На протяжении последних 26 лет США ведут ширококомасштабное геополитическое наступление против России. А дело представляется так, будто именно Россия является агрессором. В выступлении в фонде Маршалла 20 сентября с. г. Кондолиса Райс поставила диагноз «заболевания» российской политики: «параноидальный синдром агрессивности». Большой наглости, лжи и бессовестного извращения фактов трудно себе представить. Кто поставил своей целью установить мировое господство? Кто стремится создать «пакс американа» — мировую американскую империю? Чей военный бюджет превышает половину мировых военных расходов? Кто стал инициатором новой гонки вооружений в мире? Кто побуждает неядерные страны создавать атомное оружие, чтобы защитить себя от американской экспансии? Кто развязал агрессию против Югославии и расчленил её? Кто напал на Афганистан и Ирак и ведет войну против их народов? Кто пытается сохранить и усилить американское господство над странами Европы? Кто придал НАТО глобальный характер, чтобы иметь возможность использовать войска европейских стран в военных авантюрах США повсюду в мире? Кто продвинул НАТО непосредственно к «болевым зонам» России и окружает её военными базами? Кто пытается лишить Россию потенциала ответного ядерного удара, размещая вблизи её границ позиции американских противоракет? Кто натравливает Украину, Грузию, Польшу, прибалтийские страны на Россию? Кто сеет повсюду в мире смуту и подрывает политическую и стратегическую стабильность? Кто грозит Ирану нападением? Кто пытается навязать всем странам «американские ценности»? Кто поощряет подрыв изнутри государствообразующих титульных наций? Так кто же страдает «параноидальным синдромом агрессивности»?

Всё перечисленное и многие другие аналогичные деяния на совести политики США. Кондолиса Райс прекрасно знала это. Знают это и политики НАТО, а также ЕС. Но большинство из них подпевают «старшему брату».

Настало время принять все необходимые меры, чтобы оградить человечество от имперско — мессианского гегемонизма США. В числе этих мер важную роль могла бы сыграть Международная конвенция ООН о запрете и наказуемости политики глобального господства, подготовленная этой организацией. Эту конвенцию необходимо поставить на рассмотрение Ассамблеи ООН. Проект этого документа мог бы выглядеть примерно так:

Конвенция о запрещении и наказуемости политики глобального господства

«Мы, страны-члены Организации Объединенных Наций —

- ***принимая во внимание***, что стремление завоевать мировое господство привело на протяжении XX века к двум мировым войнам, стоившим человечеству неисчислимых человеческих жертв и громадных материальных потерь, разрушением бесценных творений мировой культуры, милитаризацией экономики, сознания и жизни народов, возникновением трудно преодолимых «образов врага», послевоенными нищетой, разрухой, отчаянием и ожесточением людей, регрессом производства и науки для мирных целей;
- ***сознавая***, что после каждой мировой войны вновь появлялась великая держава, проводившая политику имперско — мессианского господства и ставившая под угрозу национальные интересы и свободу народов, которые объединялись в противостоянии этой угрозе;

- **учитывая**, что в ракетно-ядерный и космический век новая мировая война как следствие политики глобального господства приведет к гибели человеческой цивилизации;
 - **будучи убеждены**, что политика гегемонизма всегда была неразрывно связана с экспансией и выступала самым деструктивным и опасным фактором в системе международных отношений, резко противоречила принципам демократизма и моральности внешней политики, не считалась с такими нормами международного общежития как «единство в многообразии» и «живи и давай жить другим»;
 - **глубоко сознавая** насущную необходимость ликвидировать материальную основу политики глобального господства путем ограничения военных расходов стран-членов ООН нормой не более 0,5 % валового внутреннего продукта;
 - **объявляем** о своем решении поставить под международный запрет политику, преследующую цель глобального господства над народами, и считать её как преступление против человечности».
- Эта конвенция может послужить сдерживающим фактором в противодействии мирового сообщества политике гегемонизма, диктата и опасного военного произвола на международной арене. К этому призывает трагический для человечества опыт политики господства фашистской Германии

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Эта и последующие цитаты из «Генерального плана «Ост» взяты из указанной выше главы моей книги «Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе»
- 2 *Project for The New American Century, Statement of Principles*, Washington D. C. 3. 6. 1997. <http://www.newamericancentury.org>.
- 3 Хасбулатов Р. И. Преступный режим. «Либеральная тирания» Ельцина. М. Яуза-пресс, 2011, С. 211, 215
- 4 Thilo Sarrazin „Tugendterror. Über die Grenzen der Meinungsfreiheit“, В. 2014
- 5 См. об этом мою статью «Что будет с российской наукой», опубликованной в журнале «Геополитика», «Экономической и философской газете» № 37, Сентябрь 2013 г. и на сайте KM.RU. Дашичев

СОВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 20-30-Х ГОДОВ XX ВЕКА ПО ЗАЩИТЕ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ

Макарчук О. И.

Главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний, доктор исторических наук

Тел.: +7 916 886 5440

Эл. почта: molga.77@yandex.ru

Аннотация: В статье речь идет об эволюции уголовного законодательства в начале 20 века.

Ключевые слова: Российское законодательство, власть, управление, лишение свободы.

O.I. Makarchuk

Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Service of punishment execution, Doctor of Historical Sciences

Phone: +7 916 886 5440

E-mail: molga.77@yandex.ru

SOVIET CRIMINAL LAW OF 1920-30S OF XX CENTURY TO PROTECT THE ADMINISTRATION ORDER

Abstract: The article describes the evolution of criminal law in the early 20th century.

Key words: Russian legislation, power, control, deprivation of liberty.

Историко-правовая характеристика российского законодательства в части института защиты порядка управления представляется целесообразной и необходимой. После революции в России в октябре 1917 г. основы уголовной политики, в том числе в части уголовно-правовой охраны отношений управления, закладывались в первых декретах Советской власти.

Декрет о суде от 24 ноября 1917 г. № 1, определяя наиболее опасные для того времени преступные посягательства, отмечает и преступления против порядка управления, подчеркивая тем самым значимость уголовно-правовой борьбы с ними.¹

Становление уголовно-правовых средств борьбы с посягательствами на порядок управления и личность представителей власти (сотрудников правоохранительных органов) имело определенные особенности, обусловленные переживаемым страной периодом. В их числе следует отметить:

во-первых, дореволюционные уголовно-правовые нормы, охранявшие порядок управления, касались разрушенной в 1917 г. государственной машины и не могли быть применимы, как отмененные революцией и противоречащие революционному правосознанию;

во-вторых, с одной стороны — формирование новых советских норм для охраны порядка управления было затруднено отсутствием устойчивых концептуальных уголовно-правовых положений относительно этой сферы общественных отношений, с другой — недостатками квалификации судейского корпуса, что ограничивало возможность правотворчества;

в-третьих, значительная часть противоправных, в том числе преступных деяний, направленных против Советской власти и порядка управления, разрешалась чрезвычайными мерами, введенными к весне 1918 г. для «преодоления бешеного сопротивления буржуазии, борьбы со всеми видами подрывной дея-

тельности свергнутых эксплуататоров... ибо диктатура пролетариата предполагает и означает состояние придавленной войны, состояние военных мер борьбы против противников пролетарской власти».

На основе накопления законодательного и правоприменительного опыта революционных трибуналов и военных судов появилась возможность обобщения и нормативного закрепления основных положений уголовного законодательства в едином правовом акте. Таким актом явились нормы Общей части «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», изданные НКЮ РСФСР 12 декабря 1919 г. и оказавшие существенное влияние на Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. Статья 74 УК РСФСР 1922 г., находившаяся в главе о государственных преступлениях, дает общее понятие преступления против порядка управления, под которым понималось «всякое деяние, направленное к нарушению правильного функционирования подчиненных органов управления или народного хозяйства, сопряженное с сопротивлением или неповиновением законам Советской власти, препятствование деятельности ее органов и иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти».²

Включение в закон общего понятия преступлений, отнесенных законодателем к данной группе, и помещение их в первую главу Кодекса свидетельствует об исключительной важности борьбы с этой категорией общественно опасных посягательств.

УК РСФСР 1922 г. содержал несколько статей, в которых предусматривалась ответственность за посягательства на представителей власти в связи с осуществлением ими своей служебной деятельности.

Ст. 75 УК — вооруженное сопротивление власти при массовых беспорядках; ст. 77 УК — участие в массовых беспорядках, сопряженных с явным непови-

новением законным требованиям властей или противодействием исполнению последними возложенных на них обязанностей; ст. 86 УК — сопротивление отдельных граждан представителям власти при исполнении ими должностных обязанностей или принуждение к выполнению явно незаконных действий, сопряженных с убийством, нанесением увечий, насилием над личностью представителя власти, либо совершенное без насилия.

Анализ названных статей показывает, что родовым объектом этих преступлений признавалось нормальное функционирование органов управления, нормальная деятельность представителей власти. Особый акцент был сделан на авторитет и силу Советской власти.

Закон, кроме указанных объектов, предполагал охрану личности представителей власти в системе этих отношений, отмечая в диспозициях посягательства на их жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, честь и достоинство. Однако, как и в законодательстве Российской Империи, центр тяжести в уголовно-правовой охране порядка управления находится на деятельности, а не на личности представителя власти. Закон предусматривал уголовную ответственность не за посягательство на личность указанных лиц, реализующих властные полномочия, а за сопротивление или принуждение к выполнению явно незаконных действий, сопряженных с причинением или угрозой причинения вреда жизни или здоровью.

Содержащиеся в них нормы определили исследуемое деяние как квалифицированный вид сопротивления власти отдельных граждан, сопряженный с убийством представителя власти и, фактически, представителя общест-венности, отнесенный законодателем к числу преступлений против порядка управления. Данные нормы явились юридической гарантией защиты законной деятельности и жизни работников

милиции и представителей обществности.³

С позиции современных представлений об иерархии социальных ценностей такой подход законодателя можно отнести к числу очевидных недостатков. Однако следует отметить, что он соответствовал этическим, политическим и правовым воззрениям нового времени.

Неудачным является законодательное изложение в рассматриваемых статьях признаков потерпевших, что проявляется не только в отсутствии адресных норм, отражающих особую наиболее виктимную категорию представителей власти — сотрудников милиции, но и в использовании обобщающих терминов, характеризующих потерпевших: сопротивление власти, неповиновение законным требованиям властей. Столь широкие формулировки не могли не вызвать проблем в правоприменительной практике. Поэтому их замена на термин «представитель власти», «сотрудник правоохранительного органа» представляется положительным моментом в становлении и развитии советского уголовного законодательства.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., подготовленный на основе принципа согласования его норм с нормами Основных начал, являлся, по мнению ученых, новым уголовно-правовым актом. Однако во многом, в том числе в части преступлений против порядка управления, он сохранил ключевые позиции, выработанные УК РСФСР 1922 г.

«Преступлением против порядка управления, — как отмечалось в Кодексе, — признается всякое действие, которое, не будучи непосредственно направлено к свержению Советской власти и Рабоче-Крестьянского Правительства, тем не менее, приводит к нарушению правильности деятельности органов управления или народного хозяйства и сопряжено с сопротивлением органам власти и препятствием их деятельности,

неповиновением закону, вызывающими ослабление силы и авторитета власти».⁴

После принятия ЦИК Союза ССР 25 февраля 1927 г. Положения «О преступлениях государственных» преступления против порядка управления в Уголовном кодексе 1926 г. были представлены в двух группах:

Первая — «Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления». Вторая — «Иные преступления против порядка управления».

Глава об иных преступлениях против порядка управления, явившаяся прообразом современных преступлений этой группы, содержала ряд составов, по которым была предусмотрена уголовная ответственность за посягательство на представителей власти. Так, по ст. 73 УК наступала ответственность за сопротивление отдельных граждан представителям власти при исполнении ими возложенных на них законом обязанностей или принуждение к выполнению явно незаконных действий, сопряженных с насилием в отношении представителя власти.

В УК РСФСР 25 марта 1929 г. вводится статья 73 УК⁴, которая предусматривала ответственность за «угрозу убийством, истреблением имущества или совершение насилия по отношению к должностному лицу или общественным работникам, примененная в целях прекращения их служебной или общественной деятельности, или изменения ее характера в интересах угрожающего».

Следует отметить, что ч. 2 ст. 73 УК⁵ явилась практически первой в уголовном законодательстве РСФСР, отразившей уголовно-правовую охрану лиц, выполняющих общественный долг, в том числе по обеспечению порядка управления. «Нанесение побоев или иных насильственных действий в отношении общественников-активистов, ударников на производстве, а также колхозников в связи с общественной или иной производственной деятельностью — в слу-

чаях, когда эти действия по характеру, обстановке их совершения или последствиям не могут рассматриваться как террористический акт — каралось лишением свободы на срок до пяти лет».

Краткий анализ норм УК 1926 г., предусматривающих ответственность за посягательства на личность представителей власти, дает, по нашему мнению, возможность сделать следующие основные выводы:

- Уголовный кодекс 1926 г. явился нормативным актом, завершившим первый этап кодификации советского уголовного законодательства. Он отразил особенности переживаемого страной периода (классовая борьба, необходимость защиты завоеваний революции и др.) и господствовавшие в то время политические и уголовно-правовые воззрения;
- в связи со стоящими перед государством задачами особое место среди поставленных под охрану уголовного закона объектов занимал «правопорядок, установленный Рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени»;
- вопросы уголовно-правовой охраны личности представителей

власти, несмотря на значительный объем преступлений против порядка управления, не были решены в Уголовном кодексе 1926 г. с достаточной полнотой. Отсутствовали адресные нормы об уголовно-правовой охране сотрудников правоохранительных органов, судей. Отсутствовало законодательное определение «представитель власти». Охрана жизни и здоровья этих лиц при исполнении служебных обязанностей поглощалась интересами охраны порядка управления. Меняющиеся политические условия, недостаточная проработанность теоретических положений об объекте этих преступлений вызвали необходимость дополнений и изменений уголовного законодательства, а также постоянного легального и судебного толкования его норм.

УК РСФСР 1926 г. впервые в истории советского уголовного законодательства закрепил ряд норм об уголовно-правовой охране лиц, выполняющих общественный долг. Круг этих норм постоянно расширялся в связи с тенденциями к широкому привлечению общественности к решению задач советского строительства и борьбы с правонарушителями.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. М., Госполитиздат, 1958. С. 78.
- 2 УК РСФСР 1922 г. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М., Госюриздат, 1953. С. 124.
- 3 Дзюба В.Т. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1985. С.10–11.
- 4 УК РСФСР 1926 г. М., Госюриздат, 1940. С. 51.
- 4 Там же.

ГЕРОИ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Арская Л.П.

*Научный эксперт Центра политологии и научной политической мысли,
кандидат экономических наук*

Тел.: 499 137 3465

Эл. почта: arskaya@inbox.ru

Аннотация: Статья посвящена проблемам безопасности жизнедеятельности человека в прошлом, настоящем и будущем. Людям не раз приходилось противостоять природным катаклизмам. Большую проблему с точки зрения безопасности представляют техногенные аварии. Свои трудности могут поджидать его и в ближайшей перспективе. Во многих странах действуют спасательные подразделения. Появились знания, которые можно назвать наукой о спасении. Где и каким образом они могут быть применены в будущем — таковы вопросы, которые не могут не волновать учёных и практиков.

Ключевые слова: Аварии, природные факторы, техногенные катастрофы, международное сотрудничество.

L.P. Arskaya

Scientific expert of the Center of Political Science and Political Thought, candidate of economical sciences

Phone: 499 137 3465

E-mail: arskaya@inbox.ru

HEROES FOR THE AGES

Abstract: The article describes problems of human health and safety in the past, present and future. Not once people had to withstand natural disasters. Big problem in terms of safety is man-made accidents. In the near future there may be some difficulties. There are rescue units in many countries. There is knowledge, which may be called "the science of rescue". Where and how they can be applied in the future are the issues that excite scientists and practitioners.

Key words: Accidents, natural factors, man-made accidents, international cooperation.

Человечество ещё не мечтает о таком времени, когда профессию спасателя почитают устаревшей. Лучшее будущее пока ассоциируется с тем, что усилия и мужество спасателей станут щитом, эффективно оберегающим человеческие жизни от рисков, а экономику — от масштабных потерь. К сожалению, несмотря на весь прогресс в развитии науки и техники, подстерегающих людей рискованных ситуаций, становится не меньше. Напротив, этот прогресс, в отдельных своих проявлениях, сплошь и рядом порождает новые риски. Наглядно показали это и длительная история, и события начала XXI века. Человек всё ещё не располагает такими возможностями, которые позволяли бы ему полностью противостоять действию сил природы, когда эти силы носят разрушительный

характер. В современном мире ежегодно происходит несколько сот природных катастроф, результатом которых становятся тысячи утраченных жизней и десятки тысяч пострадавших. Финансовый же ущерб исчисляется многими миллиардами долларов.

Как этому противостоять? Первый ответ, который подсказывает практика, — по возможности ограничить действие внезапности. Для катастроф, связанных с драматичными проявлениями разрушительных сил природы, — это прогнозирование возможных негативных ситуаций. Для этого существуют службы погоды. Современные метеослужбы действуют в интересах всего человечества. В издании ООН чётко сказано, что Всемирная Метеорологическая организация «оказывает научную и техническую

поддержку мерам, принимаемым «в связи с природными катастрофами».¹ Тем не менее, подготовиться к возникновению любых сюрпризов природы человечество ещё не в состоянии. Но чем точнее прогнозы, тем вероятнее, что люди, хотя бы в какой-то степени постараются обезопасить себя от разгула стихий и их последствий. Если не удаётся сделать это самостоятельно, то может наступить момент, когда потребуется участие спасателей. И хотя их деятельность представляет собой как бы последний рубеж защиты, она бывает абсолютно необходимой.

По самой своей сути она носит международный характер. Никто, будь то отдельные лица или население целых стран, не должны в трудные времена оставаться без помощи и поддержки. Эта истина неоспорима, особенно, если принять во внимание, что не все страны располагают достаточными средствами и техническими возможностями, чтобы самостоятельно справляться с последствиями природных коллизий и техногенных катастроф. Жизнь человека бесценна, где бы он ни родился, где бы ни вырос. В наши дни в ситуации повышенного риска находятся густонаселённые территории Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. Не застрахованы от рисков жители Африки и даже Европы

Среди природных потрясений наиболее опасные последствия заключает в себе разбушевавшаяся стихия воды — наводнения составляют едва ли не половину разрушительных природных коллизий. Другая крайность, то есть нехватка воды, особенно в форме засух, порождает свои природные бедствия.

Слабость человека перед силами природы сплошь и рядом подчёркивается его всё ещё недостаточным умением хозяйствовать рационально, то есть недостаточной выверенностью, просчитанностью его шагов по развитию отдельных территорий, по размещению населения и экономических объектов.

Политика устойчивого развития, к которой призывает в наши дни ООН, имеет своей отправной точкой, как раз представление о том, что природа и экономика должны составлять по возможности непротиворечивое единство. В противном случае антропогенные факторы способны привести к усилению рисков, заключённых в природных катаклизмах.

Достаточно назвать некоторые примеры. Это — авария на японской АЭС Фукусима -1 в 2011 году, которая заставила задуматься над тем, оправданно ли строительство такого рода сооружений в условиях свойственных этой стране сейсмических коллизий и цунами. Не забыто ещё одно драматическое событие, которое было пережито уже в нашей стране, а именно — авария на Саяно-Шушенской ГЭС в 2009 году.

Фактором риска служит само насыщение территории нашей планеты предприятиями, которые в случае аварий, какова бы ни была их природа, могут служить источниками тяжелейших коллизий. Они разнообразны, так что их трудно даже перечислить — от химических заводов и предприятий по нефтедобыче до атомных электростанций. Шлейф последствий в случае их повреждения или разрушения, как правило, бывает долговременным. Независимо от того, насколько располагает ли та или иная страна возможностью самостоятельно противостоять бедствиям, она может и должна, если это необходимо, опираться на международную поддержку.

Итак, действия спасателей имеют по самой своей сути международный смысл. В этой связи логично встаёт вопрос о том, сколько в мире в наши дни действует спасателей? Как ни странно, но чёткий ответ на него вряд ли может последовать. Тем не менее, любой специалист с уверенностью скажет, что их недостаточно в сравнении с теми рисками, которым подвергается население Земли. Деятельность спасателей многогранна, она вбирает в себя различные виды,

строится по сути дела на различных профессиональных знаниях.

Примечательно, что для российских спасателей самое высокое профессиональное звание — спасатель международного класса. И они побывали уже во многих странах, оставляя за собой благодарную память.

То, с какой степенью эффективности действуют спасатели, зависит от многих причин, начиная с технической оснащённости подобных служб, и кончая личным мужеством персонала. Спасатели служат обществу. Но не всегда, не во все времена было до конца ясным то, какую дань должно отдать общество этим людям, как именно следует позаботиться об их здоровье, если оно пострадало при осуществлении ими своих мирных подвигов, как надо оказать достойное внимание их семьям.

Первые проявления того, что эти задачи надо решать, относятся к началу XX века. Одним из них стало появление фонда, верно названного своим основателем Фондом для героев. С подобной инициативой выступил американский промышленник, благотворитель и пацифист Эндрю Карнеги. Он не считал своим идеалом стремление добиваться прибыли любой ценой. И такая цена, как гибель людей в результате производственных аварий была для него заведомо неприемлемой. Жизнь, её реальные события порой подсказывали ему новаторские для его времени решения. Так произошло в 1904 году, когда случилась авария на одной из американских шахт, расположенных вблизи Питтсбурга — центра сталелитейной промышленности. Тогда Э.Карнеги подумал не только о помощи шахтёрам и их семьям, но и о том, как отдать дань тем людям, кто попытался прийти к ним на помощь. Их благой порыв стоил жизни и им. Если судить по воспоминаниям самого Э. Карнеги, решение учредить специальный фонд родилось сразу же, уже на следующий день после известия о произошедшем. Сам

учредитель в справедливости своего решения не сомневался. Но не так скоро эта идея Э. Карнеги получила всеобщую поддержку. Поначалу были и споры по поводу подобного начинания. Тем не менее, в том, что идея помощи спасателям породит свою эстафету, по большому счёту, сомневаться не приходилось

Отдавая дань этой инициативе, надо отметить, что многие замыслы Э. Карнеги приносили благие плоды именно потому, что он сам и люди, выступавшие в роли его советников, верно угадывали потребности своего времени. А затем настойчиво и упорно воплощали свои идеи на практике. Результатом подобной настойчивости было и развитие Фонда для Героев. Начавший свой путь в США, а затем получивший ещё одну базу, а именно — на Британских Островах, то есть на родине Э. Карнеги, Фонд быстро обретал свои отделения в целом ряде европейских стран. Его филиалы появились во Франции, Германии, Италии, Бельгии, Голландии, в Швейцарии, в Скандинавских странах. К сожалению, этот путь остановился, что называется, у границ России.

Возможно, Э.Карнеги полагался на то, что в самой России у его деятельности найдутся подражатели. Так оно и случилось. Тем не менее, хотя среди его российских современников были и такие, кого в печати даже именовали русскими Карнеги, не оказалось среди состоятельных людей таких, кто бы избрал объектом для подражания именно Фонд для Героев.

Забота о спасателях, создание и развитие собственных спасательных служб стали, в конце концов, реалиями и в России. Путь нашей страны к созданию современных спасательных служб был непростым, подчас противоречивым, но в целом примечательным. Именно в сопоставлении по принципу, что было и что стало, рождается понимание того, что значит современная деятельность российских

спасателей в собственной стране и на международном поприще. Отмечая большой моральный смысл того, что российских спасателей знают уже далеко за пределами их собственной страны, надо подчеркнуть, что в самой России у них всегда было много дел. Одна из причин — обширность территории при нередко недостаточном развитии транспортных коммуникаций.

Сейчас использование спасателями средств авиации выглядит, как своего рода аксиома их деятельности. И трудно поверить в то, что, в принципе, уже располагая авиацией, наша страна до 1930-х годов, не ставила свои летательные аппараты на службу спасательным действиям. Только после Великой Отечественной войны при тушении пожаров стали по настоящему применяться средства авиации.

Поразительное мужество проявляли в пору, когда шло становление спасательной авиации и парашютисты, совершавшие свои рискованные прыжки в места, близкие к очагам возгораний. Тем не менее, и в наши дни, как бы ни были велики возможности воздействовать на зоны возгораний и аварий с воздуха, для спасателей остаётся одним из обязательных правил то, что любая акция, как бы много ни старались использовать для её осуществления авиацию, всегда завершается на Земле.

Использование авиации в наши дни представляет собой, что называется, альфу и омегу, для любой масштабной акции МЧС. Невозможно было бы, например, действовать без применения авиации в условиях, необычной жары, обрушившейся на некоторые регионы России в 2010 году. Особенно масштабными и длительными, оказались в этот год, лесные пожары в Якутии. И хотя на первом месте для действий спасателей должны быть интересы спасения людей, не приходится забывать о том, как важно было, насколько возможно, уменьшить и сам по себе ущерб лесам, имея

в виду, что российские леса — не просто важнейшее национальное достояние, но и своего рода лёгкие для всей планеты. Доля лесов на территории нашей страны превышает среднюю мировую. Уже поэтому воспитать людей в уважении к лесу — актуальная задача. В некоторых европейских странах, уже небогатых лесами, установлен порядок, при котором войти в лес можно примерно так, как в хорошо обустроенный парк — по определённым дорожкам, в определённое время суток. У нас подобного, к сожалению, не существует

Чем серьёзнее оказывались проблемы, с которыми сталкивались наши спасательные службы, тем большее уважение они объективно снискали. Убедить в этом могут и некоторые исторические сопоставления, показывающие то, какой же именно путь был пройден.

Пожары, в том числе лесные, на протяжении длительной истории были бичом для России. Так, в газетах за 1901 год можно было прочитать: «Пожары в иных местах уничтожали сотни, в других местах тысячи и даже десятки тысяч десятин леса; в одних местах пожары захватывали площадь в 3, 5, 10, 15 и более до (до 50 квадратных вёрст, в других огонь занимал линию в 40, 50, 60 вёрст. Почти отовсюду сообщения характеризовались выражениями: «пожар охватил необъятное пространство, происходят «громадные», «ужасающие, «грандиозные», «страшные» пожары. По одним сообщениям леса горят несколько дней, по другим, и таких огромное большинство, продолжают недели и месяцы, затихая и опять возобновляясь».² Местные власти подчас жаловались на то, что люди, которых они собирали для тушения пожаров, не обладали достаточными к тому навыками. Но так уж ли они были виноваты, если так называемые лесные стражники не располагали не только достаточными средствами для тушения пожаров, но даже надлежащей одеждой и обувью.

Время многое изменило в России и в мире. Но неизменна та простая истина, что если бедствия не удаётся предотвратить вообще, то нужно использовать все возможности, чтобы ограничить их последствия. Первая и главная цель для спасателей — уберечь человека. Но она — не единственная. Нужно заботиться о сохранении материальных и духовных ценностей, жилого фонда, особо важных предприятий.

Едва ли не самые распространённые рекламные щиты возвещают, что пожар легче предотвратить, нежели потушить. Всё выглядит просто на словах, однако добиться осуществления этой истины на практике представляет собой весьма нелегкую задачу.

Акцент на роли «человеческого фактора» в возникновении пожаров был справедливым в прошлом, остаётся он справедливым и в наше время. Безответственность человека проявляется в различных формах, и беды могут оказаться следствием, как крупных, так и самых незначительных, на первый взгляд, причин. Одно из обстоятельств, вызывающих тревогу — раннее и массовое приобщение к табакокурению детей и подростков. Стоит напомнить, что ни в одной другой стране молодёжь не начинает курить так рано — с 13 лет — и так массово, как у нас. Спасти подростков и особенно детей при пожарах трудно. Дело в том, что часто драматический исход наступает до прибытия пожарных — дети теряют сознание, просто задымаются в дыму. Действует и социальный фактор, поскольку контроль за образом жизни детей подчас бывает недостаточным. Так, по сообщению журнала «Власть» в Дагестане, «только 0.7% детей, состоящих на профилактическом учёте в органах внутренних дел, охвачены организованными формами отдыха».³

Тревожно массовое курение не только среди детей и подростков. Что касается производственных рабочих, то

доля курящих среди них доходит до 70%. О последствиях можно догадываться. «Огонь — вор», как говорили на Руси в старину, и эта истина не устаревает.

Наши внутренние проблемы в области безопасности тесно переплетаются с глобальными. Во всём мире прогрессирует техника тушения пожаров, но одновременно возрастает и их вероятность. Она до какой-то степени связана с безответственным отношением к новым слагаемым в развитии экономической жизни. Например, никогда ещё не перевозили столько опасных материалов по суше и по воде. Никогда ещё не добывали и не перевозили столько горючего. Только за относительно короткий промежуток времени, то есть с 2008 по 2012 год, добыча нефти в нашей стране выросла с 489 млн. т. до 518 млн. т.⁴ Стоит напомнить, что Россия уже и без того занимала первое место в мире по добыче нефти.

Уже поэтому малейшая ошибка, способна обернуться проблемами, которые могут давать о себе знать, причём долго и в самой серьёзной форме. Тушение пожаров, ликвидация нефтяных пятен, образующихся в море при попадании нефти в воду, относятся к особо ответственным функциям, которые должны осуществлять и сами занятые нефтедобычей фирмы и приглашаемые ими специалисты.

Сейчас во всём мире прокладывает себе путь линия на экономию в потреблении нефти, другого углеводородного сырья. Если ещё Д. И. Менделеев утверждал, что экспортировать сырую нефть — это всё равно, что топить ассигнациями, то сейчас призыв к ограничению потребления нефти и нефтепродуктов может быть облечён и в ещё более решительную форму. Без преувеличения можно утверждать, что добыча и транспортировка нефти — это настоящая игра с огнём.

Что касается урбанизации, то она породила и порождает свои проблемы. Всё

чаще на страницах различных изданий можно встретить агитацию за так называемые компактные города. С экономическими аргументами в их пользу трудно спорить. Но преимущества подобных городов ассоциируются главным образом с высокой этажностью. Если же подойти не только с узко понимаемыми «экономическими» соображениями, а принять во внимание ещё и такие слагаемые, как здоровье и безопасность людей, то картина окажется куда более сложной.

Трагедия с «Башнями близнецами» в Нью-Йорке, случившаяся 11 сентября 2001 года, дала впечатляющий пример тому, что современное градостроительство должно быть подчинено в первую очередь идее безопасности человека. Эта беда порождает сомнения в том, насколько вообще целесообразно возводить такие сооружения, из которых людей невозможно было бы благополучно эвакуировать. Нужна своеобразная психологическая революция в градостроительстве, когда бы первым и основным императивом для его развития стала безопасность.

Приведенные выше данные и материалы позволили, пусть в самом кратком виде, продемонстрировать, какими вехами было отмечено движение от прошлого к настоящему в развитии представлений о безопасности человека, каким оказался процесс изменений самих чрезвычайных ситуаций, как шли изменения в технике и в организации спасательных служб.

На фоне этого краткого исторического экскурса закономерно возникает вопрос о том, к чему надо быть готовым в будущем? Многие из того, что волнует сейчас человечество, с большой степенью вероятности останется в силе. Но можно ли ожидать новых потрясений, причём в таких регионах нашей планеты, на которые пока не распространялась озабоченность мирового сообщества?

Первый фактор, который способен сработать уже в недалёкой перспективе,

это — глобальное потепление. О нём говорят и пишут сейчас не просто много, а очень много. Утверждают, например, что состояние ледяного панциря Гренландии начнёт меняться, а это способно повлечь за собой экологическую катастрофу, эхо которой отзовется в различных уголках нашей планеты. Согласно данным, приведенным на страницах журнала «Зеркало Арктики», «если температура в примыкающем регионе возрастёт только на 3 градуса по Цельсию, гренландский ледяной щит полностью и быстро растает».⁵

Правда, считается, что климат в Арктике и на другом полюсе, то есть, в Антарктике уже менялся. Стоит, например, принять во внимание, например, мнение серьёзного учёного, профессора О.Покровского, главного научного сотрудника Главной Геофизической обсерватории им А.И. Воейкова. Он — откровенный противник алармизма и утверждает, что «материалы глубинного бурения многокилометрового льда в Антарктиде показали, что на протяжении нескольких сотен тысяч лет на Земле попеременно происходило несколько значительных потеплений и похолоданий».⁶

Вполне можно предположить, что прежние изменения климата происходили не с такой интенсивностью, как это прогнозируется на ближайшее будущее. Не удивительно, что уже по этой причине внимание к данной теме в СМИ устойчиво растёт. Примечательно и в то же время закономерно, что это настойчивое внимание в России обнаруживало себя с большей активностью, чем в других странах. В нашей стране, разумеется, не могли не привлечь к себе внимания предсказания наводнений на почве потепления, даже возникновения арктических цунами. Но бить тревогу стоит лишь при наличии исчерпывающих оснований.

В целом же алармизм скорее вредит науке и практике, чем помогает. В доказательствах этого на стороне антиалар-

мистов оказались американские астрофизики, которые подсчитали, что «для поворота оси вращения Земли на угол, равный 20 градусам, — а именно при такой величине произойдут катастрофические климатические изменения — необходим астероид, подлетающий к Земле со скоростью 100 километров в секунду и имеющий размеры не менее 1000 километров в диаметре».⁷ Пока ещё подобным астероидом никто нас не пугал. Так что климат на Земле, скорее всего, останется прежним, а изменения в Гренландии окажутся не причиной, а одним из возможных следствий более масштабных процессов.

Спасатели могут спокойно выполнять свои обычные функции, тем более само население Крайнего Севера пока не поддавалось панике и не спешило двинуться туда, где «воздух, как сладкий морс». Великое переселение в связи с великим потеплением пока на практике не давало о себе знать. А значит, и службам спасения незачем ориентироваться на то, что эпицентры бедствий и формы их проявления существенно переменятся. Пока надо исходить из того, что для того и другого в современном мире установились определённые константы.

Если не произойдёт бурных климатических изменений (а этого, скорее всего, не случится), то роль главного источника бедствий сохранится за самим человеком. И именно человеческий фактор служит причиной таких ситуаций, которые вынуждают спасателей действовать с предельным напряжением сил. Отрицать подобное было бы своего рода легкомыслием. Так, среди главных причин, которые ведут к лесным пожарам, было и остаётся неосторожное обращение населения с огнём. Как год пожаров вошёл в историю нашей страны засушливый 2010. Жаловаться на природу в данном случае — последнее дело. Непосредственные возгорания в результате попадания молний являются редкой причиной пожаров, хотя стоит обратить

внимание на то, что в наши дни космические исследования имеют одним из своих направлений именно изучение механизма гроз. А значит, остаётся настойчиво призывать людей к тому, чтобы они по-настоящему берегли себя сами и оберегали своё личное и наше общее национальное достояние.

Выбирать для себя партнёров в науке спасатели должны, руководствуясь принципами важности их сферы и достоверности информации, которую наука предоставляет. К сожалению, и за учёными следует признать право на ошибку. Как пример, можно привести прогнозы в отношении землетрясений. Можно считать большим везением, когда сообщением о землетрясениях сопутствует такое завершение: «Жертв и разрушений не последовало». Вероятность другого исхода сплошь и рядом бывает велика. Правда, когда учёные следуют по новаторским путям, за ними надо сохранить право на ошибку. И ошибок было немало. Они, например, не сумели предсказать само землетрясение в армянском городе Спитаке в 1988 году. Драматизм ситуации был велик, и её не смогли переменить ответственные действия спасателей (об их безупречной честности свидетельствует, хотя бы такой пример: пострадало помещение ювелирного магазина, но последующая проверка показала, что не пропала ни одна вещь из него). В 2005 году произошла совсем иная ошибка; был составлен прогноз, предрекавший сильное землетрясение в Курильского-Камчатском регионе. Он не оправдался, учёные лишь учинили панику. Но на ошибках, как известно, учатся. И не зря великий Пушкин сказал: «Опыт — сын ошибок трудных».

Промахи как раз свидетельствуют о том, что прогнозирование стихийных бедствий находится в самом начале своего пути. И работа эта должна всемерно поддерживаться и продолжаться, больше того, она имеет ключевое значение для преодоления и ограничения их наи-

более опасных последствий природных коллизий и техногенных катастроф.

Что же касается спасателей, то они более чем достойны того, чтобы получать в своё распоряжение самую совершенную технику, включая и такую, которая построена на использовании космических возможностей.

Призывать современное человечество к скоординированным действиям в интересах безопасного хозяйствования — дело необходимое, но наивно ждать, что оно по-настоящему перестроит свою жизнь ради достижения этой цели. И снова в качестве подтверждений может последовать целая цепь примеров. Один из них — это аварии на гидросооружениях, в том числе — на гидроэлектростанциях.

На пессимистическое видение будущего, исходя из того, что люди не только не господствуют над природой, но и не всегда её понимают, настраивал даже такой крупный учёный, как основатель целого ряда научных школ, академик Н.Н. Моисеев. Он утверждал: «Разум, возникший на планете, не способен (и я думаю, никогда не окажется способным) сделать мировой процесс управляемым, подчинить его некоей единой всеобъемлющей идее». Но далее он давал основания и для умеренного оптимизма:

«Разум в силах понять и, возможно, организовать систему воздействий на природные процессы так, чтобы обеспечить желаемые тенденции развития общества (если они не противоречат логике развития Природы). Разница между управлением в технике и в социально-экономической сфере, где нельзя ни поставить чётких целей, ни разработать надёжных процедур реализации управленческого процесса, ни фиксировать точного определения целей, даже если они и определены».⁸ Итак, главная сфера для человека — это не управление природой, а адаптация к её законам. На большее пока невозможно, да и не нужно рассчитывать, в том числе и в вопросах безопасности жизнедеятельности.

Бороться человеку в ближайшей перспективе придётся всё-таки преимущественно не с природой, а с самим собой. Если исходить из этого, то в наши дни не может не вызывать поддержки формула, предложенная академиком РАМН Л.А. Бокерия: «Здоровье — это область взаимных интересов и взаимной ответственности государства, общества и человека».⁹ Только так, на основе подобного постоянного взаимодействия общество справится, если не со всеми, то хотя бы с некоторыми чрезвычайными ситуациями.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 «Основные факты об Организации международных наций» М. 2005 с.284
- 2 «Коммерсантъ. Власть», 10 авг. 2010., с.54.
- 3 Магомедов М.Т. Роль социальной защиты в профилактике преступлений несовершеннолетних. // «Власть», 2007 №3, с.65.
- 4 «Российская газета», приложение «Экономика». Топливо-энергетический комплекс. М. 2013. 8 апреля, с. А-3.
- 5 «Зеркало Арктики» 2006 май, с.56.
- 6 Покровский О. Климат: мифы и реальность // «Управление ресурсами» 2010, №1 (55), с. 9.
- 7 «Государственное управление ресурсами» 2009, №8 (50), с.100.
- 8 Моисеев Н.Н. Механизмы рационального общества. // «Экология и жизнь» 2012, № 8 (129), с.5.
- 9 Луговский А.Н., Потапова В.Н., Губина Н.Б. «Правовое регулирование вопросов сохранения здоровья и жизни работающих» // «Справочник специалиста по безопасности труда» 2009, № 2, с.6.

Уважаемые авторы!

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: GPJ2013@mail.ru (текст — через 1.5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски концевые, обозначения арабскими цифрами). Объем материала не должен превышать 10 страниц. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.
2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.
3. Договор о предоставлении права использования произведения заключается в устной форме и является безвозмездным, т.е. плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в тех справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение. При направлении в редакцию статьи обязательно прилагается заполненное заявление в свободной форме на имя Главного редактора.
4. В начале статьи авторы направляют в редакцию на русском и английском языках (обязательно для лиц, сдававших кандидатский экзамен по английскому языку) следующие сведения и материалы:
 - название статьи;
 - фамилию, имя, отчество, ученую степень, ученое звание;
 - место работы, должность, почтовый служебный адрес, контактные телефоны и адрес электронной почты;
 - аннотацию (4–5 строк);
 - ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);

Кроме того, автор представляет только на русском языке приставный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках в конце статьи).
5. Данные, представляемые в редакцию в соответствии с п.4 пунктом, будут размещены в РИНЦ.
6. Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.
7. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов и наличие необходимой информации.

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, можно обращаться в редакцию по телефону (495) 7-400-600 или по e-mail: GPJ2013@mail.ru.